

12+

С пользой для Отечества

МОНОМАХ
№ 3 (93) 2016

Выходит 6 раз в год

Главный редактор

М.Б. Уральцева

Ответственный редактор

Л.С. Янушевская

Художественный редактор

Т.А. Мельникова

Редакционный совет:

В.Н. Егоров (председатель)

Р.Г. Азбукин

Л.П. Баюра

О.Е. Бородина

Т.А. Громова

О.Н. Даранова

И.И. Егоров

А.И. Золотов

Ю.В. Козлов

Н.В. Липагова

Л.Н. Нецветаев

С.А. Ойкин

А.Г. Пашкин

С.Б. Петров

Г.В. Романова

И.Э. Сивопляс

О.Г. Шейпак

Учредитель:

Правительство Ульяновской области

Издатель: ОГАУ ИД «Ульяновская правда»,

432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, д. 11

Адрес редакции:

432011, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 54

Тел. 8 (8422) 41-86-51

www.monomah.sis.net.ru;

www.ulpravda.ru/monomah

e-mail: monomahh@gmail.com

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы

по надзору в сфере связи,

информационных технологий

и массовых коммуникаций

по Ульяновской области

ПИ № ТУ 73-00387 от 21.11.2014 г.

Цена свободная

Подписано в печать 27.05.2016 г.

Формат 60x84 1/8; усл. печ. листов 7,44

Тираж 1000 экз. Заказ № 496

Набор и вёрстка заказчика

Вывод фотоформ и печать:

ОАО «Областная типография

"Печатный двор"»

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, д. 27

На обложке –

фото Галы Узрютовой

Приобрести журнал в розницу

можно в отделениях почтовой связи,
в киосках «Симбирская печать», «Дома печати»,
в музейном магазине Дома И.А. Гончарова
(вход со стороны ул. Ленина, 138)
и в киоске Ленинского мемориала

Содержание:

Год здравоохранения

О. Василенко. Год здоровья. Интервью с П. Дегтярём.....	2
В. Горохова. Династия врачей Никифоровых.....	6
В. Михайлова. От медицинской школы к техникуму.....	10
«Надо искать в себе нечеловеческие силы...»	
Из книги Л.В. Тихомировой-Мишлановой «Чьи мы?».....	13
Г. Тетнев. Фронтовой хирург, гинеколог Зинаида Тетнева.....	16
И. Сивопляс. Врачи Марченковы: Иван и Нина.....	18
Л. Васильева.	
«Лечиться их можно было уговорить только с трудом...».....	22
В. Горохова. Холеру в Ульяновск не пустили.....	24
Т. Тонеева. «Обязан вам жизнью!».....	26
Е. Плотнокова. Хранители памяти.....	27

Имя нашего края

И. Михайлова. Karamzin на звёздном небе.....	28
--	----

С уважением к прошлому

И. Макеева. Неординарный мыслитель Василий Розанов.....	30
О. Розов. Красные пятна истории.....	33
И. Павлов. Слушай же, молодость, как было дело... ..	36
Д. Семенов. Бой в Киндяковке 12 сентября 1918 года.....	38
Л. Янушевская. Два брата – две судьбы.....	41

Герои

В. Радаев. Золотая Звезда Фёдора Баталова.....	44
--	----

Земляки

Е. Куликова. Симбирский архитектор Пётр Курочкин.....	48
Т. Степанова. Основная героиня.....	51

Юбилеи

А. Долматов. От картинной галереи – к музею живописца.....	55
Е. Кувшинникова. Мне везёт на хороших людей.....	57
Слово друзьям. К юбилею Ольги Шейпак.....	58

История с фотографией

Г. Ждыханова. Генерал, граф, фотограф.....	60
--	----

Прекрасное – рядом

С. Нефёдова. Фототрадиция нашего края.....	62
--	----

В объективе

Эхо минувшей войны. Фото В. Никитина.....	64
---	----

Событие

Г. Дёмочкин. Знать и любить свой край.....	3 стр. обложки
--	----------------

Уважаемые читатели!

Объявлена основная подписка на журнал «Мономах»
на II полугодие 2016 года

Подписной индекс 54840

Цена на 6 месяцев – 264 руб. 00 коп.

Редакционная подписка – в два раза дешевле,
в том числе для юридических лиц.

Информация по телефону **8 (8422) 41-04-32;**

e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал по альтернативной подписке можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59; ул. Рябикова, 43;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 305 (тел. 20-16-40)

Для удобства читателей предлагаем альтернативную подписку
через агентство УРАЛ-ПРЕСС Поволжье, тел. 8 (8422) 41-01-41

Темы номера:

Фото Григория Кучушева

Кардиохирурги Ульяновской областной больницы
во время работы. 2012

В Ульяновской
области идёт
Год здравоохранения

В центре внимания –
человек

Красные пятна
истории

«Дважды
незаконно
репрессирован»

Основная
героиня

Актриса и литератор
Людмила Ямшикова

Мне везёт
на хороших людей

К юбилею Ольги Шейпак,
с восхищением
и признательностью

Год здоровья

2016 год в Ульяновской области должен дать импульс формированию профессионального и ответственного отношения людей к своему здоровью. Комплексной программой межведомственной работы руководители региона намерены добиться качественных изменений не только в системе здравоохранения, но и в мышлении, образе жизни ульяновцев.

О том, как проходит Год здравоохранения в Ульяновской области, журналу «Мономах» рассказывает заместитель председателя правительства Ульяновской области – министр здравоохранения Ульяновской области Павел Дегтярь (на фото).

– Руководитель нашего региона Сергей Иванович Морозов принял решение: 2016 год должен стать Годом здравоохранения. Предыстория этой инициативы такова: 2015 год объявлен национальным Годом борьбы с сердечно-сосудистыми заболеваниями, которые являются основной причиной смертности в России. В первом же полугодии во всей стране от инсультов умерло на 2,1% человек меньше, чем за аналогичный период 2014 года. При этом втрое увеличилось число пациентов, успешно прошедших реабилитацию. Итоги показали, что чёткая постановка задач, концентрация усилий и перераспределение ресурсов дают результат.

В концепции Года здравоохранения мы отразили важнейшие вопросы

отрасли, которые предстоит решать в этом году. Прежде всего, это материально-техническое оснащение лечебных учреждений – и новых, и уже существующих. Это совершенствование кадровой политики отрасли, внедрение новых стандартов оказания медицинской помощи, повышение её качества и доступности.

Одна из задач – наладить коммуникацию между врачом и пациентом. Часто возникают вопросы, которые находятся в зоне конфликта, и некоторые из них остаются неразрешёнными. Именно поэтому мы выстраиваем сегодня систему обратной связи с пациентами, выясняем, что же нужно сегодня людям, как они видят для себя качественное и доступное здравоохранение.

Важно понимать: усилий одних медиков недостаточно, если речь идёт о формировании профессионального и ответственного отношения к своему здоровью. Требуется активное участие системы образования, спорта, деятелей культуры, средств массовой информации, гражданского общества.

– Какие направления развития сферы здравоохранения Ульяновской области вы считаете приоритетными?

– Прежде всего, мы должны наладить доступность первичной медико-санитарной помощи.

Минздрав России разработал информационный геопортал, где на интерактивных картах обозначены все населённые пункты и медучреждения,

**Сергей Морозов,
врио губернатора
Ульяновской области:**

– Основным итогом реализации мероприятий Года здравоохранения станет укрепление тенденции снижения естественной убыли населения, увеличение уровня рождаемости и продолжительности жизни. В 2016 году предстоит приложить все усилия для повышения престижа работников отрасли здравоохранения, а также качества и доступности медицинской помощи жителям региона. Развитие кадрового потенциала отрасли здравоохранения и внедрение инновационных методов лечения будут способствовать укреплению здоровья граждан и снижению смертности.

Губернатор С.И. Морозов и министр здравоохранения Ульяновской области П.С. Дегтярь на встрече с кардиохирургами областной больницы, которые с 2015 года начали выполнять высокотехнологичные операции на большем сердце

дороги и их доступность в разное время года. Это особенно важно для сельских регионов – видеть, как правильно обеспечить территориальное планирование инфраструктуры, включая профилактику. Существует норматив: «скорая помощь» должна доехать до пациента за 20 минут. По каждому населённому пункту, где цифры не соответствуют этому нормативу, мы готовим комплекс мер, чтобы эту ситуацию исправить: за счёт мобильных форм работы, за счёт усиления бригадами скорой медицинской помощи.

Следующее важное направление – совершенствование специализированной медицинской помощи, в том числе и высокотехнологичной. За последние пять лет многие виды высокотехнологичной помощи вошли в программу государственных гарантий. То, что раньше было высокой технологией, сегодня просто рутинно. Раньше компьютерный томограф был единственный на всю область, сегодня он уже есть в Барышском районе, следующий устанавливаем в Новоспасском.

– Чуть больше двух лет вы возглавляете министерство здравоохранения Ульяновской области. Что удалось сделать? Что предстоит?

– Нам удалось переломить негативные демографические тренды. Средняя продолжительность жизни у нас сегодня составляет 71,8 года, а в 2004 году этот показатель был чуть больше 65 лет. По итогам первого квартала 2016 года мы видим заметное снижение смертности в целом по региону, особенно от сердечно-сосудистых заболеваний. Это для нас очень важный показатель.

За последние десять лет количество жителей старше 80 лет увеличилось вдвое. И сохранять здоровье людей преклонного возраста – отдельная задача. Именно поэтому губернатор настоял на том, чтобы в 2015 году госпиталю ветеранов войн был присвоен особый статус. Это предусматривает дополнительное финансирование в размере 50 миллионов рублей, на эти средства запланирован ремонт административно-поликлинического корпуса, приобретение современного рентгеновского компьютерного томографа, видеоэндоскопической аппаратуры, оборудования для операционной.

Приступаем к реализации проекта «Госпиталь на дому» – уже есть такой опыт в Ульяновском районе. Особенно это важно для маломобильных людей.

Один из самых болезненных вопросов – кадры. Мы расширили перечень

вузов, с которыми работаем по целевому набору, и сейчас есть динамика притока кадров. В 2013 году к нам пришло около 190 специалистов, в 2014-м – больше 200, в 2015 году – больше 250. Но надо видеть долгосрочную перспективу, и я настаиваю на том, чтобы инициатива закрепления кадров исходила от глав муниципальных образований. Важно, чтобы ребята из села поступали в медицинские вузы, во время обучения проходили практику в родных больницах, а потом возвращались на работу туда, где родились.

Заработала программа региональной поддержки молодых специалистов – им положены ежегодные выплаты, помощь в приобретении жилья. Губернаторская ипотека позволяет платить молодому специалисту в первый год работы за однокомнатную квартиру не более 5000 рублей.

Участникам программы «Земский доктор» выплачивается по 1000000 рублей. И вот результаты: с 2012-го по 2015 год по этой программе к нам пришли работать 217 врачей различных специальностей. Например, в Майнскую больницу – 25 докторов. Новые врачи начали работать в Майнской, Новомалыклинской, Большенагаткинской, Ульяновской, Николаевской, Мулловской, Чердаклинской, Сенгилеевской районных больницах. Кроме участковых терапевтов и педиатров, на селе появились специалист по ультразвуковой диагностике, рентгенолог, дерматовенеролог, акушер-гинеколог, психиатр-нарколог, невролог, хирург.

В 2016 году в Ульяновской области по инициативе губернатора Сергея Морозова стартовала региональная программа «Земский фельдшер». С начала года уже пришли пять фельдшеров в Николаевский, Инзенский и Карсунский районы. В ближайшее время ждём ещё восемь специалистов. Каждому участнику программы «Земский фельдшер» выплачивается по 500000 рублей на улучшение жилищных условий.

– Разве это реально сейчас, во время финансового кризиса и тотального сокращения расходов?

– Бюджет Ульяновской области – социальный. В этом году расходы на социальную сферу и на здравоохранение составляют около 20 процентов от бюджета. С учётом федеральных поступлений в этом году на отрасль будет направлено около 20 миллиардов рублей. За последние пять лет есть устойчивая динамика прироста бюджета.

Руслан Линчак, заместитель директора Государственного научно-исследовательского центра профилактической медицины Министерства здравоохранения РФ, доктор медицинских наук:

– Проведение Года здравоохранения в Ульяновской области в 2016 году – решение своевременное и актуальное. Одной из ключевых задач предстоящего Года здравоохранения станет совершенствование системы профилактики неинфекционных заболеваний.

<...>

Для совершенствования профилактической работы с населением руководство Ульяновской области привлечёт в будущем году большую межведомственную команду, состоящую из различных органов власти, ведомств и организаций. Это абсолютно верное решение, поскольку осуществление профилактических программ невозможно без эффективного партнёрства медицинского и немедицинского секторов, государственных и частных организаций, работодателей, профессиональных обществ, общественных организаций, а также активного участия самого населения.

В Новоспасском районе начал работу диализный центр европейского уровня

– *Есть непростой вопрос: оптимизация медицинских учреждений. Всегда ли она приводит к сохранению доступности и росту качества медицинской помощи?*

– Я бы прежде всего забыл такое слово «оптимизация», я бы говорил о повышении эффективности работы медучреждений. Мы провели ряд организационных мероприятий, которые сегодня нам во многом позволяют выводить учреждения на новый уровень.

Городская детская клиническая больница сегодня объединенное учреждение, все поликлиники правобережья входят в его состав. Несколько лет назад отдельные поликлиники были не в самом лучшем состоянии: небольшой объём медпомощи, небольшое приписное население – это затрудняло лечебное учреждение в своём развитии. Сегодня руководитель укрупнённого учреждения может решать проблемы комплексно, он направляет ресурсы туда, где это в первую очередь необходимо. Нам удалось за счёт аккумуляции и перераспределения средств отремонтировать поликлиники в дальнем Завьяжье и на ул. Льва Толстого, а также запланировать ремонт ещё трёх медучреждений и покупку рентгеновского аппарата для поликлиники в Железнодорожном районе. Объединение стоматологических клиник в одно учреждение позволило приобрести более 20 стоматологических установок в школы, чтобы лечить зубы ребятишкам.

Кстати, у нас на региональном уровне принят закон, который позволяет производить любые структурные преобразования только после масштабного общественного обсуждения. Это касается не только здравоохранения, а всей социальной сферы – образования, социальной защиты, спорта. Никто не вправе сказать «давайте закроем», сначала мы должны спросить мнение людей, послушать аргументы «за» и «против», вынести этот вопрос на рассмотрение Медицинской палаты, Палаты справедливости, Общественной палаты.

Поменялись и структуры, и подходы. Время сегодня непростое, мы должны смотреть на каждый рубль – эффективно ли мы его тратим на нашего пациента.

– *Павел Сергеевич, не переоценивается ли важность экономической эффективности медицинских учреждений? Всё-таки в центре внимания должен быть человек, а не рубль.*

– Мы отчитываемся по тем показателям, которые определяют состояние

Студентка Ульяновского фармацевтического колледжа в новом симуляционном центре по лабораторной диагностике

здоровья людей – с нас губернатор спрашивает не за количество потраченных рублей, а за результат.

И результат есть. У нас полностью сохранена сеть фельдшерско-акушерских пунктов (ФАПов): их сегодня в области 487, причём у нас есть сёла, где количество жителей менее 100 человек. Мы понимаем, если там будет закрыт ФАП, куда будут обращаться люди? До ближайшей поликлиники полдня дороги. Поставили задачу в этом году отремонтировать или вновь создать около 40 ФАПов. Уже детально обсудили, где и когда они появятся.

За первый квартал 2016 года высокотехнологичная медицинская помощь за счёт средств обязательного медицинского страхования в государственных учреждениях здравоохранения региона была оказана 588 пациентам, что в 2,5 раза больше аналогичного периода прошлого года.

Около 80 тысяч детей прошли диспансеризацию в Ульяновской области. С начала года за пределами региона бесплатно пролечено с помощью высоких технологий около 220 детей, сейчас в федеральных клиниках находятся около 160 маленьких пациентов.

Этой весной у нас уже в 51-й раз проходит межрегиональная конференция, которая собирает тысячи докторов со всей страны. Также по инициативе депутата Госдумы В.А. Третьяка к нам приезжают доктора из Канады и США, в том числе уникальные косметические хирурги, работающие с редчайшей патологией. Они бесплатно консультируют наших ребятишек, учат наших докторов. Будет расширяться международное сотрудничество по обмену

Игорь Каграманян,
первый заместитель министра
здравоохранения РФ:

– Я очень позитивно оцениваю то, что региональное правительство делает в Ульяновской области и в сфере здравоохранения, и в сфере общественного здоровья. Важно укреплять такие направления, как профилактика, создание здоровьесберегающей среды. <...> Сергей Иванович высказал идею о том, чтобы одно из мероприятий Лиги здоровья нации провести в Ульяновской области. Мы это поддержали – и министерство, и общественная организация. Я думаю, это очень важно.

опытом, в том числе и с Израилем. Уже планируем направить туда наших специалистов, и докторов, и управленцев, чтобы они понимали, как нужно выстраивать и отлаживать систему оказания медицинской помощи на местах.

– *Данные социологических опросов говорят: 66% ульяновцев довольны качеством медицинских услуг. Как вы считаете, эта цифра отражает реальное состояние дел?*

– Оценка пациента строится на субъективных показателях. Статистические данные более объективны. Можно соотносить общий процент жалоб с числом оказанной медицинской помощи, и окажется, что это меньше сотых процента!

Нам важнее разовых опросов постоянная обратная связь с пациентами. В одной из социальных сетей мы начали практиковать ответы на вопросы в режиме онлайн. За полтора часа обратились около 150 человек, каждый со своей проблемой. Я понимаю, как людям это важно, и сразу вижу проблемы, которые сегодня наиболее болезненны: обеспечение лекарствами, вопросы с родовыми сертификатами...

Если у людей возникают вопросы, значит конкретное медицинское учреждение недорабатывает. Берём под контроль каждый такой случай, отслеживаем, как развивается ситуация.

– *Здравоохранение – система, где особенно важен человеческий фактор. Что предпринимается в регионе для повышения престижа работников отрасли?*

– Мы являемся одним из регионов России, где серьёзно представлена

Сертификат участника программы «Земский фельдшер» получает Оксана Лукина, фельдшер Труслейкинского фельдшерско-акушерского пункта Инзенской районной больницы

Здравоохранение в цифрах

Медико-демографические показатели Ульяновской области с 2007-го по 2015 год

Коэффициент рождаемости
в 2015 году составил 11,9 на 1000 населения, что на 28,0% выше аналогичного показателя за 2007 год (9,3 на 1000 населения).

Средняя продолжительность жизни
в Ульяновской области за 7 лет увеличилась на 5,1%. В 2014 году составила 70,4 года: мужчин – 64,5 года, женщин – 76,2 года, в 2007 году – 67,0: мужчин – 60,5 года, женщин – 73,8 года.

Коэффициент младенческой смертности
в 2015 году снизился на 29,3% по сравнению с 2007 годом и составил 6,5 на 1000 родившихся живыми (в 2007 году – 9,2 на 1000 родившихся живыми).

Показатель детской смертности
за 8 лет снизился на 22,4%

Структура государственных учреждений здравоохранения

9 самостоятельных поликлиник (включая стоматологическую поликлинику и Центр СПИД)
47 больниц (20 областных и городских больниц, 20 районных больниц, 7 участковых больниц Мелекесского района)
5 диспансеров (онкологический, кардиологический, противотуберкулезный, кожно-венерологический, лечебно-физкультурный),
4 санатория (из них 2 детских),
9 учреждений здравоохранения особого типа,
25 врачебных амбулаторий (из них 21 находится в районах Ульяновской области, 4 – в городе Ульяновске),
20 участковых больниц в сельских районах,
123 участка врача общей практики,
487 фельдшерско-акушерских пункта.

Мощность амбулаторно-поликлинических учреждений: 30418 посещений в смену.

Пролено в круглосуточных стационарах Ульяновской области в 2015 году более 270 тыс. пациентов.

В 2015 году было развёрнуто 2681 койко-место дневного стационара (в 2007 году – 2443), из них 2236 койко-мест находится в амбулаторно-поликлинической организации, 343 койко-места – в больничной организации, 102 койко-места – на дому.

Кадры

По итогам 2015 года в государственных учреждениях здравоохранения трудятся 31130 работников, в том числе 4457 врачей, 14574 специалиста со средним профессиональным медицинским образованием, а также младший медицинский персонал численностью 5671 человек. Обеспеченность врачами в государственных учреждениях здравоохранения на 10000 населения составила по итогам 2015 года 33,6, в 2007 году – 32,0.

Медицинская палата. Возглавляет её советник-наставник при губернаторе Ульяновской области по направлению «Здравоохранение», главный врач Ульяновской областной клинической больницы Валентина Герасимовна Караулова. Работа этого общественного объединения направлена на формирование профессионального сообщества медиков, защиту прав и интересов врачей, повышения их престижа. Ежегодно вручается премия Медицинской палаты, мы чествуем лучших докторов региона. Думаю, это тоже хороший стимул к развитию.

Врачебные династии – наше огромное богатство. Например, в Ульяновске есть три поколения врачебной династии Герасимовых: Николай Иванович и Зоя Дмитриевна, их старший сын Андрей Николаевич и внуки Варвара и Андрей. Владимир Николаевич и Нина Михайловна Сальниковы более двадцати лет посвятили работе в городской поликлинике № 4, их дети Андрей и Оксана пошли по их стопам, посвятили себя медицине, работают в Ульяновске. Александр Петрович и Наталья Александровна Красновы – врачи с тридцатилетним стажем, воспитали себе смену: их дочь Вера тоже стала терапевтом. Много у нас семей, для которых День медицинского работника праздник семейный.

– Вы сами из врачебной династии. Продолжат ли её ваши дети?

– Я никогда не сомневался, что буду врачом. Сейчас, когда встречаюсь с докторами и медицинскими сёстрами, всегда говорю одно: «Если наши дети

не пойдут учиться медицине, то кто?». Ведь лучшие учителя – родители. Ребёнок из семьи медиков легче адаптируется в профессиональной среде и способен показать отличные результаты. Поэтому я радуюсь, когда дети коллег идут в медицинские вузы.

Мои дети пока ещё совсем маленькие, будут взрослеть – постараюсь направить. Было бы здорово, если бы они приняли решение связать жизнь с медициной.

– Открытость – это ваша отличительная черта и принцип работы. Своим распоряжением вы обязали руководителей лечебных учреждений Ульяновской области размещать номера своих мобильных телефонов в свободном доступе. Каких результатов вы ожидаете от этого?

– Здравоохранение – традиционно закрытая во многом отрасль. Но чем больше информации мы будем давать, тем лучше нас поймут люди. Надо больше говорить о позитивных изменениях, о новых возможностях, которые сегодня появились у здравоохранения. Часто случается: лечение назначено верное, но врач не нашёл каких-то подходящих слов для своего пациента, и это дало почву для конфликта. То, что абсолютно ясно врачу, далеко не всегда ясно пациенту. Коммуникацию «врач – пациент» необходимо выстраивать системно. Вот для этого и нужна открытость.

Нам задают живые вопросы, за каждым стоит реальный человек. Нужно по-честному находить их решение. Вот это и есть наша главная задача.

Династия врачей Никифоровых

Н.Н. Никифорова
(справа) –
ассистент на операции.
1952

В музейном собрании Ленинского мемориала бережно хранится уникальный семейный архив Никифоровых – четырёх поколений учителей и врачей, внесших неоценимый вклад в историю Симбирского-Ульяновского края. Эти документальные материалы охватывают период с 1862-го по 1980-е годы.

Основатель рода – отставной унтер-офицер, почтарь Земской управы города Алатыря Никифор Никифорович Никифоров (1823–1902), отец шестерых детей. Всем своим детям он сумел дать образование, гимназическое или высшее. В то далёкое время это было довольно редким явлением.

Старший сын Александр, родившийся в 1858 году, – учитель двухклассного народного училища в селе Порецкое Симбирской губернии, последователь И.Н. Ульянова. Старшая из дочерей, Мария Никифоровна (1867–1955), тоже учительница. Судьба свела её с Ильёй Николаевичем Ульяновым, который однажды, приехав по долгу службы в Алатырь, побывал на уроке у Марии Никифоровны, только

ещё начинавшей тогда свою педагогическую деятельность. Позже она вышла замуж за ученика и последователя И.Н. Ульянова – Алексея Александровича Волкова, выпускника Порецкой учительской семинарии. Всю свою долгую жизнь Алексей Александрович и Мария Никифоровна Волковы несли в народ знания, воспитали не одно поколение крестьянских детей.

Средний сын, Владимир Никифорович (1875–1945), окончил Казанский ветеринарный институт и работал ветеринаром в селе Тагай, а позже в Симбирске-Ульяновске.

Младшие дочери в семье Никифоровых, Елизавета и Надежда, во многом были похожи друг на друга, не только внешне, но и по характеру, по настойчивости, упорству, с которым

добивались своей цели. Они много и хорошо учились. В начале XX века девушке получить высшее образование было не так-то просто. Сёстры успешно окончили симбирскую Мариинскую женскую гимназию. Елизавета, получив свидетельство учительницы, поступила на высшие женские курсы в Казани, окончила их в 1915 году и была направлена в Елабужскую женскую гимназию преподавателем русского языка и литературы, где проработала до 1917 года. Позже работала учителем в школах Старомайского района Ульяновской области. Умерла от болезни в 1933 году.

Надежда Никифоровна через много лет, вспоминая это время, писала в своей автобиографии: «По окончании гимназии было сильное желание

Врач Красной армии
Алексей Михайлович Никифоров.
1919

Надежда Никифоровна
Никифорова.
1925

продолжать образование, но за отсутствием средств пришлось поступить в преподавательницы. Мысль о высшем образовании меня не покидала, и я продолжала служить преподавательницей сначала в Алатырской, а затем Карсунской женских гимназиях. Накопив 170 рублей денег, через 6 лет после окончания гимназии я поступила на медицинский факультет Московских высших Женских курсов в 1911 году и в 1917 году окончила, получив звание лекаря с отличием. Накопленных денег хватило ненадолго, пришлось сразу отдать 50 рублей за правоучение за 1-е полугодие, в дальнейшем меня освободили от платы как одну из лучших студенток. Но для пополнения ресурсов пришлось на первых порах изучить оспопрививание, массаж, что давало мне заработок, а также я несла дежурства у больных. С 1914 года одновременно с учением работала в госпиталях. С такими трудностями я получила высшее образование...».

Учёба совпала с трагическим периодом Первой мировой войны. Сохранились уникальные снимки, на которых можно увидеть Надежду Никифорову – фельдшерницу госпиталей Всероссийского земского союза – на передовой в окопах и среди раненых в Лефортовском лазарете. По окончании курсов Надежда Никифоровна возвращается домой в Алатырь, работает в народной больнице заведующей женским отделением. Военное время вносит коррективы в её жизнь: врача Никифорову в ноябре 1918 года мобилизуют в Красную армию. Она работает военным врачом в госпиталях Симбирска.

В Симбирске Надежда Никифорова встретила со своим будущим мужем.

Однофамильцы, оба из Алатыря, оба врачи, сослуживцы. Алексей Михайлович Никифоров – выпускник медицинского факультета Томского университета, родом из семьи алатырского священника. В 1920 году они поженились. Симбирск-Ульяновск стал их родным городом. Здесь родились дети. Дочь Ирина, родившаяся в 1921 году, в 1951-м окончила Московский 1-й медицинский институт, пошла по стопам матери, стала гинекологом, работала в Ульяновской областной больнице. Занималась новыми технологиями лечения онкозаболеваний – радиологией. Сын Владимир (1922 года рождения) окончил МГИМО, работал в Министерстве торговли. Его дети и внуки живут в Москве.

С Ульяновском связана трудовая биография врачей Никифоровых. Алексей Михайлович (1884–1953) в 1920–1930-е годы работал в системе санитарной службы НКВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. В 1944 году был награждён знаком «Отличник здравоохранения». В 1951 году А.М. Никифоров, терапевт Ульяновской областной больницы, Указом Президиума Верховного Совета СССР был награждён орденом Ленина.

Надежда Никифоровна Никифорова (1884–1970) в памяти горожан осталась как талантливый врач, профессионал высокого класса. С 1928 года она работала в Ульяновской областной больнице ординатором, позже была заведующей акушерско-гинекологическим

Н.Н. Никифорова с семьёй.
1926

Группа врачей и фельдшерш
на пути к передовым окопам.
1915

Врачи и медперсонал
военного госпиталя на передовой.
1915

Уникальные снимки времён Первой мировой войны, на которых можно увидеть Надежду Никифорову – фельдшерницу госпиталей Всероссийского земского союза – на передовой в окопах и среди раненых в Лефортовском лазарете

В перевязочной.
Лефортово,
Москва. 1915

В палате
военного
госпиталя.
Лефортово,
Москва.
1915

Н.Н. Никифорова,
зав. гинекологическим отделением
Ульяновской областной больницы

Президиум торжественного собрания в честь 70-летия Н.Н. Никифоровой
1954

отделением, с 1943-го по 1948 год – главным акушером-гинекологом Ульяновска и области, решала целый ряд медицинских задач, а также вопросов расширения и благоустройства медучреждений, контролировала работу гинекологических отделений районных больниц, уделяла особое внимание кадрам. По её инициативе были организованы курсы и семинары для врачей и акушеров, читались лекции, проводились практические занятия. Н.Н. Никифорова от методического бюро акушеров при горздравотделе читала лекции, выступала на конференциях и собраниях.

Надежда Никифоровна преподавала гинекологию и акушерство на двухлетних курсах медсестёр РОККа (Российское общество Красного Креста), в Ульяновской фельдшерско-акушерской школе в 1934–1947 годы читала курс «Лечебная физкультура и её применение в гинекологии». Разработала программу учебно-производственной практики студентов по акушерству. Эта программа, утверждённая облздравотделом, предусматривала проведение практической части обучения в отделениях больниц, где практиканты должны выполнять работу самостоятельно, под наблюдением врачей.

В годы Великой Отечественной войны в Ульяновске в эвакуации находился Воронежский медицинский институт, и областная больница стала его базой, а Надежда Никифоровна работала там

клиническим ординатором. После эвакуации института снова заведовала гинекологическим отделением.

Надежда Никифоровна постоянно училась сама: неоднократно стажировалась в Казанском и Московском клинических институтах усовершенствования врачей, в ленинградском НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии имени Д.О. Отта. Она не считала зазорным учиться и в 70-летнем возрасте: в 1954 году она стажировалась в НИИ акушерства и гинекологии в Москве, где «прослушала лекции, прошла клинику, занятия на фантоме, участвовала в утренних конференциях, обходах, консультациях профессоров и общепрофессиональных конференциях. Под руководством высококвалифицированных хирургов сделала самостоятельно два чревосечения под местной анестезией».

И сама Надежда Никифоровна была прекрасным педагогом. За 37 лет врачебной деятельности вырастила целую плеяду замечательных врачей-гинекологов, которые работали в разных городах страны: в Москве, Смоленске, Калуге, Сызрани, Казани, в Чувашии, и, конечно, в Ульяновской областной больнице, в районных больницах Ульяновской области. Многие из них стали известными специалистами с учёными званиями. Надежда Никифоровна щедро делилась своим опытом, её статьи опубликованы в центральных научных журналах, сборниках трудов врачей областной больницы.

Надежда Никифоровна была практикующим врачом, сделала несколько тысяч операций. Многим женщинам доктор Никифорова спасла жизнь, вернула радость материнства. В мае 1948 года в редакцию газеты «Ульяновская правда» пришло письмо её бывшей пациентки М.Г. Сулковской, жительницы станции Глотовка Куйбышевской железной дороги: «Разрешите использовать страницы областной газеты, чтобы высказать свою искреннюю признательность искусному врачу, старейшему и лучшему гинекологу в Ульяновске Никифоровой Надежде Никифоровне. Сделанная мне в этом году в Ульяновской областной больнице сложная операция восстановила мое здоровье. Хорошее лечение, заботливый уход больничного персонала позволили мне вскоре встать на ноги. Приношу свою благодарность доктору Никифоровой за проделанное лечение, за все её труды. Операция, выполненная ею, под силу лишь лучшим медикам советской страны. Имя врача, возвратившего мне здоровье, надолго сохранится в моей памяти, как лучшее, драгоценное воспоминание».

Всю свою жизнь Надежда Никифоровна следовала завету Гиппократы: «Любовь к врачебному искусству – это есть любовь к человечеству».

Валентина Горохова,

старший научный сотрудник отдела фондов ОГАУК «Ленинский мемориал»

От медицинской школы к техникуму

Центральное из трёх зданий Карсунского медицинского техникума. 2015

Первые преподаватели Карсунской школы младших медицинских сестёр перед первым зданием школы. 1939

Карсунский медицинский техникум – единственное в Ульяновской области среднее учебное заведение этого профиля. Остальные училища и колледжи, готовящие фельдшеров, медицинских братьев и сестёр, размещаются непосредственно в городе Ульяновске. Один из старейших сузов нечасто попадает на страницы прессы. Но сегодня мы не могли обойти его стороной. В 2016 году Карсунскому медицинскому техникуму исполняется 80 лет.

История Карсунского медицинского техникума началась в далёком 1936 году. В 1930-е годы в стране остро не хватало медицинских кадров среднего звена. Тогда по инициативе главного врача Карсунской больницы – хирурга Виталия Васильевича Тихомирова на базе местной больницы в 1936 году была открыта школа младших медицинских сестёр.

Открытию медшколы предшествовали специальные решения государственных и партийных органов. В те годы проводилась политика увеличения числа лечебных учреждений, чтобы охватить квалифицированной медицинской помощью как можно больше людей. Получить средства на открытие нового учебного заведения

удавалось далеко не каждому райцентру. Необходимо было найти помещение, преподавателей-специалистов и, главное, людей, способных возглавить и организовать это непростое дело.

Изначально в Карсуне планировалось открыть школу ясельных сестёр, но это бы не решило проблему с нехваткой средних медицинских работников. В.В. Тихомиров занял принципиальную позицию. Его задачей было добиться для родного посёлка разрешения на создание учебного заведения для подготовки медсестёр широкого профиля. Сохранилось неофициальное письмо краевого руководящего работника, от которого зависело изменение первоначального плана. Поначалу его не убедили аргументы Тихомирова,

но Виталию Васильевичу всё-таки удалось доказать свою правоту – в итоге на основании постановления Куйбышевского райисполкома от 21 августа 1936 года в Карсуне была создана двухгодичная школа младших медицинских сестёр.

Первым директором медшколы был назначен Виталий Васильевич Тихомиров. Первым завучем стал Иван Петрович Дегтярёв.

Дочь первого директора Карсунской школы медицинских сестёр Лидия Витальевна Тихомирова-Мишланова вспоминает о том, как в конце 1930-х годов её отец самовольно ввёл в программу обучения будущих медработников обучение шофёрскому делу. «Тут же кто-то написал кляузу в Куйбышев,

В.В. Тихомиров
(второй справа в первом ряду)
с коллегами Карсунской
районной больницы,
многие из которых преподавали
в школе младших медицинских
сестёр. 1950-е

и папу вызвали «на ковёр» к большому начальнику. Когда ему стали пенять за самоуправство и строго спрашивать, зачем он нарушает правила, он ответил: «А представьте, война, и медсестра сопровождает раненых в тыл. По дороге водитель погибает, и, скажите, что должна делать в этом случае девушка, которой доверены жизни раненых? Если она обучена шофёрскому делу – она сама сядет за руль и люди будут спасены». Большой начальник внимательно посмотрел на папу, подумал... и одобрительно махнул рукой...».

Время было тревожное, многие чувствовали приближение большой войны, и Виталий Васильевич был из числа таких провидцев.

«Мне запомнилось, как мимо нашего дома ежедневно до войны, всю войну и многие годы после неё в любую погоду ходили строем девушки-медички и обязательно с песнями, – продолжает свои воспоминания Лидия Витальевна. – Звонкими, бодрыми голосами они пели «По долинам и по взгорьям», «Дан приказ ему на запад», «Катюшу», и я, как заслышу, бегу, бывало, к окнам и провожаю их взглядом. А няня скажет: «К Барышскому оврагу ходят. Там их военрук учит ползать, гранаты кидать, тренируются, как раненых из боя выносить»».

Уже после Великой Отечественной войны выпускницы-фронтовички при встречах рассказывали, как помогали им в полевых условиях уроки военного дела и вождения автомашины.

Первый выпуск школы медицинских сестёр – 26 человек – состоялся в 1938 году. В годы войны срок обучения был сокращён до 10 месяцев. Сразу после окончания курсов выпускники отправлялись на фронт. Около 40 из них были награждены орденами и медалями. Всего до 1946 года образование в школе получило 479 медсестёр.

В ногу со временем

С той далёкой поры это медицинское учебное заведение неоднократно меняло статус. В 1955 году оно было переименовано в Карсунское медицинское училище. Теперь это областное государственное бюджетное профессиональное образовательное учреждение «Карсунский медицинский техникум».

В первые годы после образования школы медицинских сестёр юным студентам преподавали опытные врачи и медсёстры Карсунской больницы. Лишь с 1950-х годов в училище были введены штатные единицы преподавателей. Сначала это были преподаватели образовательных дисциплин, в 1960-е годы штат пополнили врачи – Н.С. Суланова, З.И. Кузина и другие.

В настоящее время в техникуме работают 20 преподавателей. Среди них семь выпускниц, которые после получения высшего образования вернулись в родные стены уже в качестве преподавателей клинических дисциплин.

Почти все врачи и многие медсёстры Карсунской больницы учили студентов техникума. А учащиеся в свою очередь приходили в больницу на практические занятия.

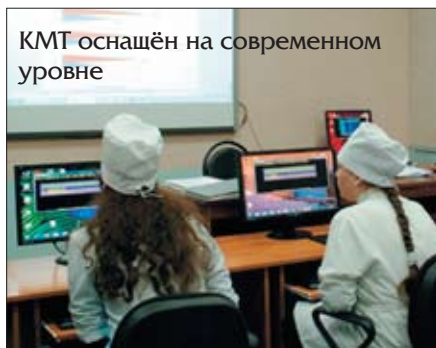
Сейчас многие трудности, которые возникали на первых порах работы училища, кажутся невероятными. Но тем

не менее от фактов никуда не деться. В 1930–1940-е ученицы из национальных сёл либо совсем не знали, либо плохо знали русский язык. Им приходилось особенно трудно. Они начинали изучать русский с нуля. Не было учебников. Занятия проводились в тесных классах. Не было наглядных пособий (единственным пособием будущих медиков был скелет). Ситуацию спасал местный художник Борщевский. Он просто рисовал наглядные пособия.

Лишь в 1950–1960 годы в училище впервые поступили плакаты по основным медицинским дисциплинам: анатомии, терапии, хирургии, детским болезням. На практических занятиях по хирургии студенты часть времени уделяли изготовлению шин из подручных материалов. В середине 1960-х и в 1970-е годы на помощь преподавателям пришли ныне почти забытые учебные диафильмы. Руководством тогда уже медучилища были приобретены диафильмы по многим дисциплинам.

Знаменательным для техникума был 2009 год. Тогда его коллектив стал победителем национального проекта «Образование-2009» и в качестве вознаграждения получил денежные средства. На них были приобретены современные манекены, муляжи, компьютеры, ноутбук, интерактивные доски.

Сегодня материальная база учебного заведения и его оснащение полностью соответствуют требованиям Федерального государственного образовательного стандарта нового поколения. В техникуме имеется всё необходимое для подготовки конкурентоспособных выпускников для отечественного здравоохранения. Качество образования выпускников суза в последние годы держится на стабильно высоком уровне. Последние тридцать лет дипломы с отличием получают больше 40 медиков. В советское время самое большое

количество отличников учёбы выпало на 1980-е годы – 71, но тогда и число учебных групп было больше.

Всего же за всю историю учебного заведения дипломы с отличием получили 313 выпускников.

Многие из окончивших учёбу с отличными результатами получили высшее образование и работают врачами, среди них З.Г. Дворникова, Н.И. Чигакова, П.А. Баров, М.П. Кабаков, В.В. Домнина, В.В. Связова, О.Ю. Дроздова, Ю.М. Мемешев и другие.

Самое большое количество специалистов, окончивших Карсунское училище, пришлось на десятилетие с 1977-го по 1986 год (1467). Всего за годы существования суза выпущено около 5909 медицинских сестёр, 1192 фельдшера, переподготовлен 301 специалист. Общая цифра работников среднего медицинского звена внушительная – больше шести с половиной тысяч.

В те времена, когда было всесоюзное распределение, специалисты из Карсуна получали направление на работу и в республики Средней Азии, и на Дальний Восток. Но в основном распределение происходило в лечебные учреждения Ульяновской области.

Сейчас, как и в большинстве учебных заведений страны, распределения в техникуме нет. Выпускники сами выбирают себе место работы. Лучше определиться с дальнейшим трудоустройством им помогают встречи с главными медицинскими сёстрами различных лечебных учреждений. Они знакомят выпускников с вакантными местами, приглашают на работу.

Многие студенты определяются с этим трудным выбором ещё во время практики, которую они проходят на 10 базах лечебно-профилактических учреждений. Очень популярно у карсунских выпускников Государственное учреждение здравоохранения «Ульяновский областной клинический центр специализированных видов медицинской помощи имени Чучкалова». Многие работают именно там.

Дерзайте, пока молоды!

К счастью, в наше время студентам не приходится учиться ходить строем, обучаться приёмам оказания первой помощи в Барышском овраге, как в довоенные и военные годы. Но по-прежнему в техникуме большое внимание уделяется спорту, здоровому образу жизни.

Студенты Карсунского медицинского техникума всегда активно участвуют

в студенческих, районных и областных мероприятиях. Конечно, формы реализации молодёжной активности меняются в зависимости от времени.

После войны учащиеся оказывали помощь семьям фронтовиков, проводили профилактические мероприятия для предупреждения малярии, туберкулёза, трахомы. В 1960-е годы в училище был организован стройотряд, который каждый год выезжал на уборку арбузов в Астраханскую область.

Студенты медтехникума традиционно участвуют в лыжных гонках

В 1970-е годы в училище проводились соревнования на лучшую группу, победителям вручался вымпел. Фотографии отличников учёбы и активистов размещались на доске почёта. Студенты ежегодно перечисляли деньги в Фонд мира.

В училище организованы хор, вокальная группа. Особой гордостью была агитбригада, выезжавшая в колхозы во время посевной и уборочной кампаний. Студенты принимали участие в билейных мероприятиях, подготовили замечательное выступление на праздновании 50-летнего юбилея техникума.

В 1980-е годы проводилось много мероприятий, классные часы различной тематики, политинформации, встречи с интересными людьми. В эти годы студенты побывали на экскурсиях по ленинским местам Ульяновска, ездили в Москву, Волгоград, Тольятти.

В конце 1980-х годов контингент училища пополнился студентами из Бухары. Тогда были выпущены две группы национальных кадров для работы в лечебных учреждениях Узбекской ССР.

В 1990-е годы отличники учёбы стали принимать участие в областном конкурсе профессионального мастерства. В разные годы победителями становились Павел Баров, Максим Кабаков, Лилия Жалилова, Алексей Галныкин. После окончания медицинского факультета УлГУ они стали работать врачами в лечебных учреждениях.

В начале XXI века студенты принимают участие в благоустройстве посёлка, оказывают шефскую помощь

ветеранам и детям войны. В стенах техникума традиционно проводятся такие мероприятия, как посвящение в студенты, осенний бал, «Знай и умей».

Ежегодно студенты техникума принимают участие в областных мероприятиях «Вместе победим туберкулёз», «Молодая смена», Арт-Профи-Слёт «Профессия будущего», смотр агитбригад, в патриотической игре «Орлёнок».

Преподаватели и обучающиеся техникума – участники заочных олимпиад, конференций и конкурсов, проводимых на различных базах учебных заведений медицинского профиля Приволжского федерального округа.

Хочется отметить победителей таких соревнований: Дарья Красильникова выиграла областной конкурс «Молодая смена», стала лауреатом Губернаторской премии, лауреат премии Президента Российской Федерации; Нина Нюркина заняла 2-е место в Национальном чемпионате рабочих профессий Worldskills в Казани; Владимир Новиков – участник областного конкурса «Молодая смена», лидер волонтерского отряда «Витамин», занял 1 место в областном конкурсе волонтерских отрядов; Евгений Посеряев занял 2-е место в областном конкурсе профессионального мастерства; Анастасия Иванова – участница областного конкурса «Молодая смена», победительница районного конкурса «Мисс совершенство».

В техникуме много спортсменов, которые защищают честь учебного заведения по различным видам спорта: лёгкой атлетике, теннису, волейболу, занимают призовые места в лыжных соревнованиях.

С 2010 года и по сегодняшний день Карсунский медицинский техникум возглавляет И.Б. Янина. «Мы гордимся нашими выпускниками, которые работают во многих медицинских учреждениях России, с честью продолжают нести марку нашего техникума, – говорит Ирина Борисовна. – Однако за современными реалиями и проблемами ни преподаватели техникума, ни студенты, ни выпускники не забывают историю учебного заведения, его основателя и первого директора школы медицинских сестёр В.В. Тихомирова. В настоящее время мы готовимся к празднованию 80-летнего юбилея нашего учебного заведения: пополняем музейный материал, проводим поисковую работу».

Вероника Михайлова

По материалам Карсунского медицинского техникума

«Надо искать в себе нечеловеческие силы...»

По решению Совета депутатов МО «Карсунский район» Ульяновской области с 30 июля 2015 года областному государственному бюджетному профессиональному образовательному учреждению «Карсунский медицинский техникум» присвоено имя Виталия Васильевича Тихомирова.

Сегодня мы публикуем фрагменты из книги дочери первого директора Карсунского медицинского техникума В.В. Тихомирова Лидии Витальевны Тихомировой-Мишлановой, рассказывающие о его фронтовых дорогах.

В.В. Тихомиров
(1898–1974)

К началу войны отцу исполнилось 43, маме шёл 40-й, сестра Вера только что окончила 9-й класс, я была ещё маленькая. С нами жили моя няня Евдокия Ивановна Кострикина и дедушка Василий Феокистович.

Мама, медсестра, работала много и добросовестно, но её зарплата была крайне мала, и главным кормильцем семьи оставался, конечно, папа.

Он всегда остро чувствовал свою ответственность за семью, которую искренне и крепко любил. Но он понимал также, что его вынужденная оторванность от дома необходима и неизбежна...

Итак, предвоенные дни. На бланке почтового денежного перевода от 17 июня несколько строчек рукой отца: он оставляет вещи, купленные для мамы, у её родных в Казани. 19 июня он высылает семье денежный аттестат, который надо предъявить в военкомат, вкладывает в конверт фотокарточку и пишет маме: «Семью береги! Ты должна глубоко понять серьёзность обстановки. От квартиры в Казани временно пришлось отказаться. Некоторое время ты не будешь получать от меня писем, и я, наверно, не буду знать о семье. При первом же разрешении сообщу тебе номер моего почтового ящика». И в самом конце письма: «Я не потерял ещё веру в чувство благоразумия тех, кому вверена наша судьба. Надо быть гениально умным, чтобы избежать психоза войны, охватившего почти весь мир. Мне кажется, что возбудитель войны (разложившийся капитализм, смердящий в своей гибели) может быть побеждён гениальной дипломатией и нашей

постоянной готовностью отразить любой удар. До сих пор судьба нам благоприятствовала. Будем верить в счастливое будущее».

Увы, избежать кровавой бойни не удалось. Следующее сообщение – уже из г. Чернигова (Украина) от 30 июня, то есть восемь дней, как идёт война.

В Чернигове, писал отец в воспоминаниях 1968 года, «мы получили приказ выгрузиться. Ночью над нами летали вражеские самолёты, которые обстреляли нас из пулемётов. Появились первые раненые. Медицинскую помощь мы оказывали под небольшим бетонным мостом».

Отсюда на автомашинах четыре полевых госпиталя выехали по направлению на Гомель (Белоруссия). Недалеко от Калинковичей госпиталь, где отец был начальником хирургического отделения, впервые развернулся для приёма раненых, «...обрабатывал раны тяжело раненого осколками мин в операционной палатке. Неожиданно над нами появился вражеский самолёт, который сбросил бомбу... Я очнулся вместе со своим раненым, ассистентом и операционной сестрой в небольшой яме, задыхаясь от удушливого дыма».

Папе оказалось трудно приспособиться к военной обстановке не только потому, что по природе он был сугубо гражданский человек, причём немолодого возраста, но и по причине довольно сильной близорукости. «Очки, – писал он в воспоминаниях, – которые перед войной были мне подобраны... для дали и для «близи», я хранил всю войну, можно сказать, с трепетом». А однажды в белорусской

В.В. Тихомиров – участник Финской и Великой Отечественной войн, отличник здравоохранения, награждён орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Уроженец Пензы, он после окончания Харьковского медицинского института (1921) работал в Пензенской области. В 1935 году был назначен главврачом Карсунской районной больницы и сразу же приступил к строительству родильного дома. В 1936 году по его инициативе в Карсуне была создана школа младших медицинских сестёр, которую он возглавил. В 1935–1940 годы В.В. Тихомиров – главврач, хирург, в 1945–1967-е – заместитель главного врача, хирург и невропатолог Карсунской ЦРБ. С 1967 года проживал в Перми.

В.В. Тихомиров стал основателем целой врачебной династии. Дело отца продолжила его старшая дочь Вера Витальевна, ставшая невропатологом. Сын его младшей дочери Лидии – Виталий Юрьевич Мишланов – доктор медицинских наук, заведующий кафедрой пропедевтики внутренних болезней Пермской медакадемии, профессор; её дочь Ольга Юрьевна – врач. Правнучка Виталия Васильевича Ирина – выпускница Пермской медакадемии, врач-гинеколог.

деревне отца вместе с товарищем арестовали местные жители: уж очень подозрительными показались им его очки в немецкой оправе.

Самым мучительным на фронте с самого начала и в течение последующих лет был недостаток сна при чрезвычайно напряжённой работе. У сельского хирурга и в мирное-то время было немало бессонных ночей, но здесь на отдых совершенно не хватало времени, и отец приучил себя спать, как он говорил, «на кулаке», буквально по 10-15 минут в редкие перерывы между операциями и бомбёжками. «Всякие случаи были, – читаю в воспоминаниях. – В конце августа в лесу стало прохладно и сыро, особенно ночью. Помню, под утро, чтобы согреться, я лёг в ямку и закопал себя старыми листьями. По тревоге проснулся. Надо мной стояла гружёная машина – только случайно я не был раздавлен».

Наши войска продолжали ожесточённо сопротивляться, временами переходя в наступление. При столкновении корпуса с противником, как это было, например, под Паричами и Жлобиным, в полевой госпиталь начинали поступать, как писал отец, «свежеокровавленные раненые», поток их не прекращался день и ночь, и медики работали без передышки. От хирургов требовались не только знания и умения, но и быстрота ориентации и огромная выносливость. О том, как они уставали, говорит, например, такой факт. «Помню, – обращаюсь я опять к отцовским воспоминаниям, – один из начальников санитарной службы, приехавший в наш госпиталь, вздумал нас за что-то поругать. Под его наставления, сидя, мы незаметно для себя уснули. Он вышел на цыпочках и велел санитару позвать его, как только мы проснёмся».

По долгу службы приходилось оперировать и пленных немцев. Отец рассказывает такой эпизод. Посёлок вблизи станции железной дороги, где они развернули госпиталь, постоянно подвергался нападениям с воздуха. Какой-то немецкий самолёт прилетал бомбить каждый раз точно в 11 часов утра. Среди населения были жертвы, в госпиталь доставили троих детей с ранениями в живот. Через несколько дней самолёт сбила наша зенитка, и два раненых немецких лётчика тоже попали в госпиталь. «Оба лётчика молчали, когда их перевязывали, молчали и мы. Однажды вместе с этими лётчиками в перевязочной находились тяжелораненые дети. Медицинские сёстры плакали. Немецкие лётчики отворачивались,

закрывали глаза и пальцами затыкали уши, чтобы не слышать детских стонов и плача».

И в самых неподходящих условиях отец старался не изменять своей привычке – часто писать домой. Писал в вагоне-теплушке, при свете коптилки в землянке и даже на колене в лесу. Писал ручкой и карандашами – простым и химическим, на обрывке тетрадного листа и на страницах из блокнота.

В.В. Тихомиров
на Сталинградском фронте.
1942

Но с августа по октябрь 1941 года вестей от отца мы не получали. Корпус продолжал отступать в юго-восточном направлении. После переправы через Днепр и Десну он был дважды окружён врагом. «Иногда мы буквально просачивались через кольцо окружения, как это было под Прилуками и Пирятиным, – вспоминал отец, – становились базой (имеется в виду госпиталь. – Л.М.) для наших бойцов, выходящих из окружения ослабленными и часто ранеными». «Мы каждый день, – продолжал он, – видели примеры массового, часто мало заметного, героизма, стремление во что бы то ни стало задержать врага; если отступить или погибнуть, то обязательно причинить врагу больше потерь. Мы многого не понимали, но старались успокоить себя тем, что военные неудачи носят временный характер, вызваны внезапностью нападения коварного, до зубов вооружённого врага. Мы говорили (в разговорах между собой. – Л.М.), что терпим поражение потому, что пока учимся по-современному воевать. И как только научимся воевать, враг будет побеждён и изгнан с нашей территории. Вера в победу помогала нам переносить лишения и трудности».

Но было и другое. В сложнейшей, часто непредсказуемой обстановке люди, наименее устойчивые в моральном отношении, начинали злоупотреблять спиртными напитками. Это вело порой к трагическим последствиям, во всяком случае, увеличивало опасность и для них самих, и для подчинённых или просто окружающих. Именно на фронте отец возненавидел пьянство и потом, уже в мирное время, много сил отдал антиалкогольной пропаганде и лечению больных, в том числе фронтовиков, от алкогольной зависимости...

Первые телеграммы и открытки после длительного перерыва мы получили из Поворина и Борисоглебска Воронежской области, причём приходили они порой не в том порядке, в каком были посланы. 4 октября 1941 года отец писал: «Больше двух месяцев я не получал от тебя писем и ничего не знал о семье: почте нелегко было нас разыскать – хорошо я познакомился с лесами и полями нашей необъятной Родины, много видов видывал, многое узнал и услышал – были в тылу у неприятеля и не раз выходили из окружения». И на другой странице: «Много жутких минут пришлось пережить нам, но, к счастью, потери у нас сравнительно незначительны, особенно опасны переправы через реки и железнодорожные мосты».

У нас дома на стене висела большая политико-административная карта СССР. Я помню мамину, всей семье передававшуюся, радость, когда приходило письмо, и то, как она искала и показывала нам, где находится папа. С конца декабря 1941-го до середины мая 1942-го адрес отца оставался, можно сказать, неизменным. А потом (и это хорошо прослеживается по письмам) начались поездки на автомашинах в сторону Сталинграда и сам город Сталинград. В этот период папа работал во фронтовых эвакуприёмниках, оказывая хирургическую помощь раненым и доставляя их в эвакуационный госпиталь № 1095. По мере развития событий он перемещался всё ближе к их эпицентру. В сентябре - октябре пишет из Камышина и со станции Петров Вал, где живёт «в щелях и землянках, типа блиндажа».

Большая часть сообщений отсюда – на открытках. Стиль лаконичный, торпливый. Видно, что обстановка быстро меняется, чувствуется большое напряжение, крайняя нехватка времени. С 4 мая 1942 года на всех почтовых отправлениях стоит штамп «Просмотрено цензурой» с названием города. С 9 октября название это – Сталинград.

В своих воспоминаниях отец писал: «Многие годы после войны мне был неприятен шум моторов летящих самолётов, казалось, они начнут сбрасывать бомбы». Он не раз потом говорил, что от самолётов над Сталинградом «неба не было».

19 ноября 1942 года у Сталинграда началось контрнаступление наших войск.

Поражает, что и в горькие месяцы отступления, и в жаркие дни Сталинградской битвы, и позже, на Курской дуге, в пути на запад, в Польше как бы отец не был загружен и переутомлён, в моменты острой опасности и в минуты кратковременного отдыха, он никогда, нигде, ни при каких обстоятельствах не забывал о семье, о доме...

1942 год выдался для нашей семьи чрезвычайно тяжелым. Опух от голода дедушка Василий Феокистович. Мама и я заболели брюшным тифом, лежали в больнице, теряя сознание от высокой температуры. Старшая сестра Вера отлично окончила среднюю школу, и папа очень хотел, чтобы она поступила в медицинский институт или в военно-медицинскую академию и стала невропатологом. Но из-за крайне бедственного материального положения ей пришлось в тот год пойти работать. Из-за болезни было отложено и моё поступление в первый класс. Всё это, конечно, тревожило отца. К тому же почта в боевой обстановке не всегда находила адресата, и он порой месяцами не имел сведений из дома. Он рвался к нам, даже просил краткосрочный отпуск, но его, врача-хирурга, непустили. Да он и сам понимал, что в такое горячее время нужен на фронте.

Несмотря на все меры, которые предпринимал отец, чтобы в фронтовых условиях сохранить физическую форму и, следовательно, работоспособность, в январе 1943-го он сам оказался на госпитальной койке. Туляремия, тяжёлое инфекционное заболевание, разносимое степными грызунами, дало осложнение на сердце и вывело отца из строя. Но продолжается война, а это время жестокое, человек не принадлежит себе, некогда ему лечиться и отдыхать до полного выздоровления.

2 февраля 1943 года нашей победой завершилась кровопролитная Сталинградская битва, и снова фронтовикам предстоял долгий, тяжёлый путь – теперь на запад! «Надо искать в себе нечеловеческие силы, – писал отец. – И найду!».

Чуть-чуть окрепнув, он из-под Сталинграда перекочевал под Курск, затем письма шли из разных точек Украины,

а новый 1944 год отец встретил в Чернигове. Поскольку о дислокации писать не разрешалось (цензуры не было лишь в начальный период войны), а на штемпеле название городов заменили шифром, то об этом он сообщил маме так: «31.XI 1.43... Пишу тебе с нового места – тот самый большой областной город, где я впервые почувствовал дыхание войны. Таким образом, завершаю своеобразную кругосветку».

Фронтной хирург
В.В. Тихомиров

В войну наш старый пятистенный принадлежавший больнице дом принимал то одних, то других временных постояльцев, нас, как говорили тогда, «уплотняли». Помню эвакуированных – молодую красивую украинку Марусю и её пятилетнюю дочку Лору. Меня удивляло, как быстро тётя Маруся говорит, я ничего не понимала, а мама смеялась и просила: «Помедленнее, пожалуйста, Маруся, помедленнее». Взрослые между собой хорошо ладили, а вот Лорку мои подружки не хотели принимать в игры – была она плаксою и капризулей. Но однажды с фронта на побывку приехал Лоркин папа. Высокий, красивый, в военной форме с широким ремнём... Он подбрасывал Лорку к самому потолку, угощал нас, можно сказать, крупинками сахара: хотелось, чтобы досталось всем. Как же я завидовала его дочке!.. Прошло время. Уехали на освобождённую Украину тётя Маруся с Лорой. И однажды для нас тоже наступил праздник – в апреле 1944-го на побывку на четыре дня приехал домой и наш папа.

Вот тогда я впервые обнаружила, что отец невысокого роста, он же нашёл меня сильно выросшей. Вряд ли мы могли его чем-нибудь угостить, да и он, наверное, мало что мог привезти нам. В памяти осталось другое: я очень гордилась своим военным папой и ходила за ним буквально по пятам, или, как он говорил, «хвостиком». Ждали Веру из Ульяновска. Несмотря на трудную дорогу, она, предупреждённая заранее, всё-таки успела приехать и повидаться с отцом. В письмах мама с папой потом писали, что дни отпуска пролетели как сон, и они не успели поговориться друг с другом.

И ещё воспоминание из того далекого времени. Когда отец был в Польше, он собрал нам маленькую посылочку: четыре довольно объёмистые банки с тушёной, две нотные тетрадки и цветные открытки для меня. В письмах подробно описываются зловключения этой единственной за войну посылки, которую мы всё-таки получили. Она так долго путешествовала, что банки угрожающе вздулись, и мама, боясь ботулизма, скрепя сердце, закопала их где-то в конце огорода. Её твердость, скорее всего, спасла нам жизнь. Но не рассказать, как было жалко тушонки, как мы, каждый в себе, молча, пережили это. А польские тетрадки пригодились во втором классе для письменных работ (до этого, не имея тетрадей, я вырывала чистые листки из довоенных папиных блокнотов, писала даже на газетах). В одной из тетрадок на оставшихся страничках летом 1945 года я вела дневник. Он сохранился, и теперь можно прочитать, какие фильмы смотрели в то лето, как ходили со школой в поле полоть, какое впечатление осталось от солнечного затмения, которое случилось 9 августа. А 25 июля я записала, что у себя на огороде мы сорвали два первых огурца, но самое главное, что в эти дни начинают приезжать бойцы с фронта.

Однако своего отца мы в 1945 году ещё не дождались. В Польше у него обострилось заболевание сердца, впервые проявившееся под Сталинградом. Тогда из Польши его командировали в Казань преподавателем военно-фельдшерской школы. Но квартиры для семьи в городе, переполненном эвакуированными, получить не было тогда никакой возможности. Домой он вернулся только в 1946 году, в голодное и холодное, бедное время.

Из книги
Л.В. Тихомировой-Мишлановой
«Чьи мы?». Пермь, 2014

Фронтовой хирург, гинеколог Зинаида Тетнева

Во второй половине XX века среди врачей и пациентов Ульяновской областной больницы была хорошо известна акушер-гинеколог Зинаида Александровна Тетнева. Однако и сейчас, в начале века XXI, о ней помнят не только её ближайшие родственники, но и её благодарные пациенты.

С её племянником Геннадием Сергеевичем Тетневым даже как-то раз произошёл такой случай. «Когда в комитете соцзащиты я получал удостоверение ветерана труда, работник комитета, женщина средних лет, при вручении документа спросила меня: «Скажите, пожалуйста, не родственница ли вам Зинаида Александровна Тетнева?» – рассказал нам Геннадий Сергеевич. Вопрос его удивил, ведь прошло более 20 лет с тех пор, как Зинаида Александровна оставила работу, и он ответил: «Да, это моя тётя, и даже больше, можно сказать, моя вторая мама».

После этой случайной встречи он решил написать о замечательном докторе города Ульяновска.

З.А. Тетнева – капитан медицинской службы

История, рассказанная мне случайно сотрудником соцзащиты, оказалась из разряда счастливого стечения обстоятельств, когда опытный, знающий акушер вовремя вмешивается в ситуацию, и о трудных врачебных случаях остаётся только вспоминать и радоваться, что всё закончилось благополучно. Вот история появления на свет моей случайной знакомой: «Это было в далёком 1949 году, когда мне пришлось время появиться на свет. Мама родила в первый раз. Она сильно мучилась, никак не могла разродиться. Сердце давало сбои, иногда она теряла сознание. Врачи не могли ничем помочь и даже растерялись, не зная, кого спасать в первую очередь – роженицу или младенца. В этой критической ситуации решили вызвать Зинаиду Александровну. Быстро оценив ситуацию, она сумела сохранить жизнь и мне, и моей маме. Роды закончились благополучно, и на свет появилась я – тогда крохотная девочка. В дальнейшем мама наблюдалась у Тетневой и через пять лет легко без осложнений родила второго ребёнка – моего брата – мальчика весом 5 кг».

В 1970 году, в год 70-летия Зинаиды Александровны, в областной газете «Ульяновская правда» появилась большая статья известного ульяновского

врача П.П. Евдокимова под заголовком «Мастерство врача». Павел Петрович подробно описал профессиональную деятельность З.А. Тетневой, подчеркнул её увлечённость, самоотдачу в работе и тут же отметил: «Зинаида Александровна Тетнева не имеет своей семьи, она носит фамилию своего отца – замечательного железнодорожника станции Базарный Сызган, первого председателя стачечного комитета...».

Семья Зинаиды Александровны – это её пациенты, женщины, нуждающиеся в её помощи... Семья её – это коллектив Ульяновской больницы...».

Не умаляя её отношения к работе, я не могу с этим согласиться. Да, тётя Зина не была замужем и носила фамилию своего отца. Но в Ульяновске она жила в большой семье вместе со своей матерью, Верой Борисовной, в окружении своих родных брата и сестёр, их детей, заботилась о них. А я на долгие пять лет стал ей практически сыном. В тот период, когда в 1938 году мои родители переехали из села Новодевичье в Куйбышев (ныне Самара), они испытывали трудности с получением жилья на новом месте, поэтому на семейном совете было решено, что я останусь жить с тётей. С ней я окончил начальную школу. Она меня лечила, когда в восемь лет я сломал руку. В Ульяновске мне

не смогли правильно вправить перелом. Моя тётя Зина возила меня в Москву в Центральную детскую больницу на повторную операцию. После меня у неё жил и воспитывался мой двоюродный брат – сын её младшей сестры. Взрослым он успешно окончил Ульяновский сельхозинститут и уехал работать по специальности в Молдавию.

Тётя Зина всегда была с нами и даже тогда, когда мы все выросли, завели свои семьи. Она переключила своё внимание, в том числе профессиональное, на подросшее поколение. Моя жена благополучно родила двоих детей в значительной мере благодаря работам Зинаиды Александровны. Причём рожать второго ребёнка она была отправлена в Москву, в Центральный институт акушерства и гинекологии. Когда тётя перешла в «золотой» возраст, мы все не остались в долгу: моя семья обеспечила ей хороший уход. Тётя заслуживала этого.

Зинаида Александровна родилась в 1900 году. Её отец Александр Павлович Тетнев был помощником начальника железнодорожной станции Базарная. Мать Вера Борисовна, родом из крестьянской семьи, вела домашнее хозяйство, занималась детьми. В декабре 1905 года отец был арестован за участие в декабрьской стачке на железной

дороге и вместе с семьёй был сослан в Оренбург, где умер через четыре года. Вера Борисовна осталась одна с пятью детьми. Чтобы выжить, она нашла работу на железной дороге – шила постельное бельё для пассажирских вагонов, затем получила разрешение содержать буфет на станции. В работе ей помогали подраставшие дочери, среди которых Зинаида была старшей.

Трудное семейное положение не мешало ей учиться. Сначала в Оренбурге, в женской гимназии, после окончания которой, в 1918 году, она стала работать делопроизводителем в учреждении Губполитпросвета в Актюбинске.

В 1922 году Зинаида поступила на медицинский факультет в Средне-Азиатский университет (г. Ташкент). Учёбу совмещала с работой в обществе студентов «Наука и труд», а последние два года работала медсестрой в детской больнице.

После окончания университета в 1927 году была направлена на работу в пос. Зираб Ново-Бухарского района Узбекистана, где проработала три года.

Затем она переехала в Ульяновск, где проживала её мать вместе со старшим сыном Алексеем, работала врачом в Ишеевской больнице. С 1938 года её постоянным местом работы становится гинекологическое отделение Ульяновской областной больницы.

10 000 бойцов получили медицинскую помощь

В первые дни Великой Отечественной войны Зинаида Тетнева как опытный хирург была мобилизована в Красную армию. В 1941–1943 годы работала в Ульяновске в эвакогоспитале ЭГ 999. Я хорошо помню, как она приносила мне немецкие пули, извлечённые из наших воинов во время операций. В 1943 году её направили в действующую армию для работы в полевых госпиталях. В период службы она работала в нескольких госпиталях 1-го Украинского фронта: начальником хирургического отдела ПГ 5230, ординатором ЭГ 3364, начальником медчасти ЭГ 4477.

В 1944 году была награждена орденом Красной Звезды.

В наградном листе дана такая характеристика её работы: «Тов. Тетнева З.А. работает начальником 2-го хирургического отделения Госпитала с 13 марта 1943 г. и в одно время совмещая должность ведущего хирурга. Как высококвалифицированный хирург показала исключительно высокие образцы

З.А. Тетнева (в центре) с семьёй племянника Г.С. Тетнева и друзьями. 1988

работы. Смело применяет новые методы работы хирургического лечения и таким образом смело отработала своим отделением 10524 человека раненых бойцов и командиров Красной армии, из них проделала 674 сложных операции, 16 случаев переливания крови.

Несмотря на колоссальную нагрузку, тов. Тетнева З.А. проявила исключительную заботу по вопросу подготовки кадров, подготовив из людей, не имевших элементарных медицинских знаний, квалифицированных 4 медсестры и 2 санитарки».

После Победы она была удостоена ещё одной награды – медали «За победу над Германией», но домой вернулась далеко не сразу. До лета 1946 года З.А. Тетнева работала старшим врачом специальной амбулатории 256-го лагеря освобождённых и военнопленных граждан СССР в Потсдаме (Германия).

Вернувшись домой, Зинаида Александровна сразу приступила к своей любимой работе акушера-гинеколога сначала в качестве ординатора акушерского отделения областной больницы, а с 1953 года заведующей этим отделением.

Имея колоссальный разносторонний практический опыт, полученный в годы войны, Зинаида Александровна никогда не останавливалась в своём профессиональном развитии. Всё время интенсивно училась, работая дома с литературой. Постоянным источником новых знаний был журнал «Акушерство и гинекология». Она смело внедряла и применяла новейшие методы лечения, и в то же время большое внимание уделяла вопросам организации

акушерско-гинекологической помощи в сельских лечебных учреждениях и подготовки врачей-гинекологов. Она активно участвовала в работе научно-медицинского общества, делала доклады на конференциях и съездах врачей своего профиля. Её доклады и статьи поднимали самые разные актуальные и проблемные вопросы акушерско-гинекологической деятельности от сложных операций до проблем снижения детской смертности и всегда завершались конкретными выводами и практическими рекомендациями.

За выдающиеся показатели и результаты в работе З.А. Тетнева была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

В Ульяновской областной больнице Зинаида Александровна проработала до 77 лет и вышла на заслуженный отдых в мае 1977 года. Окружённая родными и друзьями, она не чувствовала себя одинокой. С радостью участвовала в семейных праздниках, любила отмечать знаменательные для страны даты. Её часто навещали коллеги по работе. До последних дней она любила читать, книги из библиотеки приносили ей бывшие пациентки.

Не забывал о фронтовом враче и областной военкомат. В дни празднования Великой Победы она получала поздравления, памятные медали.

Скончалась Зинаида Александровна в январе 1991 года на 91-м году жизни. Гранитный памятник на её могиле нам помог установить Ульяновский облвоенкомат.

Геннадий Тетнев

Фото из архива автора

Врачи Марченковы: Иван и Нина

Студент И.С. Марченков участвует в благотворительном сборе.
Казань. 1910-е

Память потомков и труд историков возвращают Симбирску-Ульяновску всё новые имена его замечательных уроженцев. Их помнят в других городах, регионах и даже странах, куда они оказались заброшены в силу исторических судеб, по учёбе, работе, в связи с драматическими событиями прошлого. Спустя десятилетия память о людях возвращается. История не знает сослагательного наклонения. В определённый момент оказываются востребованными именно те особенности людей, живших и создавших до нас, которые способны преподать нам, ныне живущим, свои уроки.

В начале давнего 1955 года эта история всколыхнула Казань, столицу советской Татарии. Погиб пожилой врач. Замёрз в январскую стужу, пытаясь исполнить свой врачебный долг – спасти больного.

Похороны врача-фтизиоларинголога, специалиста по лёгочным болезням Ивана Сергеевича Марченко превратились в стихийную манифестацию, собравшую тысячи жителей Казани. Толпа желавших проститься с доктором запрудила небольшую улицу Городецкого, где он жил.

Республиканская газета «Советская Татария» опубликовала развёрнутый официальный некролог с портретом

Ивана Сергеевича. И это при том, что погибший не был членом Компартии, не занимал никаких ответственных постов и не имел учёных званий. Смерть И.С. Марченко при выполнении служебного долга характеризовалась как «безвременная». Среди немногих биографических фактов в некрологе указывалось, что покойный был уроженцем Ульяновска.

Иван

У каждого из нас есть отец и мать, и замечательно, когда человек рождается в семье, где его любят и ждут, где его правильно воспитывают.

Маленький Ваня родился 27 июня 1886 года в Симбирске, в семье мещан Сергея Яковлевича и Александры Сергеевны Марченковых. Он был третьим ребёнком в семье, желанным сыном, будущим наследником. 1 июля мальчика окрестили во Владимирской церкви города Симбирска. У него было сразу два крёстных отца: самарский 1-й гильдии купец Артемий Гилянов и родной дядька Антон, преподававший в ремесленном училище имени графа Орлова-Давыдова. Крёстной матушкой стала симбирская потомственная почётная гражданка Глафира Андреевна Хапкина, жена брата матери, Ивана Сергеевича.

Сергей Яковлевич Марченков был известным в городе и далеко за его пределами человеком, судопромышленником, лесоторговцем, пароходным агентом. Сын крепостного, он собственным умом, трудолюбием и безукоризненной честностью в короткий срок достиг уважения и веса в обществе, породнился с купеческим родом Хапковых.

Его избранница, Александра Сергеевна, впрочем, мало походила на чванную купеческую дочку. Домашняя учительница А.С. Хапкина не раз общалась по возникавшим необходимым с директором народных училищ Симбирской губернии Ильёй Николаевичем Ульяновым.

Семья Марченковых много путешествовала по Волге, подолгу жила в разных городах. Отец видел Ивана Сергеевича продолжателем своего дела, более того, дипломированным инженером. Для этого требовалась соответствующая квалификация и подготовка. Двигаясь к этой цели, Иван Марченков поступил в Астраханское реальное училище.

Но в последних классах училища у Ивана начались серьёзные проблемы со здоровьем – и, как следствие, с учёбой. Юноша «мучился лёгкими», подозревали туберкулёз. За время длительного лечения Иван Марченков настолько заинтересовался медициной, что решил стать врачом.

Иван окончил реальное училище в 1906 году, в самый разгар Первой русской революции. Без гимназической латыни, которой не учили в «реальном», поступить на медицинский факультет в Российской империи было попросту невозможно. Поэтому Иван решил поступать в университет за границей. В начале XX столетия больше всего молодых людей из России ехало в Швейцарию. Вместе с братом на учёбу в Женевский университет отправились его старшие сёстры Нина и Мария (1883–1945).

Занимательно, но в студенческих документах Женевского периода И.С. Марченков впервые официально обозначен как Марченко. А в сохранившейся в семейном архиве карте студента медицинского факультета семестра 1908 года он лично расписался как «Марченко» на французском языке.

В Женевском университете И.С. Марченков проучился четыре семестра. От учёбы за границей пришлось отказаться в связи с надеждами на будущую карьеру. С заграничным дипломом в Российской империи можно было заниматься лишь частной практикой, он не давал преференций и по государственной службе, с которой была связана работа в казённых больницах или госпиталях, преподавание в университетах.

Летом 1909 года И.С. Марченков подал документы о поступлении на второй курс медицинского факультета Императорского Казанского университета. В родном Симбирске, в губернской гимназии, он 17 июня 1909 года «додал» недостающую латынь.

Ещё студентом Иван Сергеевич проявлял глубокий интерес к практической медицинской деятельности. Он оказывал необходимую помощь родным и близким, практиковал в больницах города Казани, сопровождал на лечение за границу тяжелобольного отца. Увлечение медицинской практикой оказалось столь сильным, что ради неё И.С. Марченков жертвовал каникулами, ограничивая время поездок к родителям в Симбирск.

Может быть, потом он и сожалел о таком упорстве. В июле 1913 года безвременно, после долгой болезни скончался крёстный отец Ивана Сергеевича, Антон Яковлевич Марченков, а в декабре 1915 года ушёл из жизни родной отец, Сергей Яковлевич. Врачебное призвание состоит в службе людям,

обществу, и тот, кто принял этот путь, должен многим жертвовать.

Летом 1917 года выпускник Казанского университета И.С. Марченков был призван на военную службу и оказался на фронте Первой мировой войны. В начале 1918 года, после революции и Брестского мира, он смог вернуться в Симбирск и стал работать в губернской земской больнице.

И.С. Марченков во время Первой мировой войны

В родном городе настигла его вторая в жизни Гражданская война. Иван Сергеевич был свидетелем взятия Симбирска белыми в июле 1918 года. В сентябре он сумел избежать принудительной эвакуации из осаждённого красными Симбирска, которой подвергались все служащие земских учреждений, в первую очередь столь ценный на войне медицинский персонал.

Иван Сергеевич поступил на службу в Красную армию, был назначен начальником тылового госпиталя. В этот период И.С. Марченков окончательно становится Марченко.

В 1919 году И.С. Марченко был переведён на службу в Казань. Вместе с ним из Симбирска уехали и все домашние, мать и сестра Мария с сыном Дмитрием, крестником И.С. Марченко. С этого времени вся дальнейшая жизнь и деятельность нашего героя оказалась связанной с Казанью.

В 1920 году Иван Сергеевич начал работать ординатором в хирургической клинике Казанского университета под руководством профессора, доктора

Студенческий билет И.С. Марченко

медицины Николая Александровича Геркена (1863–1933), выдающегося российского и советского врача и учёного. Н.А. Геркен славился исключительным чутьём в постановке диагнозов; своё умение он передал младшему коллеге. И.С. Марченкова и Н.А. Геркена связали глубокие профессиональные и личные взаимоотношения. В 1928 году Иван Сергеевич специально ездил на 40-летний юбилей медицинской деятельности Н.А. Геркена, который отмечался в городе Мариинский Посад Чувашской АССР, в котором Н.А. Геркен работал с 1926 года.

В 1925 году И.С. Марченко становится врачом-фтизиоларингологом Республиканского противотуберкулёзного диспансера ТАССР, и за годы работы там приобретает заслуженную славу «одного из крупнейших специалистов по туберкулёзу верхних дыхательных путей» как в Поволжье, так и в целом по стране. «Простые» пациенты уважительно называли его «профессором». Повторимся: никакими официальными подтверждениями своего мастерства и заслуг И.С. Марченко не обладал.

Врача И.С. Марченко отличали независимость и критичность суждений по отношению к происходившему в Советском Союзе. Доктор всегда высказывался открыто, отстаивал собственное мнение и принципиальную позицию. Именно эта принципиальность, по мнению родных, и сохраняла Ивана Сергеевича от политических репрессий.

В 1930-е годы по ложному обвинению в совершении криминального аборт была осуждена к тюремному заключению жена И.С. Марченко, врач-гинеколог Елена Леонидовна. Единственным «весомым» аргументом обвинения стало экспертное заключение, сделанное коллегами-акушерами под нажимом соответствующих органов. Спустя годы, один из «экспертов» прямо признался, что это уголовное преследование стало средством давления на её мужа: «Не будь твой Ванька таким упрямым, ничего бы и с тобой не было». Но и здесь Иван Сергеевич не смирился и не сдался. Вступив в открытое противоборство с системой, он сумел добиться пересмотра дела и досрочного освобождения супруги из лагеря.

Страна не стояла на месте. Людям хотелось действовать, творить, преобразовать и строить. С репрессиями и страхом уживались несомненные достижения человеческого труда и упорства, преобразовавшие и улучшавшие жизнь. В 1930-е годы И.С. Марченко

Семья Марченковых. 1928

стал одним из пионеров санитарной авиации в Советской Татарии и в Советском Союзе. По заданиям Наркомата, а затем Министерства здравоохранения ТАССР он много раз совершал вылеты на медицинском самолёте в санатории и районные больницы Татарской АССР. Каждый полёт на «кукурузнике», едва вмещавшем двух лежащих больных и двух сопровождающих медиков (а Иван Сергеевич отличался довольно высоким ростом), становился приключением и поступком.

Во время вылета к больному 14 января 1955 года самолёт, на борту которого находились лётчик, И.С. Марченко и медицинская сестра, совершил вынужденную посадку в заснеженном поле. При аварии никто не пострадал. Не дожидаясь прибытия спасателей, движимый чувством врачебного долга, И.С. Марченко пешком попытался добраться до больного. Не получилось...

Врач погиб, как солдат, на своём посту, ради общего дела, общей победы. Другой самолёт забрал больного, и жизнь человека, за которого отдал свою жизнь Иван Сергеевич, была спасена.

Нина

Нина Сергеевна Марченкова родилась в Симбирске 19 ноября 1882 года. Крещена была три дня спустя в Никольской церкви. Её крёстными родителями были уже упомянутая выше Глафира Андреевна Хапкова и старший брат матери, подпоручик Калужского пехотного полка Николай Сергеевич Хапков. Квартировавший в Симбирске Калужский полк лучшим образом

зарекомендовал себя во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Участник той давней войны, Н.С. Хапков положил начало офицерской династии, которая с честью служит Родине почти полтора столетия!

Нина Марченкова «высочила» замуж в восемнадцать лет, в Астрахани. Ранний брак оказался неудачным, супруги разъехались. В Астраханской духовной консистории, подавая богатую пищу для пересудов и сплетен, долгие годы тянулось дело по расторжению этого брака. Когда осенью 1906 года Нина собралась обучаться медицине в Швейцарии, подруги восторженно восприняли это вызовом существующим условностям, делом, достойным её характера и дарований. Одна из них поздравила «дорогую Нину» открыткой с репродукцией известной картины художника Г.И. Семирадского «Танец среди мечей» на сюжет из античной истории: роскошная красавица танцует рискованный танец между мечей, повернутых вверх остриями.

В Женеве Нина Сергеевна благополучно окончила полный курс, получив квалификацию врача акушера-гинеколога. Её сестра Мария Сергеевна стала дипломированным филологом.

5 сентября 1918 года, за неделю до освобождения Симбирска от белых, в губернской больнице она приняла роды у своей сестры и позже стала крёстной матерью новорождённого мальчика Дмитрия. Дмитрий Валентинович Фёдоров (1918–1999), впоследствии – замечательный казанский педагог. Его крёстным отцом был Иван Сергеевич Марченков.

После возвращения красных, осенью 1918 года Н.С. Марченкова была назначена заведующей акушерско-гинекологическим отделением Симбирской губернской больницы, став, таким образом, первой женщиной-врачом, официально занимавшей этот пост. Но вскоре судьба Нины Сергеевны кардинально переменялась. Она полюбила врача-стоматолога Рудольфа Барабаша, поляка, которого военные события закинули на Среднюю Волгу. Они поженились и уехали на родину к мужу, в обретшую в 1918 году независимость буржуазную Польшу. Супруги Барабаш работали по специальности. Их заработки позволяли путешествовать по стране, отдыхать на популярных курортах, совершить морской круиз в неблизкую Португалию и помогать родным, проживавшим в Советском Союзе.

В довоенные годы панскую Польшу советская пропаганда рисовала непримиримым противником страны. Члены одной семьи оказались по разные стороны идеологически навязываемых баррикад. Но Марченковы не поступались семейными отношениями «страха ради иудейска» и продолжали переписываться вплоть до начала Второй мировой войны 1939–1945 годов. После окончания войны переписка возобновилась.

Из своего «буржуазного далека» Н.С. Марченкова-Барабаш поддерживала родных и советом, и материально, утешая их, гасила семейные конфликты. Она была любящей тёткой и ответственной крёстной матерью своего племянника Дмитрия.

Крёстный родитель, как известно, особым образом несёт ответственность за воспитание, в первую очередь – за религиозное воспитание своего крестника. Нельзя сказать, что Марченковы-Марченко были глубоко воцерковлены. Но религия, по меньшей мере на уровне обрядов, составляет непреложно важную часть традиционной культуры, а Марченковы были семьёй с традициями, людьми консервативными в лучшем смысле этого слова. Тем более что свой корень Марченковы вели из села Румянцева Карсунского уезда, из ближней округи Жадовской пустыни – известного паломнического места, где хранилась и почиталась Жадовская Казанская икона Божией Матери.

«Дорогой Дима, – писала Нина Сергеевна 21 ноября 1930 года, – посылаю тебе открытку на именины, хотя очень поздно, но я всё время помнила о твоих именинах 8/XI, только вовремя не собралась написать, подарок тоже

тебе не посылаю, так как не знаю каким образом – нельзя. Сегодня маме твоей посылаю 10 долларов на выкупление посылки, а к празднику пришло ещё, если бы было можно, чтобы вместо сала прислала масла, пусть мама напишет. Там бабушке дайте на церковь немного денег. Целую тебя и маму с бабушкой. Тётя Нина».

В конце 1934 года Н.С. Марченкова-Барабаш писала Дмитрию Фёдорову: «Получила твою открытку, 22/XI, дорогой Дима, где ты пишешь, что уже в 9-м классе и не знаешь, где будешь дальше учиться, я думаю, сам видишь, к чему имеешь склонность, да и в России для интеллигенции есть ещё широкое поле деятельности, у нас в этом отношении хуже, есть перепроизводство интеллигенции. Поздравляю тебя с прошедшим Ангелом и желаю здоровья и успеха».

Летом 1928 года Нине Сергеевне удалось, несмотря на разнообразные бюрократические препоны, «вырваться» в Казань. Её путешествие в столицу советской Татарии запечатлено на семейных фотографиях – и в открытых письмах с обратной дороги, как 8 сентября 1928 года: «Милая Мама! Пишу из Варшавы, рада, что благополучно доехала, а ещё более рада, что всех вас увидела, грустно мне было потом очень по отъезде из Казани, но что делать, такая судьба. Целую. Нина». Ей хотелось ещё раз навестить родных, но политическая обстановка вокруг СССР всё менее способствовала заграничным вояжам.

Символичной кажется раскрашенная фотография с изображением двух ирисов, с именной надписью польски, написанная 29 января 1937 года: «Милая Маня! Поздравляю тебя с днём ангела и желаю тебе здоровья и всего наилучшего – я думаю, что вы уже все посланные вещи получили. Что касается аппарата фотографического, то я узнала, что послать совершенно нельзя, так что нечего об этом думать пока».

Думал о фотоаппарате, разумеется, 18-летний Дмитрий. Год 1937-й – символический, недобрый год. Получи тогда в Казани тот злополучный фотоаппарат, страшно даже представить себе последствия. Два цветка ириса на открытке кажутся нам пугающим знаком, ведь в России чётное число цветов принято приносить на похороны. Но на Западе, в той же Польше, ирис символизирует Богородицу, служит знаком её присутствия, и в этой системе такое изображение, наоборот, внушает оптимизм!

Открытка 1937 года

И добрая тётка-крёстная вдохновляла и обнадеживала родственников по ту сторону польско-советской границы. Она писала в Казань 7 октября 1937 года: «Дорогая Маня! Вчера получила твоё письмо, где ты пишешь о получении вещей. Я очень обрадовалась, что всё дошло, и вы довольны, что касается распределения, то уже ваше дело, – серая блузка действительно для Димы будет хороша – она очень прочная и стоит в два раза больше от синенькой. А я уже беспокоилась. К Рождеству пошло вам что-нибудь съестного, напиши, что больше всего нужно, думаю, хорошо сала, ветчины, бочки копчёные, колбасы? Всем привет, целую – Нина».

Жаль мне Диму, что так ему трудно, но что делать! Но потом будет хорошо!».

Долг платежом красен. И вот в послевоенные десятилетия Дмитрий Валентинович Фёдоров, прошедший войну, переживший тяжёлое ранение, радовал крёстную маму Нину Сергеевну деревянными ложками, «вкусными конфетами», а главное – памятью. Эта память бережно сохранялась в семье, а теперь она постепенно становится достоянием для нас, тех, кто в начале XXI столетия живёт на родине врачей Марченковых, в городе Симбирске-Ульяновске.

Иван Сивопляс

Иллюстративный материал предоставлен Александром Дмитриевичем Фёдоровым, внучатым племянником И.С. и Н.С. Марченковых

«Лечиться их можно было уговорить только с трудом...»

А.Н. Паевская

В 1892 году в Поволжье бушевала эпидемия холеры. Надо заметить, что массовые эпидемии в XIX веке были нередки. И приходились они обычно на периоды, следующие за голодными неурожайными годами. По официальным сведениям в 1891 году в России голодало более 40 млн крестьян. И вслед за этим на ослабленных людей навалилась холера. Десятки врачей и фельдшеров из разных губерний России приехали в Поволжье бороться с инфекцией. Среди них была и Аделаида Паевская, врач из Петербурга. Она добровольно вызвалась возглавить отряд по борьбе с холерой в Поволжье, несмотря на то, что знала – в деревнях медиков встречают настороженно, нередко не только угрозы расправы с «несущими болезнь» фельдшерами, но и сами расправы. Врачом эта женщина была не совсем обычным – в её жизни были две страсти: медицина и беллетристика.

Аделаида Николаевна родилась в 1843 году в Новгородской губернии в дворянской семье Рыкачевых. Воспитывалась в Смольном институте, собиралась стать учительницей, но потом вышла замуж за студента Медико-хирургической академии Ю.А. Луканина и сама стала слушать лекции в этой академии, занималась химией под руководством А.П. Бородин (автора оперы «Князь Игорь»), писала статьи в медицинские журналы. Кроме медицины, интересовалась ещё и политикой. В её жизни даже был эпизод, когда она в 1870 году была арестована и на короткое время заключена в Петропавловскую крепость за связь с нечаевцами. В 1872 году Аделаида Николаевна поступила на медицинский факультет в Цюрихе. Диплом врача получила уже в Америке в 1876 году. Пробыв год в Соединённых Штатах, переехала в Париж и занялась литературной работой в журналах. Она очень хотела вернуться на родину, однако все её ходатайства были отклонены, так как она была связана с политической эмиграцией. Аделаида искала работу в Париже, и тут на помощь к ней пришёл её преподаватель химии, учёный и композитор А.П. Бородин, он был знаком с И.С. Тургеневым и написал ему

рекомендательное письмо, где просил за свою бывшую ученицу: «...Аделаида Николаевна Луканина, доктор медицины Филадельфийской медицинской академии. По обстоятельствам, от неё не зависящим, она вынуждена жить в Париже, пока не получит возможность возвратиться в Россию... Помимо специальных знаний, она имеет очень хорошее общее образование, хорошо знает языки – французский, немецкий и английский, недурно итальянский и... даже сербский... Личность эта в высшей степени хорошая, честная, правдивая, скромная и даровитая...».

Благодаря ходатайству Бородина Луканина познакомилась с Тургеневым и даже стала его личным секретарём. Писатель, в свою очередь, помог в публикации её литературных произведений и даже хлопотал перед шефом жандармов А.Р. Дрентельном о разрешении Луканиной вернуться на родину. В начале 1880-х годов Аделаида Николаевна вышла замуж за психиатра Н.И. Паевского и вернулась с ним в Россию. На родине она имела врачебную практику и занималась беллетристкой. В числе её произведений – рассказы, повести, сказки, переводы, а также биографии Виктора Гюго и Вальтера Скотта, воспоминания о Тургеневе.

Командировка на холеру

Из литературного наследия Аделаиды Паевской нас заинтересовал очерк «Командировка на холеру». Из записок женщины-врача», опубликованный в журнале «Русское богатство» в 1903 году в нескольких номерах. Здесь она рассказывает о своей работе начальником 10-го санитарного отряда в Ставропольском уезде Самарской губернии (ныне территория Ульяновской области), а также о быте и нравах крестьян того времени, об их отношениях с сельским духовенством.

«В Красной Реке много инородцев, именно мордвы, относящихся очень недоверчиво к медицинской помощи вообще. Фельдшерский ученик, находящийся на каникулах у своих родителей, усердно посещал больных. Он говорил, что не может убедить жителей, но медицинская помощь оказывается им как следует. Когда приехали фельдшерицы, то за околицей стреляли, «прогоняя холеру, которую привезли дохтура». Фельдшерский ученик советовал по ночам к больным не ходить, чтобы не подвергнуться нападению. Священник села, молодой и добрый человек, много помогавший крестьянам, тоже советовал быть осторожными.

Никаких особенно тяжёлых случаев не было. Благодаря этому моё посещение ограничилось тем, что я два часа провела у священника, который много рассказывал мне о мордовских обычаях и суевериях.

Лечиться их можно было уговорить только с трудом, дезинфекцию они никак не могли взять в толк и сильно противились ей, но заболеваний страшно боялись и, несмотря на то, что были крещены в православную веру, приносили жертвы своему богу Кереметю, моля его избавить их от злой напасти.

По словам краснореченского священника, в одном из соседних приходов умер богатый мордвин от холеры. Его похоронили по обряду православной церкви и по обычаю устроили поминальный обед, на который был приглашён и священник с причтом. Священник, зная неопрятность инородцев, будучи в доме холерного, благословил трапезу, но отказался принять в ней участие. Тогда вся семья покойника начала его упрашивать отведать хоть один блинок. Просили, кланяясь в ноги, со слезами. Священнику даже совестно стало за свой отказ, которым он вызвал такие униженные и горячие мольбы, и хотя ему было очень неприятно есть что-нибудь в этом доме, однако он съел поданный блин. Тогда вся семья опять бросилась ему в ноги, со слезами благодарности ему целовали руки и края ряс.

– Да что же я такое особенное сделал?

– Да как же не благодарить, батя. Ведь у нас теперь хвори и совсем больше не будет.

www.russiahistory.ru

Ослабленные голодом и болезнями крестьяне в народной столовой. Нижегородская губерния. 1891–1892

– Как? Отчего не будет? – удивился батюшка.

– Да как же! Ведь мы тебе такой блин дали, чтобы хвори не было... У нас такая примета: тот блин сутки у покойника на лице пролежал!

Представляю читателю вообразить, что почувствовал батюшка. Прибавлю только, что он холерой не заболел и жив остался».

Кроме Красной Реки, врач побывала ещё в ряде других населённых пунктов Симбирской губернии. Новиковка, Помряскино и Большая Кандала, где жители хорошо относились к докторам, с удовольствием принимали их помощь и много с ними общались.

«В Новиковке не было холерных заболеваний. Выше и ниже Новиковки по течению Красной Реки были холерные случаи, но Новиковка была поощажена. Нужно сказать, что вся разница Новиковки от других сёл состоит в её большей зажиточности. Это бывшее имение и родина Скобелева. Местные обыватели рассказывали мне, что предки Скобелева были новиковскими крестьянами. Екатерина Вторая вывела его прадеда в люди и подарила ему деревню, откуда он родом. Теперешние крестьяне в высшей степени гордятся своим бывшим батричем и родичем.

Помряскино – большое село, почти сплошь застроенное кирпичными избами. Когда я удивилась этому, мне ответили, что несколько лет тому назад там

был страшный пожар. Несмотря на то, что он случился днём, люди не только не могли ничего спасти из своего домашнего скарба, но многие не успели выскочить из домов, а некоторые, даже выбежав на улицу, падали там, задыхаясь от дыма, и сгорали.

В Большую Кандалу, в двенадцати верстах от Помряскино, мы прибыли часам к девяти вечера. Как только мы водворились на везеж, к нам начал идти народ с требованиями навестить больных. Мы вернулись часов в шесть утра и через два часа принялись за лечение амбулаторных больных, которых уже несколько десятков сидело на крыльце.

Деревня была очень большая и делилась на две части протекавшей посреди неё речкою Кандалкою. Больных, желавших лечиться у себя на дому, оказалось столько, что около нашей избы поставили две запряжённые телеги, чтобы возить нас по деревне...».

Кроме выбранных фрагментов, в записках Паевской можно найти подробное описание её командировки в Саратовскую губернию, холерного госпиталя в Самаре и его персонала, а также путешествие женщины-врача по Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани.

Лилия Васильева

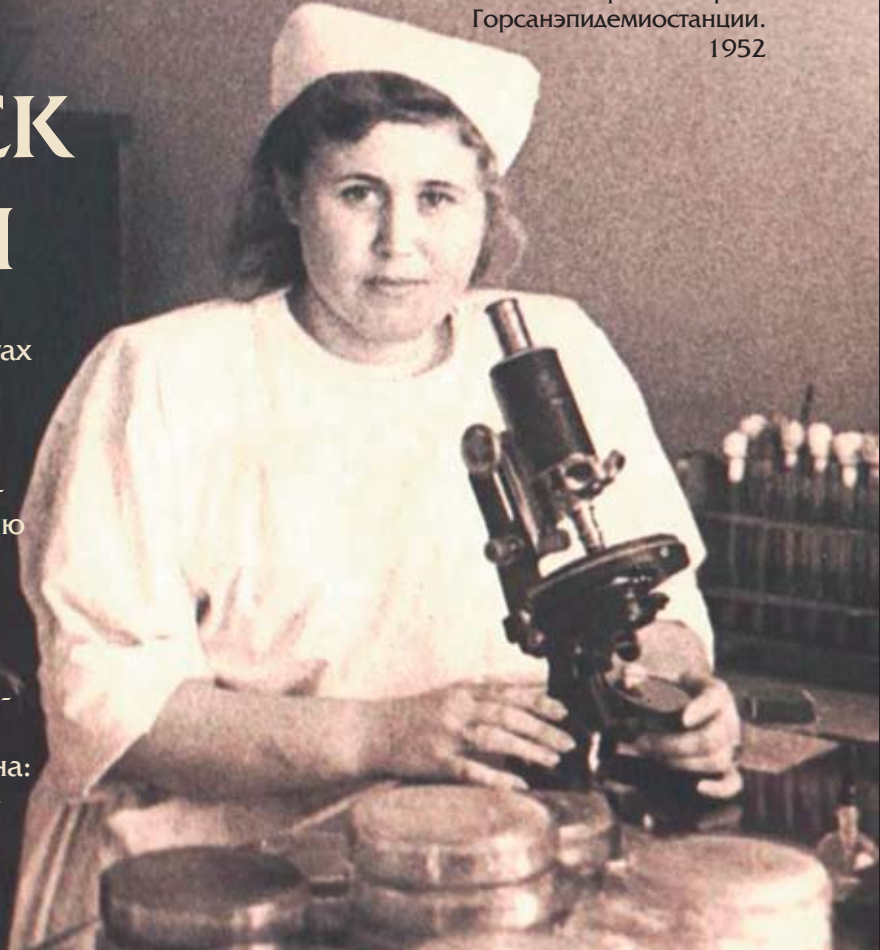
Материал подготовлен по периодическим изданиям «Северный вестник», 1887, № 2-3; «Русское богатство», 1903, № 8.

Холеру в Ульяновск не пустили

Л.В. Меркулова,
врач-лаборант
Горсанэпидемиостанции.
1952

Июль 1970 года. В 32 населённых пунктах РСФСР и в восьми союзных республиках СССР зарегистрирована вспышка холеры. Появление первых трёх очагов (Батуми, Одесса, Астрахань) дало основание поставить в известность Всемирную организацию здравоохранения, что седьмая пандемия холеры распространилась на территорию СССР. Холера была зарегистрирована в Иране, Ираке, ОАР, Индии, Пакистане, Афганистане. Большие опасения были связаны с возможностью её заноса в Россию из сопредельных стран, особенно из Ирана: на границе с ним строили плотину «Дружба», ежедневно около двух тысяч рабочих пересекали советско-иранскую границу и контактировали с жителями Туркмении.

В этих условиях руководству санитарной службы страны нужно было принимать срочные и нестандартные решения. Было признано целесообразным создать координирующий орган – Всесоюзную чрезвычайную противозидемическую комиссию (ВЧПК) с большими полномочиями. Состав ВЧПК был немедленно утвержден на Политбюро ЦК КПСС. В самом начале эпидемии группа специалистов – эпидемиологов, бактериологов, инфекционистов представила в ВЧПК предложения по проведению противозидемических мероприятий в нашей стране. Многие предложения были одобрены ВЧПК и рекомендованы к исполнению. Предстояла огромная работа по локализации очагов инфекции.

Решением Совмина СССР выдавались оплачиваемые больничные листы. Перед тем как выехать из очага инфекции, все лица должны были пройти обсервацию и бактериологическое обследование. С этой целью использовали 19 морских судов, где были созданы комфортные условия для 7 тысяч

человек; 5 тысяч человек поместили на 23 речных теплоходах; около 30 тысяч – в 36 поездах. Передвижения туристов были ограничены, отменялись круизы, теплоходам было запрещено заходить в порты городов, где зафиксированы заболевшие. В крупных очагах эпидемии был введен карантин.

Во всех городах Поволжья и Приуралья за счёт средств союзного бюджета удалось ввести в действие общегородские очистные сооружения, благодаря которым было резко сокращено химическое и бактериальное загрязнение рек.

1 августа 1970 года на туристическом теплоходе «Юрий Гагарин», плывущем по Волге из Астрахани, случилась трагедия. В своей каюте скончался пассажир. Его тело сняли с борта в Саратове, теплоход отправился дальше вверх по Волге. И только на следующий день капитану по радио сообщили, что пассажир умер от холеры. Радиограмма, поступившая на борт теплохода «Юрий Гагарин», сулила крупные неприятности пассажирам и команде лайнера.

На подходе к Куйбышеву теплоход встретили милицейские катера, которые проводили судно на карантинную стоянку. В течение нескольких дней, пока медики обследовали пассажиров (около 400 человек), никто из них не мог сойти на берег, вокруг теплохода круглосуточно дежурила вооружённая охрана. К счастью, носителей холерных вибрионов среди пассажиров больше не обнаружилось, но у всех отдыхающих отобрали продукты, а после осмотра каждый пассажир вынужден был пройти через дезкамеру, специально доставленную к месту карантина.

Тревожные сведения поступали и в Ульяновск. Руководство области строго выполняло все требования Минздрава. Вся санитарно-эпидемиологическая служба области была задействована в проведении профилактических мер на всей территории области: каждый день врачи-эпидемиологи районных больниц обязаны были сообщать обо всех случаях инфекционных заболеваний, был установлен контроль за использованием воды из Волги для бытовых

Л.В. Меркулова – главный врач Горсанэпидемиостанции (сидит в центре). 1956

Л.В. Меркулова (первая слева) среди сотрудников горздравотдела. 1959

нужд (вода была признана основным фактором распространения инфекции). Был введён особый противозидемический режим, на Волге вдоль берегов реки решением облисполкома запрещались купание, рыбная ловля и движение маломерных судов. К разъяснительной и профилактической работе привлекались не только медицинские работники (их отзывали даже из отпусков), но и студенты медицинского и фармацевтического училищ.

Обстановка была напряжённой. Город Ульяновск праздновал 100-летнюю годовщину со дня рождения В.И. Ленина, и тысячи туристов, гостей из разных городов страны и Европы посещали ленинские места Ульяновска.

Главным эпидемиологом Ульяновской области в это время была Лидия Владимировна Меркулова. Благодаря мерам, принятым санитарно-эпидемиологической службой области, в Ульяновске и Ульяновской области не было зарегистрировано ни одного случая заболевания холерой. За эту самоотверженную работу Лидия Владимировна награждена орденом «Знак Почёта».

Л.В. Меркулова (урождённая Быкова) родилась 12 июля 1919 года в селе Кинель Черкасского района Самарской губернии. Окончила школу, в 1937 году поступила учиться в Казанский медицинский институт. Когда началась Великая Отечественная война, Лидия Быкова перевелась в Воронежский мединститут, эвакуированный в город Ульяновск. Окончила его в 1943 году. В 1944-м вышла замуж

за Геннадия Николаевича Меркулова, участника Великой Отечественной войны.

По окончании института служила в облздравотделе. В 1951-м начала работать в Ульяновской санитарно-эпидемиологической станции врачом-лаборантом, эпидемиологом. Решив посвятить свою деятельность предупреждению заболеваний, Лидия Меркулова показала себя знающим специалистом и в 1956 году была назначена заведующей городской санитарно-эпидемиологической станцией. Работу станции за короткий срок подняла на должную высоту, заложив тем самым основание в становление санитарной службы города.

В 1958 году Лидия Владимировна была назначена главным врачом Заволжского объединения. Знание дела,

Л.В. Меркулова – главный эпидемиолог Ульяновской области. 1970-е

исключительная работоспособность, ответственность за порученное дело – главные черты Лидии Владимировны. Это и позволило ей вскоре возглавить городской отдел здравоохранения.

Лидия Владимировна постоянно училась: окончила курсы по подготовке руководящих работников здравоохранения на кафедре организации здравоохранения в Центральном институте усовершенствования врачей в 1958 году в Москве; в 1963 году с оценкой «отлично» прошла цикл усовершенствования главных эпидемиологов в Ленинградском институте им. С.М. Кирова; окончила очный курс главных эпидемиологов в 1966 году. Опыт, знания и практические навыки Л.В. Меркулова в полной мере использовала в должности главного эпидемиолога отдела здравоохранения Ульяновской области.

Напряжённую работу Лидия Владимировна совмещала с преподавательской деятельностью: читала курсы по эпидемиологии и микробиологии в Ульяновском фармацевтическом и медицинском училищах. С 1979 года она передавала свои знания студентам медицинского училища № 1.

Лидия Владимировна Меркулова (1919–2002) была награждена медалями, почётными грамотами Ульяновского обкома КПСС, в которых отмечались её заслуги и талант организатора.

Валентина Горохова,

старший научный сотрудник отдела фондов ОГАУК «Ленинский мемориал»

«Обязан вам жизнью!»

Донорское движение сохранило и сохраняет сотни тысяч жизней. В годы Великой Отечественной войны в нашей стране было около пяти с половиной миллионов доноров, давших для фронта один миллион семьсот тысяч литров крови. Это был массовый подвиг, которого не знала ещё история человечества.

Лидия Михайловна Новокрещёнова. 1945

Удостоверение Л.М. Новокрещёновой «Почётный донор СССР»

ПОЧЕТНЫЙ ДОНОР СССР

Шла Великая Отечественная война, сотни тысяч солдат, офицеров участвовали в кровопролитных сражениях, а тем, кто был ранен, необходимы были для выздоровления не только медикаменты, но и донорская кровь, которая помогала организму бороться с последствиями ранений и выздоравливать.

В марте 1944 года в Ульяновск, в дом Новокрещёновых на улице Водников, пришло письмо от старшего сержанта Аркадия Никонова:

«Тов. Новокрещёнова! Вы сдали свою кровь и эту кровь влили мне. Я был очень слаб и раны мои очень плохо заживали, так как не было донора. И вот мне влили вашу кровь, я сразу почувствовал, что мне стало гораздо лучше. В течение нескольких дней я стал поправляться, стали заживать раны, я почувствовал силу.»

Тов. Новокрещёнова, своей кровью вы спасли жизнь младшего командира действующей армии. Сейчас я еду домой в отпуск, не забывая, как наши советские люди спасают раненых бойцов и командиров. После отпуска я снова поеду добивать фашистского зверя в его собственной берлоге.»

А также я благодарен врачам 2 отделения госпиталя 999. У меня были сильные боли в ноге и мне врачи сделали операцию, сняли боль и теперь я спокоен. Приняли все меры для того, чтобы поставили бойца на ноги, и поставили. Потом влили вашу кровь, и я поправился после ранения. Я ещё раз благодарю вас искренне. Мы теперь с вами как брат с сестрой, и я обязан вам своей жизнью.»

Это письмо долгое время хранилось среди документов в семейном архиве, а в 2000 году, среди других документов о семье ульяновцев Тихонравовых-Новокрещёновых, поступило в музей Ленинского мемориала. Документы в музей передал внук Лидии Михайловны – Сергей Владимирович Вараксин.

Лидия Михайловна родилась в 1913 году в семье Михаила Фёдоровича Тихонравова – личного почётного гражданина города Симбирска. В 1931 году вышла замуж за Дмитрия Александровича Новокрещёнова, офицера, уполномоченного торгового отделения ОГПУ. Проживали они по месту службы мужа, в Горьковской области. Здесь Лидия проявила себя как активная общественница: сдала нормы «Ворошиловского стрелка» I степени, распространяла облигации государственного займа, о чём писала районная газета, была членом общества Красного Креста и Красного полумесяца, вела санитарную пропаганду. В 1936 году консультацией Волжского водздравотдела был организован конкурс на здорового ребёнка для детей грудного возраста. Лидии Михайловне вручена грамота жюри конкурса за правильный уход и воспитание детей.

В январе 1941 года муж был репрессирован. Лидия Михайловна с четырьмя детьми приехала в Ульяновск, в дом родителей. Трудности военного времени не обошли стороной и её семью. Голодное время, отсутствие лекарств, частые болезни детей и престарелых родителей. Как жена «врага народа», не могла найти работу, вынуждена была

Л.М. Новокрещёнова с дочерьми. 1954

работать где только возможно, чтобы прокормить большую семью. С готовностью откликнулась на призыв стать донором, регулярно сдавала кровь при эвакогоспитале № 1646.

24 июня 1944 года Президиум Верховного Совета СССР учредил нагрудный знак «Почётный донор СССР». За годы войны этим знаком было награждено 15 тысяч человек. Среди них Лидия Михайловна Новокрещёнова (1913–2000). Она оставалась донором и после окончания войны. Во время эпидемии кори в Ульяновске Лидия Михайловна только 6 апреля 1949 года сдала 450 граммов крови при противокоревом пункте. Многие ульяновцы обязаны Л.М. Новокрещёновой не только здоровьем, но и жизнью.

Татьяна Тонсева

В операционной
госпиталя. 1940-е

Хранители памяти

Стены Ульяновского областного клинического госпиталя ветеранов войн хранят множество историй. Трагичные или счастливые – все они о настоящих людях с необыкновенной, героической судьбой. Благодаря музею госпиталя, открытому в 2005 году, эти стены смогли «заговорить».

Здание, в котором сейчас располагается музей, было построено в 1790-х годах и принадлежало дворянам Карповым. В 1876 году дом был куплен под Епархиальное женское училище, которое просуществовало здесь до 1918 года.

Развёртывание эвакуационных госпиталей в Ульяновске началось 25 июня 1941 года. В числе первых был организован эвакуогоспиталь № 1647 общехирургического профиля на 400 коек, размещившийся в историческом здании бывшего Епархиального училища (ныне – улица Кузнецова, дом 26).

Шефствовал над госпиталем машиностроительный завод имени Володарского. Так как всё пришлось создавать с нуля, медицинские работники вынуждены были просить у горожан мебель, а также цветы, вазочки, чтобы как можно уютнее обустроить палаты. А раненых порой было столько, что не хватало даже коек. Во дворе стелили солому, накрывали её брезентом и там располагали новоприбывших. Первое время в госпитале работал только один врач, одна операционная медицинская сестра и был один набор инструментария. Но и позже, когда штат пополнился, врачи иногда по несколько дней не отходили от операционного стола.

Медикаментов тоже было мало, и медики сами собирали лекарственные травы. Не хватало бинтов, почти не было мыла. Стирала песком и глиной. Чтобы сэкономить вату, её заменяли стерилизованными мешочками с высушенными еловыми опилками, имеющими лечебный эффект. Из шиповника и хвои делали лечебные настойки.

Широко применялась электро-, свето-, механо-, парафино- и даже гортотерапия.

Во время войны строго велся учёт всех пациентов. Из архивных материалов музея, сохранённых бывшей медицинской сестрой поликлинического отделения, ветерана труда и отличника здравоохранения Лидией Спиридоновой, можно узнать, что всего за годы войны в госпитале их было 9945. Ульяновские медики делали всё возможное, чтобы как можно скорее возвращать пациентов в строй. За годы войны в 26 госпиталях города и области было вылечено 133672 бойца и офицера.

После войны все ульяновские госпитали, кроме эвакуогоспиталя № 1647, были закрыты. В музее хранится приказ № 1 от 12 ноября 1945 года о переименовании эвакуогоспиталя в госпиталь для инвалидов Великой Отечественной войны.

Коллекция музея постоянно пополняется. Сейчас общее количество единиц хранения – 258. Есть уникальный экспонат – коллекция осколков снарядов, извлечённых при операциях у раненых бойцов Великой Отечественной войны. Под прикрепленными к листу картона маленькими металлическими обломками, которые причиняли столько боли, чьей-то рукой выведены имена бойцов и истории их болезней.

В фонде музея хранятся подлинные предметы, найденные при раскопках поисковым отрядом «Набат», снаряды времени Великой Отечественной войны, личные вещи и награды ветеранов Великой Отечественной войны и воинов-интернационалистов, книга

приказов госпиталя от 1945 года с первой записью «Считать госпиталь инвалидов войны открытым» и списком всех сотрудников, книги с воспоминаниями бойцов. Недавно появились новые экспонаты: найденная на полях сражений шина Крамера (приспособление для иммобилизации конечностей. – Авт.) и земля с поля битвы под Сталинградом, переданная ветераном.

«В музее хранится несколько Книг памяти погибших на войнах. До сих пор родственники воевавших, приходящие в музей, плачут, увидев родную фамилию», – рассказывает ответственная за работу музея Екатерина Александровна Вайчулис, проработавшая в госпитале 43 года.

Но не только материалы, связанные с войной, хранятся в музее. Среди экспонатов – уникальный экземпляр Нового Завета, сделанный монахами Киевско-Печерской лавры на церковнославянском языке по повелению патриарха Кирилла. Он подарен госпиталю на юбилей. Пациенты госпиталя иногда заходят в музей, чтобы прикоснуться к священной книге.

Госпиталь награждён множеством дипломов и знаков отличия. В том числе дипломом лауреата VII Всероссийского конкурса «Российская организация высокой социальной эффективности» и свидетельством о включении в Федеральный реестр «Всероссийская книга Почёта». А в 2010 году госпиталю был присвоен диплом за третье место во II Всероссийском конкурсе «Лучший госпиталь ветеранов войны».

Елена Плотникова

Jupiter

Karamzin на звёздном небе

Двойной 40-сантиметровый астрограф,
на котором группа наблюдателей открыла более 1000 астероидов

Пояс астероидов
между Марсом и Юпитером.
Центр малых планет, 2000

В память о выдающемся писателе, историографе, общественном деятеле, одном из самых известных уроженцев Симбирского края Николае Михайловиче Карамзине названы теплоход, общественные учреждения, улицы в различных городах России. Памятник Н.М. Карамзину, установленный в 1845 году по проекту скульптора С.И. Гальберга, является одним из символов Симбирска-Ульяновска. В Великом Новгороде на памятнике «1000-летие России» среди 129 фигур самых выдающихся личностей в российской истории (на 1862 год) есть фигура Н.М. Карамзина. Своеобразным нерукотворным и вечным памятником писателю в масштабах Солнечной системы стала малая планета, открытая 16 декабря 1976 года астрономом Л.И. Черных и названная в 1988 году Karamzin.

Малые планеты (другое название – астероиды) – тела Солнечной системы размерами от нескольких километров до десятков и сотен километров. Каждая малая планета, независимо от её размеров, является самостоятельным членом Солнечной системы и движется вокруг Солнца по своей орбите, сохраняющей устойчивость в течение миллионов лет. Основная часть многочисленного семейства астероидов движется в пространстве между орбитами Марса и Юпитера. Как и большие планеты, они светят отражённым солнечным светом. Вследствие малых размеров и больших расстояний от Земли их можно увидеть только в телескоп.

Первые малые планеты были открыты в начале XIX века и были названы, подобно большим планетам Солнечной системы, именами античных божеств. Так, первый астероид, открытый в 1801 году итальянским астрономом Джузеппе Пиацци, был назван Церерой по имени римской богини земледелия и плодородия. В более поздние годы малым планетам стали давать имена стран, городов, рек, исторических событий, выдающихся людей, а также присваивать им и другие названия.

Регистрацию открытий этих объектов ведёт Международный центр по малым планетам, находящийся при Смитсоновской астрофизической обсерватории в США. Право предложить

название космическому объекту предоставляется астроному, открывшему новую планету. Такую уникальную возможность – выбрать для небесного тела название по своему желанию – имеют только первооткрыватели малых планет. Названия утверждаются специальной комиссией от имени Международного астрономического союза – высшего органа астрономов всей Земли. Комиссия по названиям выбирается на три года и состоит из 15 астрономов разных стран мира. Официальным утверждением названия является его публикация вместе с текстом обоснования в Циркулярах Международного центра по малым планетам (Minor Planet Circulars). С этого момента название становится

обязательным во всём астрономическом мире и включается во все каталоги и таблицы малых планет.

В СССР единственным научным учреждением, занимавшимся наблюдениями и открытиями малых планет, была Крымская астрофизическая обсерватория (КраО). КраО внесла весомый вклад в открытие малых планет, исследование их динамики и статистики. В течение многих лет на долю Крыма приходилось в среднем 20% от мирового числа открытий малых планет, а в отдельные годы значительно больше. Одним из показателей блестящих результатов крымской программы является большое число отечественных имён в каталоге названий малых планет. В реестр тел Солнечной системы вписаны имена многих великих отечественных писателей и учёных, деятелей отечественной культуры, география и история нашей страны, имена героев Великой Отечественной войны и наших современников. Название малой планеты выбирает первооткрыватель по личному вкусу, но утверждается оно высоким авторитетом Международного астрономического союза. Таким образом, название малой планеты в честь того или иного лица является актом его признания в международном масштабе. В отличие от земных названий, подверженных влияниям времени и идеологии, имена малых планет не пересматриваются и не изменяются.

Факт присвоения названия малой планете, открытой в Крымской астрофизической обсерватории, удостоверяется специальным документом – Свидетельством, к которому прилагается схема орбиты малой планеты и справка с параметрами орбиты. Основным источником, содержащим для каждой малой планеты полную информацию об элементах орбиты и условиях видимости в текущем году, является ежегодник «Эфемериды малых планет», издаваемый Институтом прикладной астрономии РАН в Санкт-Петербурге.

Одним из опытных специалистов в области астрометрии малых тел Солнечной системы является Людмила Ивановна Черных – старший научный сотрудник Крымской астрофизической обсерватории, астроном. Она участвовала в организации крымской программы наблюдений малых планет, руководила работой группы сотрудников Института теоретической астрономии в КраО, вела в течение трёх десятилетий регулярные позиционные наблюдения малых планет и комет на двойном 40-сантиметровом астрографе в КраО.

Группа наблюдателей малых планет – Л.Г. Карачкина, Н.С. Черных, Т.М. Смирнова, Л.В. Журавлёва, Л.И. Черных – в рабочем кабинете Крымской астрофизической обсерватории

По числу открытий малых планет Л.И. Черных занимает второе место в мире среди астрономов-женщин. Ею определены многие тысячи точных положений астероидов. На её счету открытие 268 новых малых планет. За научные достижения и открытие большого числа новых малых планет трижды награждена медалью Астрономического совета АН СССР «За обнаружение новых астрономических объектов» (1975, 1979, 1982).

Именно Людмила Ивановна Черных в декабре 1976 года обнаружила в Поясе астероидов между Марсом

и Юпитером новую планету диаметром 6 км и удалённую от Солнца на максимальном расстоянии примерно в 360 млн км. Небесное тело было внесено в Международный каталог малых планет под № 3719 и имело предварительное обозначение 1976 YO1. Спустя 12 лет по предложению первооткрывателя планету Комитет по наименованию малых тел Солнечной системы Международного астрономического союза присвоил данной планете имя Karamzin. К слову сказать, Людмила Ивановна Черных также обнаружила и дала такие названия малым планетам, как Курчатов, Гончаров, в память об известных людях нашего края, а также название Симбирск в честь 350-летия города.

Жители Ульяновска могут гордиться, что в космическом пространстве среди малых планет есть немало имён, помимо вышеперечисленных, названных разными астрономами в честь деятелей истории, науки и культуры, географических объектов Симбирской губернии: Велимир, Волга, Владилена, Ирмина, Карбышев, Крат, Сахаров, Сеченов, Ульянов. А доказательство этому – официальные свидетельства о присвоении имён малым планетам, утверждённые Комитетом по наименованию малых тел Солнечной системы Международного астрономического союза, которые находятся в фондах музея «Метеорологическая станция Симбирска».

Ирина Михайлова,

старший научный сотрудник музея «Метеорологическая станция Симбирска» Музея-заповедника «Родина В.И. Ленина»

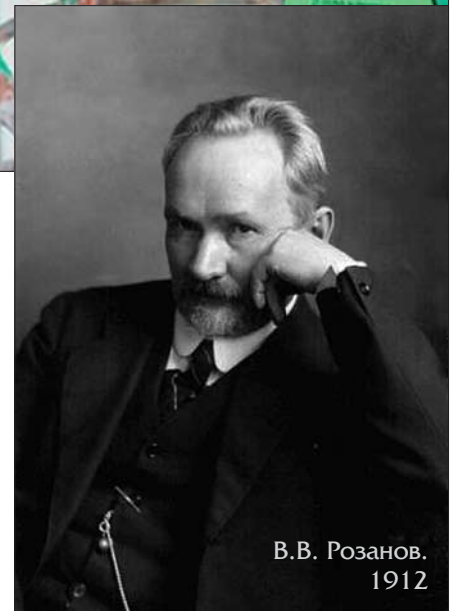

Свидетельство о присвоении малой планете имени Karamzin. Санкт-Петербург, 2006

Неординарный мыслитель Василий Розанов

Фото с выставки
в музее
«Симбирская
классическая гимназия»

В.В. Розанов.
1912

В год 160-летия со дня рождения великого русского философа и писателя Василия Васильевича Розанова в музее «Симбирская классическая гимназия» начала работу выставка «...С "ничего" я пришёл в Симбирск... и вышел из него "со всем"». Это ещё одна попытка взглянуть на симбирский период жизни философа и влияние этого времени на его судьбу (В.В. Розанов учился в Симбирской гимназии в 1870–1872 гг.).

После смерти философа в 1919 году его труды были полностью забыты на долгие десятилетия. Отраднo, что в последние четверть века имя Розанова наряду со многими другими забытыми гениями возвращено из небытия. Быть может, выставка поможет кому-то открыть для себя этого неординарного мыслителя.

Происхождение фамилии Розанов совершенно случайно. Дед философа, Фёдор Никитич Елизаров, выбрал её сыну Василию, поступившему в Галичскую духовную семинарию, в честь своего семинарского преподавателя Василия Розанова. Согласно автобиографии Розанова, важнейшим импульсом его умственного развития послужили сочинения Д.С. Милля, Д.И. Писарева, Н.А. Добролюбова и западноевропейских «вульгарных материалистов». Целиком в этом русле была написана его первая статья «Исследование идеи счастья как идеи верховного начала человеческой жизни». Однако написанная в 1881 году, она не была опубликована журналом «Русская мысль» по причине

«тяжёлого слога». Другое исследование талантливого студента Императорского Московского университета «Об основаниях теории поведения» было удостоено университетской академической премии. Впоследствии это сочинение легло в основу первого философского труда В.В. Розанова «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания». Книга была издана в Москве в 1886 году и не имела резонанса в научно-философских кругах.

Философические устремления Розанова постепенно сменялись религиозными, о чём свидетельствуют его насыщенные полемикой статьи «Органический процесс и механическая причинность» (1889), «Отречение дар-

виниста» (1889), направленное против профессора К.А. Тимирязева, «Место христианства в истории» (1890), «Цель человеческой жизни» (1892), «Красота в природе и её смысл» (1894). Репутации философа Розанову они не создали, но помогли свести знакомство с Н.Н. Страховым и К.Н. Леонтьевым, а те в свою очередь открыли ему дорогу в консервативную журналистику. Он стал одним из ведущих авторов новообразованного в 1890 году журнала «Русское обозрение», издававшегося на личные средства императора Александра III при кураторстве К.П. Победоносцева. Статьи Розанова регулярно публиковались во многих периодических изданиях России и особенно в газете А.С. Суворина «Новое время».

Штатным сотрудником этого издания он стал в 1898 году. До этого он, оставив гимназическое преподавание и переехав в столицу, несколько лет служил чиновником Центрального управления государственного контроля («служба эта была так же отвратительна для меня, как и гимназия»).

К началу 1900-х Розанов создал себе прочную репутацию плодовитого и яркого консервативного журналиста. В 1899 году его многочисленные статьи были собраны и опубликованы в книгах «Сумерки просвещения», «Природа и история», «Религия и культура». Наиболее известно литературное сочинение «Легенда о Великом Инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария».

В.В. Розанов имел особый взгляд на семейную жизнь, он даже предпринял попытку решающего обобщения религиозной проблематики («Люди лунного света» 1912, «Тёмный лик» 1911). В этих трудах оценивается «метафизика христианства». Однако неверно однозначно причислять Розанова к «антихристианам», подобно Ницше. Розанов пишет ряд сочинений-эссе, в которых пытается воспроизвести процесс «понимания». Попытка осмыслить и очеловечить революцию, описать крушение истории предпринята в «Апокалипсисе нашего времени». Этот труд выходил в большевистской России с ноября 1917-го по октябрь 1918 года невероятным тиражом – 10 выпусков за год. «Апокалипсис» – редкое и бесценное художественно-историческое свидетельство очевидца, мыслителя, погребённого под обломками рухнувшей империи.» (Из статьи Е.В. Барабанова «К биографии В.В. Розанова».)

Тяжёлыми и даже трагичными можно назвать первые послереволюционные годы для В.В. Розанова. Он и его семья невероятно нуждались, голодали. В.В. Розанов умер в Сергиевом Посаде в 1919 году, похоронен в Черниговском скиту.

Наша задача состоит в том, чтобы увидеть истоки интеллектуального и нравственного развития. Ведь не случайно соученик будущего философа по Нижегородской гимназии К. Кудрявцев ещё в 1874 году в письме назовет тогда ещё совсем юного Васю Розанова «доктором философских наук и прочая...». А это лишь через два года после его отъезда из Симбирска. Лучше, чем сам В.В. Розанов, об этом никто не расскажет. Он очень тщательно анализировал свои, даже очень ранние, мысли, поступки, события.

Прочитируем отрывок из путевого очерка В.В. Розанова «Русский Нил», давший название выставке: «...никогда я (и мои наблюдаемые товарищи) не читал и не читали столько, сколько тогда в Симбирске читали, списывали, компилировали, спорили и спрашивали. Такой воистину безумной любознательности, как в эти 71-73 годы, я никогда не переживал.

«Ничего» и «всё». С «ничего» я пришёл в Симбирск: и читатель не поверит, и ему невозможно поверить, но сам-то я про себя твёрдо знаю, что вышел из него со «всем». Со «всем» в смысле настроений, углов зрения, точек отправления, с зачатками всяческих, всех категорий знаний. Невероятно, но так было».

Инсталляция «За чаем»

В Симбирске самые ранние умственные убеждения Розанова сложились посредством общения с гимназистом седьмого класса, сыном квартирной хозяйки Николаевым, увлечённым демократическими идеями 60-70-х гг., который, как писал Розанов, «...нимало не скрывал образа своих мыслей и давал читать книги, которые были у него».

Василий занимался гимназическими предметами «...настолько, чтобы идти удовлетворительно (...), всё остальное время посвящая чтению или опытам, которые делал, купив в аптеке некоторые препараты и вещества, или разговорам политического и реже литературного содержания».

Гимназические годы Розанов выделял как самые светлые на протяжении всей жизни. «Глубокая преданность интересам знания, неопределённые надежды и ожидание чего-то от будущего, правдивость отношений между собой и их полная безыскусственность – всё это делало жизнь глубоко радостной».

«Бывало Вася, ещё не кончит чая, уже бежит к столу... Именно «бежит» радостно, весело в душе, в которой играют мысли, угрюмо лишь для постороннего глаза. Здесь за письменным столом, были мои пиры, мои – вакханалии, здесь – несравненная поэзия.

Счастье писания есть счастье рождения, кажется, не одна аналогия здесь, но и истинное существо природы». (В.В. Розанов. Автобиография «О себе и жизни своей».)

В Нижнем Новгороде гимназист Розанов увлекался идеями позитивизма, социализма и атеизма. Читал Д.С. Милля, К. Фохта, И. Бенгана, Н. Макиавелли, сочинения Белинского, Писарева, Добролюбова, Лассаля.

Розанов пишет об отношениях со старшим братом Николаем: «С братом я ссорился, начиная с 5-6 класса гимназии, он был умеренным, ценил Н.Я. Данилевского и Каткова, уважал государство, любил свою нацию, в то же время зачитывался Маколеем, Гизо, из наших – Грановским. Я же был «нигилист» во всех отношениях, и когда он раз сказал, что «и Бокль с Дрэпером могут ошибаться», то я до того нагрубил ему, что был отделён в столе, мне приносили обед в свою комнату. Словом, всё «обычно русское». Учился я всё время плохо, запоём читая и скучая гимназией... Кончил я «едва-едва» – атеистом, (в душе) социалистом, и со страшным отвращением, кажется, ко всей действительности. Из всей действительности любил только книги».

Именно книги, прочитанные мальчиком и юношей Василием Розановым, стали «главными героями» выставочного проекта в музее «Симбирская классическая гимназия». Дело даже не в количестве прочитанных книг, несомненно, и в нём тоже, но главное – в уровне чтения! Исторические монографии (один трёхтомник Бокля чего стоит!) естественно-научная и художественная литература, и всё это читано, как тогда говорили, при огромной умственной нагрузке в самой гимназии с двумя древними языками и высочайшим уровнем требований к гимназистам!

На выставке вы не увидите «ярких» предметов, главное – сам В.В. Розанов и его гениальные тексты. Всмотритесь, вчитайтесь, и мы уверены, вы восхититесь глубиной мыслей, литературными достоинствами произведений, особым «розановским» юмором, а порой и сарказмом. Ведь не случайно современники, отмечая его великий дар и интеллект, самого Василия Васильевича считали человеком со сложным характером. Но... гениям многое прощается...

Ирина Макеева,

заведующая музеем

«Симбирская классическая гимназия»

Фото Александра Четвёркина

Василий Розанов.

Из «Опавших листьев», 1912–1913

«То знание ценно, которое острой иглой прочертило по душе. Вялые знания – бесценны».

«Человек искренен в пороке и неискренен в добродетели».

«Любить – значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», везде скучно, где не ты». Любовь вовсе не огонь (часто определяют), любовь – воздух. Без неё – нет дыхания, а при ней «дышится легко»».

«Песни – оттуда же, откуда и цветы».

«Отстаивай любовь свою ногтями, отстаивай любовь свою зубами. Отстаивай её против ума, отстаивай её против власти».

Будь крепок в любви – и Бог тебя благословит. Ибо любовь – корень жизни. А Бог есть жизнь».

«У русских нет сознания своих предков и нет сознания своего потомства. «Духовная нация»... «Во плоти чуть-чуть»... От этого – наш нигилизм: «до нас ничего важного не было». И нигилизм наш постоянно радикален: «мы построим всё сначала».

«Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы её должны любить, именно когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, наконец, даже порочна».

«Будь верен человеку, и Бог ничто тебе не поставит в неверность. Будь верен в дружбе и верен в любви: остальных заповедей можешь и не исполнять».

«...Русь молчалива и застенчива, и говорить почти что не умеет: на этом просторе и разгулялся русский болтун».

«Душа озябла... Страшно, когда наступает озноб души».

«Русский «мечтатель» и существует для разговоров. Для чего же он существует, не для дела же!»

«Ужасно люблю гимназическую пору. И вечно хочется быть опять гимназистом. «Ну её к чёрту, серьёзную жизнь»».

«Жизнь происходит от «неустойчивых равновесий». Если бы равновесие везде было устойчивым, не было бы и жизни. Но неустойчивое равновесие – тревога, «неудобно мне» (...) Мир вечно тревожен, и тем живёт».

Фрагмент экспозиции
«Опавшие листья»

«Писательство есть Рок. Писательство есть fatum. Писательство есть несчастье».

«Симпатичный шалопаи – да это почти господствующий тип у русских».

«Русское хвастовство, прикинувшееся добродетелью, и русская лень, собравшаяся «перевернуть мир»... – вот революция».

«Боже Вечный, стой около меня. Никогда от меня не отходи».

«Супруги должны быть детьми (...) Их все должны кормить, заботиться, оберегать. Они же только быть счастливы и рожать прекрасному обществу прекрасных детей. В будущем веке первый год молодые будут жить не в домах, а в золотых корзинах».

«Успех в доброте и доброта в успехе».

«Чувство Родины должно быть великим горячим молчанием».

«Любовь есть совершенная отдача себя другому. «Меня» уже нет, а «всё – твоё». Любовь есть чудо. Нравственное чудо».

«Вселенная есть шествование. И когда замолкнут шаги – мир кончится».

«Без веры в себя нельзя быть сильным. Но вера в себя разливается в человеке нескромностью. Уладить это противоречие – одна из труднейших задач жизни и личности».

«Женщина – исподнее существо. Договаривают: «И – преисподнее» – Нет, она небесное существо».

Читателю может показаться, что афоризмы и мысли В.В. Розанова весьма хаотичны. Однако за «паутинками быта» или размышлениями о Боге, мире и своём месте в этом мире – глубина философской мысли великого писателя.

Современники о В.В. Розанове

З. Гиппиус: «Розанов – один из гениальных наших писателей».

П. Струве: «Один из первых русских писателей, – человек, награждённый большим писательским дарованием и чисто художественным прозрением, блестящий литературный талант, создавший почти новый вид художественно-конкретной публицистики, в которой мысль философская всецело сливалась с образами действительности, и исторической, и повседневной».

Н. Бердяев: «Литературный дар его был изумительный, самый большой дар в русской прозе».

Д. Философов: «Как бы ни относиться к идеям Р., нельзя не поддаться обаянию его стиля. Тут Розанов – истинный творец новых ценностей (...) После Пушкина, Тургенева, Достоевского, когда, казалось, русский язык достиг предела своей яркости и богатства, Р. нашёл новые его красоты, сделал его совсем иным, – и притом без всякого усилия, без всякой заботы о «стиле»».

С. Франк: «Розанов обладает неподражаемым даром совершенно безыскусственного, произвольного, замечательного нелитературного выражения мысли. Слово есть у него не искусственное орудие выражения отвлечённого содержания мысли, а как бы живое адекватное воплощение конкретного душевного процесса мышления во всей его непосредственности».

Красные пятна истории

Желание написать эту статью появилось в начале 2016 года. Начиная с августа 2015-го, когда мне впервые стали известны обстоятельства гибели брата родного деда, бывшего подпоручика Российской и Колчаковской армий Сергея Александровича Розова, в мирное время – мастера по оптике, делавшего очки в ульяновской аптеке № 43.

Прапорщик Ф.Ф. Мейбом

До этого всё было просто семейным мифом: я знал об этом от отца, давно уже ушедшего из жизни, а тот – от своего отца, моего деда – Михаила Александровича. Был-де родной брат у деда – Сергей. В небольших офицерских чинах – прапорщик или поручик, служил в Белой армии. Попал под репрессии и сгинул в 1930-е годы в мордовских потьминских лагерях... Приходила к родне какая-то женщина-мордовка, сказала, что она – жена Сергея Розова, но её никто не знал и её не приняли. Куда она делась, никто не знает. Вот и всё.

Но неожиданно для меня самого информация, открытая в Книге памяти жертв политических репрессий и потом в материалах следственного дела НКВД 1937 года, ожила и стала существовать собственной жизнью, обрастая подробностями, соединяясь, как звенья в цепи, с биографиями других, очень интересных людей, о которых я рассказываю позже, и всё это выявилось за несколько месяцев 2015 и 2016 годов!

Что я знал о семье деда? Почти ничего. Дед – Михаил Александрович (1889 г.р.), был старшим из детей – двух братьев и двух сестёр. Рос сильным, видным парнем, был смелым и часто защищал от соседских мальчишек младшего – Сергея (1893 г.р.), о котором, собственно, и пойдёт речь.

Тот был забиякой, и часто бежал под защиту брата после каких-нибудь своих каверз. Михаил 30 сентября 1911 года окончил в столице «Санкт-Петербургские железнодорожные курсы, состоящие в ведении Императорского

русского технического общества», как гласил его аттестат (железная дорога тогда сильно манила молодёжь), проработал на ней в Симбирске-Ульяновске всю жизнь товарным кассиром, даже шёл на орден, но получил медаль «За доблестный труд» за работу в годы Отечественной войны. Сёстры – Антонина и Мария – уехали в Грозный, стали уважаемыми врачами, замуж не вышли. Младший Сергей остался в Симбирской мужской гимназии в 5 классе на второй год по математике и немецкому, стал служащим, а затем военным – началась Первая мировая война. Находясь на фронте с 1914-го по 1918 год, дослужился в действующей

армии до чина подпоручика. А вот потом началась Октябрьская революция, и страна закорчилась от внутренних катаклизмов. Появились большевики и эсеры, монархисты и анархисты, белые и красные. Сергей, к тому времени демобилизовавшийся из армии, вернулся домой в Симбирск.

Вот что он рассказал на допросе 20 декабря 1937 года: «В августе месяце 1918 года в г. Симбирске был мобилизован ...и направлен в Симбирский офицерский батальон рядовым, участвовал в боях против Красной армии в районе ст. Охотничья. После сдачи гор. Симбирска Красной армии отступил в Заволжье и дальше продолжал отступать до гор. Бугульмы в составе этого батальона. По прибытии в гор. Бугульму был направлен в гор. Барнаул, для формирования, где был назначен в 49-й Сибирский полк в чине подпоручика взводным командиром...».

Прерываюсь. Я, четверть века занимаясь хроникой Гражданской войны на Восточном фронте, с изумлением узнал, что брат деда служил в 49-м Сибирском полку под командованием капитана (затем полковника) Фёдора Мейбома, в составе 13-й Сибирской дивизии. Того самого Мейбома, о котором я сам несколько лет назад написал статью «Симбирская любовь полковника Мейбома!»! Примечательно то, что сформированная в Сибири 13-я дивизия пополнялась многими волжанами-офицерами – самарцами и симбирянами, не попавшими в свои части 1-го Волжского армейского корпуса В.О. Каппеля из-за ранений

Софья Михайловна Розова – мать Михаила, Сергея, Антонины и Марии. 1934

и по прямому приказу командования пополнить её волжанами, выздоравливающими после болезни или ранений.

Продолжаю рассказ Сергея Розова по материалам следственного дела: «В феврале месяце 1919 года вместе с частью из гор. Барнаула был направлен в гор. Ново-Николаевск (сейчас Новосибирск. – **О.Р.**), а потом выбыл на фронт под гор. Челябинск, где принимал участие в боевых операциях против Красной армии...».

Надо пояснить: брошенная под Челябинск 13-я Сибирская дивизия, как и 11-я и 12-я – были последними резервами армии адмирала Колчака. Командование дивизии считало её гвардейской и надеялось, что принимать участие в боях ей не придётся. Но командующий Западной армией генерал К.В. Сахаров думал иначе. Необученные, необстрелянные и недовооружённые 11-я, 12-я и 13-я Сибирские дивизии должны были сыграть роль пушечного мяса в разработанной Сахаровым и начальником штаба Верховного Главнокомандующего генералом Д.А. Лебедевым операции по окружению и разгрому 5-й Красной армии под Челябинском. По этому плану Челябинск сознательно оставался белыми, в него входила 5-я КА, попадая в «мешок», и её с флангов окружали и зажимали в «клещи» свежие резервные дивизии. Этакая «битва при Каннах», по-своему метко названная военным министром Колчака бароном Алексеем Будбергом «Мамаевым побоищем», в котором с обеих сторон сошлось 80 000 человек.

Обозначенные дивизии, брошенные в бойню в азарте полководческого зуда Сахарова и Лебедева, развалились, не выдержали испытаний настоящими боями, за исключением как раз 49-го Сибирского полка! Обученный капитаном Мейбомом, тогда командиром батальона, полк сумел выстоять, попав в трудную ситуацию, и пробился, присоединив к себе остатки других полков 13-й Сибирской дивизии, за что Мейбом был назначен командиром этого соединения.

Судьба этого волжанина-самарца, кадрового офицера, имевшего много боевых наград в Первую мировую войну, оставившего после себя интереснейшие мемуары и скончавшегося в Лас-Вегасе в 1978 году, поистине была достойна романа большого писателя! После неудачи с «Каннами», в которых непродуманная операция затянулась и в окружение могла попасть уже сама Западная армия, Колчак отдал приказ отводить её на восток.

Остатки 13-й дивизии, которую стал представлять фактически один 49-й полк, отошли к городу Кургану.

Михаил Розов (1889 г.р.)

Об этом времени позже полковник Ф.Ф. Мейбом написал так: «Под Курганом во встречном бою наш полк разбил 318-ю советскую дивизию (ошибка, очевидно, 318 полк. – **О.Р.**), забрав в плен около 600 человек, 5 орудий с полной упряжкой, полевой санитарный отряд с двумя докторами и 7-ю сёстрами милосердия. За этот бой (командир дивизии. – **О.Р.**) генерал Зошенко представил меня к Георгиевскому кресту, но получить его я не смог, так как началось полное отступление нашей армии. С 49-м Сибирским стрелковым полком я прошёл все бои, включая «Ледяной» Сибирский поход. Состав полка таял и от тысячного состава оставалась третья часть».

Бой под Курганом, который описал Мейбом, оказался для взводного командира его полка, подпоручика С.А. Розова, самым последним. Он также, в свою очередь, в своих «мемуарах» – следственном деле – об этом бое вспоминал: «...После отступал до города Кургана, где и был ранен, меня вскоре эвакуировали на лечение в гор. Иркутск, где находился в госпитале до декабря 1919 г., по приходу Красной армии в гор. Иркутск я был пленён и оставался на лечении до апреля месяца 1920 г...».

В госпитале Иркутска он пережил и смену власти – поначалу в январе 1920 года эсеровский Политцентр захватил ненадолго власть в городе

(к сведению: при адмирале А.В. Колчаке губернатором Иркутской губернии был популярный и либеральный деятель П.Д. Яковлев, бывший эсер и политический ссыльный). К Политцентру в его Народно-революционную армию перешли многие распропагандированные эсерами части разгромленных колчаковских армий. Атаман Забайкальского казачьего войска Г.М. Семёнов, которому Колчак передал управление Восточной окраиной России, отправил военную экспедицию под командованием генерала Л. Скипетрова, чтобы освободить захваченного Колчака и разгромить Политцентр. Но она окончилась неудачей. Затем пришли войска 5-й Красной армии, поглотившей и распутившей все эсеровские военные образования. Прямо из госпиталя Сергея Розова, как колчаковского офицера, отправляют сначала в концлагерь г. Челябинска, потом – г. Миасса. Содержание в тех лагерях отличалось скудным питанием, отсутствием медицинского обслуживания и тяжёлым физическим трудом. Но если за заключённого ходатайствовали родственники, то его могли перевести в лагерь «по месту жительства». Сергей действительно сообщал: «по ходатайству родителей в сентябре 1920 г. переведён в Симбирской концлагерь».

Этот концлагерь размещался на территории Спасского женского монастыря, где ныне находится ЦНК «Губернаторский». Через какое-то время он был выпущен, устроился на службу, женился. С женой – Любовью Николаевной (1898 г.р.) они завели троих детей: сына Анатолия (1926 г.р.) и двух дочерей – Тамару (1924 г.р.) и Любовь (1922 г.р.). Они проживали на ул. Радищева, 57. Если нумерация домов с 1937 года не менялась, то этот дом до сих пор стоит и служит бытовкой рабочим, возводящим высотное здание недалеко от «Энтерры», на месте, где когда-то, по воспоминаниям деда, находился огромный сад, и Сергей в нём, будучи ребёнком, однажды потерялся.

В 1931 году его вновь арестовали органы ОГПУ вместе с рядом бывших белогвардейцев – возможно, это было сделано, как и по всей стране, по известному сфабрикованному делу «Весна», когда за службу в Белой армии арестовывались тысячи бывших офицеров и генералов. (В частности, был расстрелян в 1931 году даже бывший командующий Восточным фронтом красных и победитель Колчака, бывший царский генерал Владимир Ольдерогге.) Сергей был осуждён по статьям 58-10

и 58-11 «за антисоветскую агитацию и за участие в офицерской организации по подготовке вооружённого восстания против советской власти», как было сказано в следственном деле. Он сидел в ульяновской тюрьме, а потом был отправлен в Свирские лагеря (очевидно, строил Беломорканал). Вместе с ним «по делу контрреволюционной офицерской организации, существовавшей в г. Симбирске в 1931 году» под руководством неких Пыла и Соломахи, были осуждены 9 симбирян-офицеров. Все они, отбыв срок заключения, благополучно вернулись в Ульяновск и устроились на работу. Сам С.А. Розов стал мастером по оптике при городской аптеке № 43, где делал линзы для очков.

В 1937 году борьба с «врагами народа», как назвал их Сталин, вспыхнула с новой силой. Приказом наркома НКВД Н.И. Ежова за № 00447 от 30 июля 1937 года «об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и бывших антисоветских элементов» по Куйбышевской области, куда входил Ульяновский район, планом предполагалось разоблачить и расстрелять не менее 1000 «врагов народа». На Ульяновск также был спущен план – расстрелять не менее 100 человек, но взятыми повышенными обязательствами «врагов» разоблачено было почти в три раза больше. К концу 1937 года в Ульяновске было расстреляно 347 человек (вместо планируемых 100), в том числе только в декабре – 217. Рвение Н.И. Ежова до определённого момента воспринималось вождём благосклонно, но в 1938 году пришла и его очередь встать к стенке, как до этого встал к ней Генрих Ягода, предшественник Ежова.

Так, Сергея Розова и многих других арестовали 16 декабря 1937 года, допросили 20-го, на расстрел осудили 30 декабря. Предновогодняя дата была выбрана для того, чтобы можно было успеть отрапортовать областному начальству о выполнении задания. На допросе Сергей Розов перечислил, с кем из вновь осуждённых он был знаком по тюрьме 1931 года – это были все уже названные выше симбиряне, а также назвал 16 бывших царских и белых офицеров-симбирян, которых лично он знал или с кем служил у белых. Среди них был Александр Эммануилович Кривчиков. О нём, в отличие от других, Сергей рассказал подробнее: «В чине капитана служил в армии Колчака. При отступлении из Симбирска командовал ротой или полком...».

Тогда я подумал: зачем уж так подробно о своём брате-офицере рассказывать такое – «командовал полком»? Это же прямая подсказка органам НКВД – да вот он, «враг народа»! Но, как затем оказалось, всё было не так просто. Ответ предоставил Интернет: я проверил сведения обо всех офицерах, прошедших по этому делу (всего мне удалось выяснить фамилии 43-х бывших колчаковцев). Ни о ком из них информации найти не удалось, кроме довольно подробной, с обилием фотографий – об Александре Эммануиловиче Кривчикове, также расстрелянном по этому делу. Его судьба оказалась удивительной: симферополец по рождению, Александр Кривчиков в 1902 году поступил и в 1907 году окончил Симбирский кадетский корпус, затем Павловское военное училище в 1910 году. Участвовал в Первой мировой войне в составе 212-го пехотного Романовского полка 53-й пехотной дивизии Западного фронта.

Сам А.И. Кривчиков воевал геройски, дважды ранен. Награждён почётнейшим «орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. После Октябрьской революции служил под командованием Главнокомандующего армиями Восточного фронта Русской армии Генерального штаба генерал-лейтенанта В.О. Каппеля. Командовал 3-м пластунским батальоном 3-го пластунского Оренбургского казачьего полка. С ноября 1919 года командовал 1-м Симбирским полком».

Под Красноярском Александр был ранен, без сознания взят в плен и находился два месяца в концлагере. Мобилизован советской властью и назначен на должность помощника комполка 5-й дивизии имени 3-го Интернационала. В 1920 году назначен на должность командира 1-го полка Западно-Сибирской добровольческой бригады Южного фронта. За боевые действия в Западной Сибири (это было подавление антибольшевистского крестьянского восстания, вызванного продразвёрсткой. – **О.Р.**) награждён орденом Красного Знамени. После Гражданской войны работал военруком в пединституте Ульяновска.

Арестован 17 декабря 1937 года. Был одним из 100 фигурантов, осуждённых и расстрелянных по решению заседания особой тройки УНКВД по Куйбышевской области. На допросе признал себя виновным в соучастии совместно с остальными арестованными в контрреволюционной организации с целью свержения советской власти.

Обвинён в преступлениях, предусмотренных ст. 58-2, 58-6 ч. 1, 58-7, 58-9 и 58-11. Расстрелян он был 18 января 1938 года, реабилитирован – 8 мая 1956 года.

Последним вопросом следователя Розову был такой: «Следствием установлено, что Вы, Розов С.А., являетесь членом контрреволюционной белоградской повстанческой вооружённой организации. Следствие предлагает Вам дать откровенные показания по существу этого вопроса». На это Сергей ответил: «Виновным, что я состою членом контрреволюционной белоградской повстанческой организации себя не признаю». 30 декабря всем был вынесен расстрельный приговор, и он был приведён в исполнение.

Полная реабилитация «дважды незаконно репрессированного», как сказано в Книге памяти жертв политических репрессий, Розова С.А. состоялась в апреле 1989 года.

Теперь о том, почему я решил написать эту статью. В августе 2015 года, когда я в кафе перечитывал материалы следственного дела Сергея Розова, случайно познакомился с уже немолодым человеком Юрием Александровичем Крючковым. Мы разговорились. Оказалось, у его жены в 1937 году был репрессирован отец – офицер Дмитрий Василькович Миртов. Я посмотрел свой листок, куда записал фамилии 43-х человек, осуждённых по делу С. Розова и А. Кривчикова, и нашёл среди них прапорщика Д.В. Миртова! А недавно я получил электронной почтой письмо из Лондона от внучки первого директора краеведческого музея Ульяновска Павла Яковлевича Гречкина, бывшего офицера-воспитателя Симбирского кадетского корпуса, расстрелянного в том же декабре 1937 года. Она интересовалась, нет ли у меня подробных сведений о судьбе её деда, но у меня пока этой информации нет.

Необходимо, чтобы вот из этой «лагерной пыли», которая только и осталась от бесчисленного множества безвинно осуждённых людей, навсегда сохранилась память о наших предках. Восстановилась бы связь времён, и вновь на нас взглянули наши родственники, живые люди, от которых не осталось ни фотографий, ни документов – ведь в 1937–1938-х годах и позднее от них избавлялись, так как хранить их было опасно. Нужно, чтобы о страшных событиях тех лет люди помнили просто для того, чтобы они больше никогда не повторились.

Олег Розов

Слушай же, молодость, как было дело...

*Слушай же, молодость, как было дело,
с чего начинали твои старики...*

Н. Асеев

Воспоминания современников тех или иных исторических событий являются весьма ценным источником для исследователей. В фондах Ульяновского областного краеведческого музея хранится значительная мемуарная коллекция, отражающая события XIX – начала XXI века. Одним из самых значительных является комплекс материалов по истории Гражданской войны на территории Симбирской губернии. Воспоминания участников этих трагических событий, на наш взгляд, необходимы для осмысления нынешним поколением. Они побуждают к более глубокому, детальному изучению прошлого собственной страны.

П.А. Патрикеев.
Луцк,
3 марта 1916
года

Долгое время исследователи уделяли внимание лишь одной из противоборствующих в Гражданской войне сторон – красным. В самих мемуарах и даже автобиографиях бывших красноармейцев отчетливо прослеживается влияние советской пропаганды, однако значимость их от этого не уменьшается. И это тоже отражение эпохи.

Разбирая материалы в фондах музея, зачастую сталкиваешься с биографиями людей, жизненный путь которых был настолько наполнен невероятными событиями, что о них можно снимать фильм или писать книгу. Одним из таких людей, чья жизнь могла бы заинтересовать и писателей-мемуаристов, и историков-краеведов, и простых обывателей, был Павел Алексеевич Патрикеев.

Родился Павел Алексеевич 27 июня 1886 года в селе Тинарка Ставропольского уезда Самарской губернии в семье крестьянина. Через год после его рождения умерла мать, оставив четверых детей с отцом. После окончания трёхклассной школы 11-летний Павел начал работать у известного мелекесского купца Маркова.

Как многие молодые люди в начале XX века, Павел увлёкся идеями социалистов. В январе 1905 года, продолжая работать у Маркова, он вступил в кружок РСДРП в Мелекессе и начал вести

революционную работу – агитировал крестьян против царского режима, занимался расклеиванием листовок, распространял нелегальную литературу. В сентябре 1905 года был арестован жандармерией и осуждён на 2 года. Тюремное заключение отбывал в Омске. По окончании срока ссылки в июле 1907 года он переехал в Симбирск, где устроился на работу к купцу Е.М. Кривому в ресторан (рабочим на кухню и полотёром). Вскоре он связался с членом симбирской группы РСДРП – рабочим механических мастерских Кузнецовым. Под его руководством Патрикеев продолжил революционную работу среди рабочих – читал прокламации, посещал сходки, которые проводились в северной части Симбирска, в районе современного парка Победы.

В 1911 году Павел Алексеевич женился, и к началу Первой мировой войны в семье было двое сыновей. В августе 1914 года Патрикеева призвали в армию, и он отправился на фронт. Служил в 93-м пехотном Иркутском Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича полку. Полк принимал участие в Восточно-Прусской операции в Брусиловском прорыве. Патрикеев был назначен командиром взвода разведки, в котором прослужил до 1917 года. Он был награждён двумя Георгиевскими крестами и двумя медалями, дослужился

до унтер-офицера. На фронте продолжал революционную работу среди солдат под руководством командира роты и командира взвода. В конце 1916 года заболел и, как отличившийся на фронте, получил месячный отпуск с выездом домой к семье, которая в это время проживала в Симбирске по Николаевскому спуску (район Подгорья на Венце).

В начале 1917 года Патрикеев прибыл в Симбирск, где возобновил связи с революционером Кузнецовым, вместе с ним начал вести антивоенную агитацию среди солдат. При содействии товарищей встал на учёт воинского начальника, который оставил Патрикеева продолжать службу во внутренних частях Симбирска (по его охране). Затем связался с партийной большевистской организацией, в которой перед Октябрьской революцией работал М.А. Гимов, ставший затем первым секретарём Симбирского губкома РКП(б). В своей автобиографии П.А. Патрикеев указывает на то, что в той же ячейке состоял и молодой Арсений Григорьевич Зверев – будущий министр финансов СССР. Именно он в годы Великой Отечественной войны руководил финансами страны, наладил выпуск государственных внутренних займов, а после войны провёл денежную реформу.

Патрикееву, как члену организации, было поручено создать красногвардейский отряд, которым он был назначен

командовать. Как командиру сводно-отряда, ему приходилось выезжать на подавление контрреволюционных восстаний в губернии.

Да и в самом Симбирске, как вспоминал Павел Алексеевич, было довольно беспокойно: «В начале января 1918 года, по просьбе Самарского Губкома и распоряжению Центральных органов, я был командирован Симбирским Губкомом партии в Мелекесе на подавление кулацкого восстания, и после восстановления Советской власти вернулся в Симбирск».

В марте 1918 года сводный отряд Красной гвардии влился в регулярные части Красной армии. Патрикеев был назначен командиром роты, а впоследствии командиром батальона 24-й дивизии под командованием Гая. Вместе с частями дивизии после захвата Симбирска белочехами отступал на Буинск. В сентябре 1918 года участвовал в боях по освобождению Симбирска. В это время он был в составе 24-й дивизии командиром взвода разведки, затем командовал отдельным батальоном, потом 296-м полком 25-й стрелковой дивизии, некоторое время был командиром 298-го полка в составе бригады Умнова. Участвовал во взятии г. Уральска, был ранен под Гурьевым, некоторое время проходил лечение в госпитале в Рязани. После выздоровления, в июле 1919 года, опять возвратился в Симбирск и был назначен политическим руководителем 4-го запасного Приволжского полка.

В конце октября 1919 года по мобилизации губвоенкомата был послан командиром батальона на подавление Антоновского восстания в Тамбовскую губернию, в село Жердевку. В боях был вновь ранен и находился на излечении в Борисоглебске. Домой в Симбирск вернулся в 1920 году, но уже летом того же года губкомом партии по мобилизации ЦК РКП(б) был направлен на Врангелевский фронт в качестве комиссара полка особого назначения. С этим полком прошёл с боями от Царицына до Севастополя. Некоторое время полк участвовал в боях в Крыму. В начале 1922 года Павел Алексеевич сильно заболел и демобилизовался из рядов РККА, перешёл на гражданскую работу. Работал в кооперативах Ульяновска, был членом городского совета рабоче-крестьянских и красноармейских депутатов.

В 1935 году П.А. Патрикеев переехал в Куйбышев. Занимался партийной работой, в 1941–1943 гг. был председателем артели «На страже». На фронтах

Павел Алексеевич Патрикеев (второй слева) с товарищами. 1930-е

П.А. Патрикеев с правнучкой

Великой Отечественной погибли трое из четырёх его сыновей. Правительство обратило внимание на заслуги Павла Алексеевича Патрикеева в установлении Советской власти – с 1955 года он становится персональным пенсионером союзного значения.

Не менее интересна биография другого участника Гражданской войны Ибрагима Гереевича Майгушева. Родился он 1 апреля 1896 г. в селе Старое Тимошкино Симбирской губернии. В 10 лет поступил на работу на фабрику Акчурина. В январе 1918 года вступил добровольцем в Красную гвардию и участвовал в установлении Советской власти в Симбирской губернии, ликвидации Муравьёвского мятежа и подавлении крестьянских выступлений в Тереньге и Алатыре. Освобождал Симбирск и Пензу от белочехов. Одно из самых драматических событий в жизни Майгушева – участие в боях на юге России. Вот что об этом вспоминал сам Ибрагим Гереевич: «Мы форсировали реку Дон, где Дон и река Иговля соединяются. На другой день нас окружила большая конная армия белых. Я на тачанке пробивался из окружения. Нашу тачанку преследуют казаки. Когда казаки приближаются, мы останавливаемся, и я кошу их из пулемёта. Оставшиеся в живых казаки спешиваются и открывают огонь. Мы отходим. Казаки выскакивают за нами, догоняют, мы обратно начинаем косить. Это маневр продолжали много раз. Наконец у нас кончились боеприпасы и ленты. Казаки, заметив это, бросились, шашки наголо и окружили нас. Первым подъехал офицер и сказал казакам не рубить. Это мол, для них не большое наказание. Говорит, будем с них кожу с живых сдирать и посыпать солью. Нас стащили

с любимой тачанки, раздели, разули, сильно избили нагайками и повели в тыл. Догнали пленных своих, тоже все избитые, голые, босые. Нас сдали конвоирам. На другой день пригнали в хутор и всех сдали этапному команданту. Утром всех вывели на улицу, несколько человек расстреляли. Нас троих вывели из хутора и привели к оврагу, где стояли виселицы. От хутора один километр. Двоих повесили. Меня [начали] вешать, верёвка оказалась на шее мертвеца в овраге. Привели меня в овраг, сказали, спустись и достань себе петлю. Так как шёл дождь со снегом, казаки не хотели в грязи пачкаться. Я наотрез отказался. Тогда поставили под виселицей и офицер послал одного казака на хутор за верёвкой. Вдруг неожиданно из перелезка выезжает конный разъезд, окружает палачей, и всех уничтожает тут же. Мы снимаем висевших, но бесполезно. Они уже окоченели.

Шум и возню разъезда будёновцев услышали в хуторе. Смотрим, большая группа казаков скачет к нам. Меня посадили за седло будёновец, и мы спустились в овраг, а по оврагу спустились к Дону и переплыли. И я опять оказался в среде родной Армии, и до Иранской границы отомстил за погибших многократно».

Обе истории были записаны к пятидесятилетию Октябрьской революции и переданы в областной краеведческий музей. И это лишь малая часть фондовой коллекции. Продолжение следует...

Иван Павлов,

научный сотрудник сектора новой и новейшей истории Ульяновского областного краеведческого музея

Фото из фондов Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова

Выемка
железнодорожной
в которой маневрировал
бронепоезд белых.
2014

Бой в Киндяковке 12 сентября 1918 года

Каждый прожитый год всё дальше отдаляет нас от событий Гражданской войны в Симбирской губернии. Выросло несколько поколений детей, которые не играли в «белых» и «красных», и уж тем более не дрались за право быть «красным» командиром. И это не хорошо и не плохо, это естественно, ведь не осталось ни одного ветерана и даже живого свидетеля этой войны, а вслед за ними ушли все эмоции, связанные с этими событиями.

Гильзы и пули от винтовок отечественного и импортного производства, обнаруженные на месте боёв Гражданской войны в Киндяковке

В Ленинском и Железнодорожном районах Ульяновска пока ещё сохранилось несколько исторических построек, которые стали свидетелями боёв Гражданской войны, но с каждым годом их становится всё меньше. Отчётливо «помнит» Гражданскую войну самый древний живой организм на территории города – Винновская роща: до настоящего времени в стволах наиболее старых дубов черешчатых и лип сердцевидных прочно «сидят» винтовочные пули и свинцовые шрапнельные шарики, застрявшие там 21 июля и 12 сентября 1918 года. Так сложилось, что самые тяжёлые бои за Симбирск разворачивались на южной окраине – со стороны стратегически важной железнодорожной станции «Киндяковка». Последний и самый ожесточённый бой отгремел на этой территории 12 сентября 1918 года.

В 1918 году бойцы противоборствующих сторон внешне мало отличались друг от друга, точно установленной формы одежды ещё не существовало. Кто-то был одет в заштопанную гимнастёрку, кто-то – в поношенный китель. Одни обуты в сапоги, другие – в «вадашки». Обмундирование это послужило на своём веку, а владельцы многое повидали и пережили: кому-то пришлось долгие месяцы

страдать в окопах Первой мировой войны, кому-то – скитаться по городам, где располагались запасные батальоны. Белые отличались от красных только георгиевскими ленточками, прикреплёнными наискось околыша фуражки, или белыми повязками на левом рукаве, а некоторые, преимущественно офицеры, носили ещё и погоны. У многих красных бойцов к гимнастёркам были прикреплены красные банты, а командиры носили кожаное обмундирование.

Под Симбирском Народной армией Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (КОМУЧ – одно из первых формирований белых войск на Востоке России) против 1-й Симбирской Железнодорожной дивизии были выставлены: инструкторский батальон, сербский отряд, конница, чешские роты, 3 аэроплана, 2 батальона второго Симбирского полка, 3 батареи тяжёлой артиллерии, 2 броневика с тяжёлыми орудиями (в то время броневиками иногда называли бронепоезда) и 4 батареи лёгкой артиллерии.

Противостоять этим подразделениям в районе Киндяковки должны были три полка 1-й Симбирской Железнодорожной дивизии: 1-й Симбирский полк (700 штыков, 22 пулемёта), 2-й Симбирский полк (442 штыка, 22 пулемёта) и 3-й Витебский полк (550 штыков, 20 пулемётов).

1-му Симбирскому полку была придана 2-я батарея, а 2-му Симбирскому полку – 3-я батарея артдивизиона. Кроме того, 3-му Витебскому полку придавались два взвода Симбирского кавалерийского эскадрона, а 2-му Симбирскому полку – один взвод. Бронепоезд имени товарища Ленина, содействуя общему успеху по линии железной дороги, действовал совместно с 1-м Симбирским полком. Разведку с воздуха поручалось вести трём аэропланам.

1-му Симбирскому полку было приказано форсировать железнодорожный мост через Свягу в районе села Вырыпаевка и наступать на станцию «Киндяковка», чтобы во взаимодействии со 2-м Симбирским полком развить наступление к городскому железнодорожному вокзалу – станции «Симбирск-1» (в настоящее время «Ульяновск-1» или Старый вокзал). 2-му Симбирскому полку, наступавшему из села Грязнуха (с 1960 года село Луговое) и деревни Белый Ключ, ставилась задача выбить противника из Винновской рощи и со станции «Киндяковка» (район современной железнодорожной станции «Ульяновск-Центральный»). Кроме того, 2-й Симбирский полк должен был, зайдя с тыла, захватить бронепоезд противника, стоявший на станции «Киндяковка» и препятствовавший переправе

1-го Симбирского полка через Свягу. 3-му Витебскому полку предстояло занять деревню Винновка и, обойдя Винновскую рощу, выйти к станции «Симбирск-II» (сейчас «Ульяновск-II»).

Основная ставка в бою за Киндяковку делалась на 2-й Симбирский полк, так как в его составе было больше всего коммунистов (около 80 человек), кроме того, им командовал опытный офицер бывшей царской армии Михаил Дмитриевич Великанов, а политическим комиссаром (по терминологии того времени политком или военком) полка был один из лидеров самарских большевиков Николай Михайлович Шверник. 2-й Симбирский полк состоял из двух батальонов. В первом батальоне 1-я рота была сформирована из бывшего Козловско-Нижегородского отряда, 2-я рота – из Симбирского Коммунистического отряда, во втором батальоне 1-я рота – из Московско-Смоленского отряда, 2-я рота – из Казанского татарского отряда. В силу такого «отрядного» происхождения роты были неравномерными по численности. Этот полк, составленный из разрозненных полупартизанских отрядов, быстро стал сплочённой и эффективной боевой частью, в чём была немалая заслуга комиссара полка.

В ночь на 12 сентября командир полка Михаил Великанов, не изменяя своим правилам, выехал на рекогносцировку предстоящего театра боевых действий. Потом им были сформированы штурмовые команды. Комиссар полка Николай Шверник в эту ночь объезжал роты, знакомил бойцов с дальнейшими задачами дивизии и полка, поднимал их боевой дух. По свидетельствам очевидцев, его слова вызвали прилив наступательной энергии. Только перед рассветом Николаю Швернику удалось уговорить командира полка ненадолго прилечь, да и сам он в эту ночь успел вздремнуть только три часа.

День 12 сентября выдался на славу. Утро солнечное и тёплое. В синеве неба плавно плыли редкие белоснежные облака, лёгкий ветерок гнал их в самарские степи. Вдалеке, раскинувшись вдоль Волги, оцетинившись церковными куполами и утопая в зелени садов, виднелся Симбирск. Он привлекал взгляды командиров и бойцов Железной дивизии, каждому хотелось поскорее живым и здоровым попасть в город.

Разведчики 1-го Симбирского полка ночью переправились из Вырыпаевки через железнодорожный мост на правый берег Свяги. Здесь они самоотверженно отбивали попытки белогвардейцев

приблизиться к мосту и взорвать его. На рассвете батальоны 1-го Симбирского полка открыли с левого берега шквальный огонь по белогвардейцам, заставив их отойти от моста. Но попытки всего полка перейти по мосту на правый берег сдерживались вражеским бронепоездом, стоявшим на станции «Киндяковка» и обстреливающим мост и подходы к нему.

Получилась заминка, которая могла осложнить всю операцию по освобождению города. Чтобы выбить противника с этой стратегической позиции, командование Железной дивизии применило взаимодействие соседних полков. Для этого силами 2-го Симбирского полка было предпринято энергичное наступление через Винновскую рощу в обход и в тыл позиции противника у станции «Киндяковка».

Белыми на защиту станции «Киндяковка» и Винновской рощи был выдвинут инструкторский батальон – отборная часть, состоявшая из офицеров, которую берегли для самого ответственного момента сражения. 2-й Симбирский полк двумя колоннами повёл наступление на Винновскую рощу, роты батальонов шли цепями, сбивая противника с его позиций. Командир полка Михаил Великанов, покачиваясь в драгунском седле на своей любимой лошади по кличке Манька (в 1919 году она будет смертельна ранена и её придётся пристрелить, а хозяин долго не мог забыть своего верного боевого друга), и комиссар полка Николай Шверник двигались в передовых цепях полка. В штыковой схватке инструкторский батальон, считавшийся «образцовым», был уничтожен полностью. Здесь штыковой атакой отличилась 4-я рота (мусульманская). Ворвавшись в рощу, красноармейцы прочёсывали её, подавляя сопротивление недобитых мелких групп белогвардейцев. На территории рощи наиболее крупные локальные бои проходили в районе архитектурного сооружения «Статуйка» (территория современного футбольного поля) и в окрестностях оврага Белый враг (находится рядом с родником Сахарный), в котором были захоронены некоторые погибшие белогвардейцы. Боевые действия осложнялись тем, что часть жителей деревни Винновка и станции «Киндяковка» перед боем решили спрятаться в Винновской роще (большинство жителей спрятались в своих погребах и в районе пойменных волжских озёр), и красноармейцы боялись их ненароком застрелить. В течение полудня Винновская роща была занята.

Кокарда
Высшего
начального
училища
(«ВНУчок»),
обнаруженная
на месте боёв
Гражданской
войны
в Киндяковке

Унтер-офицерская кокарда
и свисток Русской Императорской
армии, обнаруженные на месте
боёв Гражданской войны
в Киндяковке

Такая молниеносность восхищает, ведь даже сейчас, после того как роща была существонно «обрезана» в 50–60-е годы прошлого века, размеренным шагом её можно пройти за те же полчаса.

Михаил Великанов с частью своего полка решил выйти к железной дороге и разрушить полотно, отрезав тем самым возможность отхода бронепоезда противника со станции «Киндяковка». Обстреливаемый с тыла вражеский бронепоезд, опасаясь быть отрезанным, отошёл в глубокую выемку железной дороги. Этот успех 2-го Симбирского полка имел решающее значение для развития штурма города.

Путь наступления для 1-го Симбирского полка теперь был открыт, и он незамедлительно воспользовался этим. Переправившись через мост, бойцы заняли позиции между рекой Свягой и железнодорожным полотном. У станции «Киндяковка» 1-й и 2-й Симбирские полки соединились.

Примерно в 7 часов утра 2-й Симбирский полк вышел на северную опушку Винновской рощи, где сразу же подвергся жестокому винтовочному и пулемётному обстрелу из-за забора городского ипподрома (располагался на территории современного

Ульяновского моторного завода, примерно в районе остановки «Стахановская»), превращённый в хорошо укрепленный оборонительный пункт, а из глубокой железнодорожной выемки продолжал бросать свои снаряды бронепоезд белогвардейцев. Огонь врага был сильным, свистели пули и рвалась шрапнель, в красноармейских рядах появились раненые и убитые. Красная артиллерия нащупывала огневые средства противника. Велась взаимная перестрелка. Красноармейцы готовились к решительному штурму. Пересечённая местность позволяла вражескому бронепоезду действовать скрытно, и красные артиллерийские батареи не могли нащупать эту наиболее опасную цель.

В небо на разведку поднялся аэроплан (вероятно, это был Nieuport 24bis) красного военлёта Яна Иосифовича Южака. Утренний туман долго мешал ему обнаружить врага. Вдруг аэроплан вздрогнул и накренился. Выровняв машину, Ян Южак внимательно осмотрелся. По нему вела огонь зенитка с бронепоезда! Маневрируя в глубокой выемке, поезд оставался невидимым для наземных наблюдателей. Ян Южак стал кружиться над целью. Следившие за аэропланом артиллеристы поняли сигнал и сразу же открыли огонь по бронепоезду. Лётчик сопровождал цель до тех пор, пока вражеский бронепоезд, не устояв перед получасовым массивным огнём, покинул своё убежище и начал отходить на станцию «Симбирск-II», но, не добравшись до неё, бронепоезд остановился в районе моста через выемку (мост сохранился до настоящего времени и находится на границе улиц Локомотивной и Кирова).

В этот момент обороняемая белыми линия в Киндяковке шла от берега Волжки (ныне затопленная водами Куйбышевского водохранилища) к Винновской роще, затем поперёк большой Сызранской дороги (современный проспект Гая) и потом к берегу Свяги. Вся эта линия была укреплена артиллерией

и пулемётами, а в окопах засели офицеры и георгиевские кавалеры. Линия соприкосновения 2-го Симбирского полка и подразделений белых протянулась по границе от современных улиц Локомотивная – проспект Гая – Первомайская и до Беседки-памятника И.А. Гончарову (в 1918 году на её месте было имение Киндяковка), от улицы Локомотивной до р. Свяги его поддерживал 1-й Симбирский полк, а в районе берега Куйбышевского водохранилища – 3-й Витебский полк.

Начало общей атаки было назначено на 9 часов 30 минут утра.

Когда наступило это время, из Винновской рощи, укрытые за деревьями, ударили красные батареи. Это был сигнал к атаке. Окопы противника у ипподрома были разбиты прямой наводкой, пулемётные точки уничтожены. Артиллерия поработала славно и очистила путь для штурма.

1-й и 2-й Симбирские полки двинулись вперёд. 1-й Симбирский полк пошёл берегом Свяги в сторону слободы Туть. Михаил Великанов нацеливал батальоны своего полка на городской ипподром. Задерживаться на открытой и хорошо простреливаемой местности стало рискованно, и он приказал батальонам ускорить движение.

К ипподрому по дороге из города на подмогу своим спешили колонны белых. Медлить нельзя было ни минуты. Михаил Великанов повёл бойцов своего полка на штурм ипподрома. Тем временем 3-я батарея ударила шрапнелью по резервам белых и рассеяла их. Спротивление белогвардейцев у ипподрома было сломлено. Стоявший в железнодорожной выемке вражеский бронепоезд был забросан гранатами. Пыхтя, он поспешил уйти на железнодорожный мост через Волгу. К 11 часам 2-й Симбирский полк, миновав железнодорожную выемку, ворвался на окраину города, и завязался бой за госпитальные здания (находились в районе улицы Кирова недалеко от моста через

выемку железной дороги) и за Симбирский механический чугунолитейный завод купца В.И. Андреева (улица Кирова, 103). Противник, укрывшись за каменными стенами, оказывал стойкое сопротивление и только когда увидел, что окружён, решил сложить оружие.

Белые были физически и морально раздавлены. Серьёзного сопротивления они оказать уже не могли. Бойцы 1-го Симбирского полка быстро заняли железнодорожный вокзал и по Сызранской улице (улица 12 Сентября) двинулись в город. Затем повернули с Сызранской улицы направо и по улице Покровской (улица Льва Толстого) устремились к центру города, к бывшему кадетскому корпусу и на Новый Венец.

В это время красноармейцы 2-го Симбирского полка, выйдя к городской электрической станции (улица Минаева, 46), свернули тоже направо и по Театральной (улица Минаева) и Лисинной (улица Карла Либкнехта) улицам продвигались к Тихвинскому (спуск Степана Халтурина) и Петропавловскому (спуск Степана Разина) спускам к Волге. Во главе красноармейцев шли командир и комиссар полка.

Враг бежал, только на углу современных улиц Минаева и Гончарова группа белых попыталась задержать наступление красноармейцев, но понадобилось всего несколько минут, чтобы подавить их. Затем батальоны 2-го Симбирского полка, выполняя боевой приказ, двинулись в Подгорье.

К 12 часам дня красноармейцы 2-го Симбирского полка вышли к железнодорожному мосту через Волгу. Отсюда они открыли массированную стрельбу по лодкам, на которых белогвардейцы переправлялись на левый берег Волги. Вскоре подоспевшая 3-я батарея открыла огонь по бронепоезду белых, стоявшему на железнодорожном мосту. Симбирск был взят.

В бою за Симбирск 2-й полк отличился высокой боеспособностью. Красноармейцы показали образцы мужества и стойкости. Командир полка Михаил Великанов неоднократно применял смелый манёвр, чем ставил противника в безвыходное положение и принуждал его к отходу.

Из освобождённого города начдив Гая Дмитриевич Гай отправил телеграмму: «Из Симбирска. Всем, всем, всем. Симбирск под могучим ударом Железной дивизии пал. Дивизия вошла в город».

Дмитрий Семенов,

методист по эколого-краеведческому образованию ЦДТ № 6

Аэроплан Nieuport 24bis из состава 39-го Железного разведывательного авиационного отряда. 1919

Два брата – две судьбы

Большая
и дружная
семья Грошевых

В музее «Симбирская классическая гимназия» в зале, посвящённом выпускникам когда-то самого престижного в Симбирске учебного заведения для мальчиков, открылась мини-выставка «Два брата – две судьбы». Она появилась благодаря документам, поступившим в музей от родственницы братьев Грошевых, внучки их родной сестры Веры – Татьяны Валентиновны Офицеровой, проживающей в Ульяновске. Автор проекта выставки научный сотрудник музея Светлана Борисова считает: «Письма братьев не только расскажут, что значит жить вдали от родимой земли и испытывать тоску по ушедшей России, но и ещё раз дадут возможность почувствовать важность семейных ценностей, непреложность кровного родства, невидимой, но крепкой нитью связывающей души. И над этим родством не властно даже пространство и время!..»

Братья Константин и Нестор Грошевы ровно 100 лет назад, весной 1916 года, получили аттестаты зрелости из рук директора гимназии В.П. Андроникова. Это был юбилейный, 100-й выпуск гимназии. За плечами 44 юношей остался большой трудный период их жизни – восемь лет они «грызли гранит науки». У братьев Грошевых он ещё сопровождался и воспоминаниями о том, как непросто им

было поступить сюда. Дело было в том, что Константин на момент поступления в гимназию был старше 12 лет. Согласно существующим правилам таким детям полагалось отказывать. Поэтому в 1908 году их отцу стоило большого труда убедить директора Симбирской классической гимназии Некрасова принять обоих своих сыновей в учебное заведение. Он даже писал прошение на имя господина попечителя в кан-

целярию Казанского учебного округа, и в результате ситуация благополучно разрешилась. Мальчики, выросшие в большой и дружной семье сельского учителя из Белого Ключа Карсунского уезда Симбирской губернии, были зачислены в гимназию. Они были очень близки, понимали и любили друг друга. Из письма Нестора Грошева от 18 марта 1949 года: «Вспомнил, как мы с тобой приехали в Симбирск, как остановились

в номерах (я бы и сейчас нашёл этот дом, если б он существовал, но совершенно уже не помню улиц, это был угловой дом) и спали на полу, а на следующий день пошли на экзамен. Помню, как Папа давал последние наставления и вразумления... Помню, как ты был мне почти нянькой, а я за тобой был как за каменной стеной; я в душе всегда восхищался твоим мужеством, твоей находчивостью, практичностью, умением поговорить; ты был в этом отношении для меня недосягаем».

Нестор и Константин Грошевы – выпускники Симбирской гимназии 1916 года

После гимназии братья учились в Казанском университете: старший Константин Михайлович – на медицинском факультете, младший Нестор Михайлович – вероятно, на математическом, и не собирались расставаться. Но случилась революция 1917 года, и обстоятельства их жизни сложились так, что Нестору пришлось эмигрировать. В результате братья до конца своей жизни не видели больше друг друга.

Через какое-то время связь между Нестором и семьёй, оставшейся в Советской России, восстановилась. Он писал на родину письма и получал ответы. Некоторые письма Нестора брату Константину сохранились, и по ним можно приблизительно восстановить основные периоды его трудной жизни. Ответные письма Константина брату в Бельгию утрачены навсегда и, видимо, уже давно пошли на растопку фламандских печек.

Нестор, покинув Россию, оказался сначала в Финляндии «где всё так чисто», затем переехал в Бельгию, где и прожил большую часть своей жизни до своей смерти в 1982 году. Всё это время он испытывал острое чувство тоски по родным, по родине, по русскому языку. Это отчётливо явствует из его писем брату: «...Думаю всё время о тебе; раскладываю перед собой все твои фотографии, рассматриваю в лупу все твои черты, перечитываю все твои письма.

Вчера не мог заснуть до 3-х часов утра и перебирал в памяти всю нашу общую и мою теперешнюю жизнь...».

**Но горе одному, когда упадёт,
а другого нет,
который поднял бы его**

Так наставлял своих семерых детей сельский учитель из Белого Ключа Михаил Грошев. Как посмеивается в своих письмах сам над собой Нестор, уже умудрённый опытом жизни и часто вспоминающий ещё одно наставление отца: «Взявшийся за орало, не озирайся вспять...» – ему в эмиграции часто приходилось «браться за орало» и «озираться вспять». В Финляндии он грузил доски, работал батраком у крестьянина, но не опускал рук, и в возрасте 27 лет поступил в один из старейших европейских университетов – Лёвенский (Бельгия). Причём он был одним из лучших студентов. Во время учёбы стипендии хватало только на оплату съёмного жилья, а ведь нужно было ещё и отапливать его, покупать продукты, одежду, учебные пособия. Поэтому летом, когда стипендию не платили, ему приходилось наниматься на завод рабочим. Однако после получения диплома инженера дела пошли ещё хуже. Разразился экономический кризис 1929 года, найти работу эмигранту было практически невозможно. Нестор даже чуть было не поехал на работу в Конго, но побоялся малярии и отказался. Какое-то время работал на заводах Бельгии и Франции (Ситроен), постоянно опасаясь быть сокращённым вместе с другими эмигрантами. К тому же прибавлялись постоянные проблемы с бельгийской полицией из-за формальностей, непредусмотрительности с оформлением виз. Не правда ли, всё это напоминает современную жизнь эмигрантов в Европе? Из письма Н.М. Грошева от 19 марта 1949 года: «Пишу я, а сущности-то как будто и нет. А душу можно ль рассказать? Что я пережил, что я передумал за это время на бумаге трудно выразить... плохой я писатель.<...> В таких условиях работать приходилось что-нибудь, где-нибудь, как-нибудь лишь бы только существовать. Давал уроки, продавал бензин в гараже, был путешественником на выставке и т. д и т. д. и т.д.».

«Путеводительство» на выставке Нестора Михайловича не было случайным. Несмотря на бытовую неустроенность и финансовые трудности, он не утратил тяги к прекрасному, стремления познавать новое. В некоторых

посланиях Нестор Михайлович подробнейшим образом описывает для брата, находившегося в то время за «железным занавесом», Лувр, сокровища, которые в нём находятся, совершал с ним «эпистолярные прогулки» по Елисейским полям до Триумфальной арки и даже рисовал подробные схемы парижских уголков.

Восторги восторгами, но тоска по родным местам у Нестора Михайловича была огромная. До конца своих дней он не мог привыкнуть, как сейчас бы сказали, к европейскому менталитету. Дети бельгийские не шумят, их вообще не заметно, есть ли они вообще или нет. На улицах теснота страшная, всё скучно и закопчено. Печки долго не греют, всё время подкидывать угля в них надо, утром в комнате такая же температура, как на улице. Люди равнодушны, ни на что происходящее не реагируют. Оперные голоса, особенно мужские, уступают русским. Да и гостеприимством бельгийцы не отличаются. Из письма 22 марта 1949 года: «maximum на что ты можешь рассчитывать, это на чашку кофе, если в момент визита они сами пьют его; но обедать тебя уже не посадят... Помню, студентом ещё, гулял я один раз летом в поле и взалкал. Зайду, думаю, на ферму и выпью литр молока. Захожу, ферма фламандская... Разговор произошёл такой (девочка-подросток служила переводчицей): «Не можете ли мне продать литр молока, гуляя, мне захотелось пить и есть?» – «У нас нет молока». – «Как нет молока? Я вижу, у вас пасутся 30 коров перед фермой!». После продолжительных совещаний девочка сообщает мне, что мама не знает, почём сегодня в городе молоко. Так я и ушёл несолоно хлебавши».

О русской еде Нестор Михайлович вообще много тоскует. В письме к сестре Вере (от 8 ноября 1962 года) с удовольствием вспоминает русское застолье: «О чём я мечтаю часто, Вера, это о наших чисто русских яствах: например, всевозможных грибах – солёных, маринованных, сушёных (какие Мама вкусные пирожки жарила на сковороде с рублеными груздями или даже с рублеными огурцами! И супы с сушёными грибами!) Я часто облизываюсь, вспоминая эти вкусные вещи! Ах, вот ещё! Вобла! Хорошая копчёная вобла! Ох, с каким удовольствием поел бы я её. Есть ли она сейчас в продаже? Я уже даже не совсем точно представляю её вкус». И в письме от 30 марта 1977 года, вспоминая празднования русской Пасхи и Рождества: «Помнишь, зимой к Рождеству всегда коптились

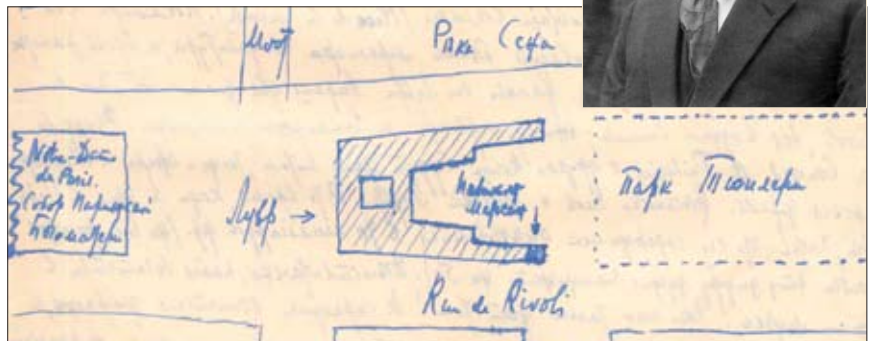
четыре окорока, запекались они в русской печи, и что же за вкус был!!! А здесь окорока не коптят, а просто варятся; так мне просто запах варёного окорока противен. Правда, в высокой части Бельгии (горы Арденны), там для продажи коптят, а только их не запекают, а едят просто сырыми. Вообще здесь едят обыкновенно мясо полусырым, а у меня душа не лежит к окровавленному мясу, и я никогда не хожу в их рестораны или уже спрашиваю мясо тушеное».

Единственная отрада в Бельгии, которая по размеру «меньше полнашей Симбирской губернии», это природа, лес, к тому же без комаров, в котором Нестор Михайлович любил отдыхать. Только запахов родных нет: «Я вот теперь не могу вспомнить запаха черёмухи или сирени (черёмухи здесь нет и сирень совершенно без запаха); не представляю этих запахов».

Его брат Константин (1895–1960) имел возможность наслаждаться запахом симбирской сирени, которая буйствует в нашем городе в конце мая – начале июня. Однако жизнь его также оказалась трудной. Он стал ветеринаром, выезжал на борьбу с эпидемиями на Кавказ. Как и младший брат, он не обзавёлся семьёй и умер в Ульяновске намного раньше Нестора (1897–1982).

Выставка «Два брата – две судьбы» будет работать до 15 июля 2016 года.

Лилия Янушевская

Открытка и рисунок, присланные Нестором Грошевым брату Константину

Константин Грошев в кругу семьи. Ульяновск. 1937

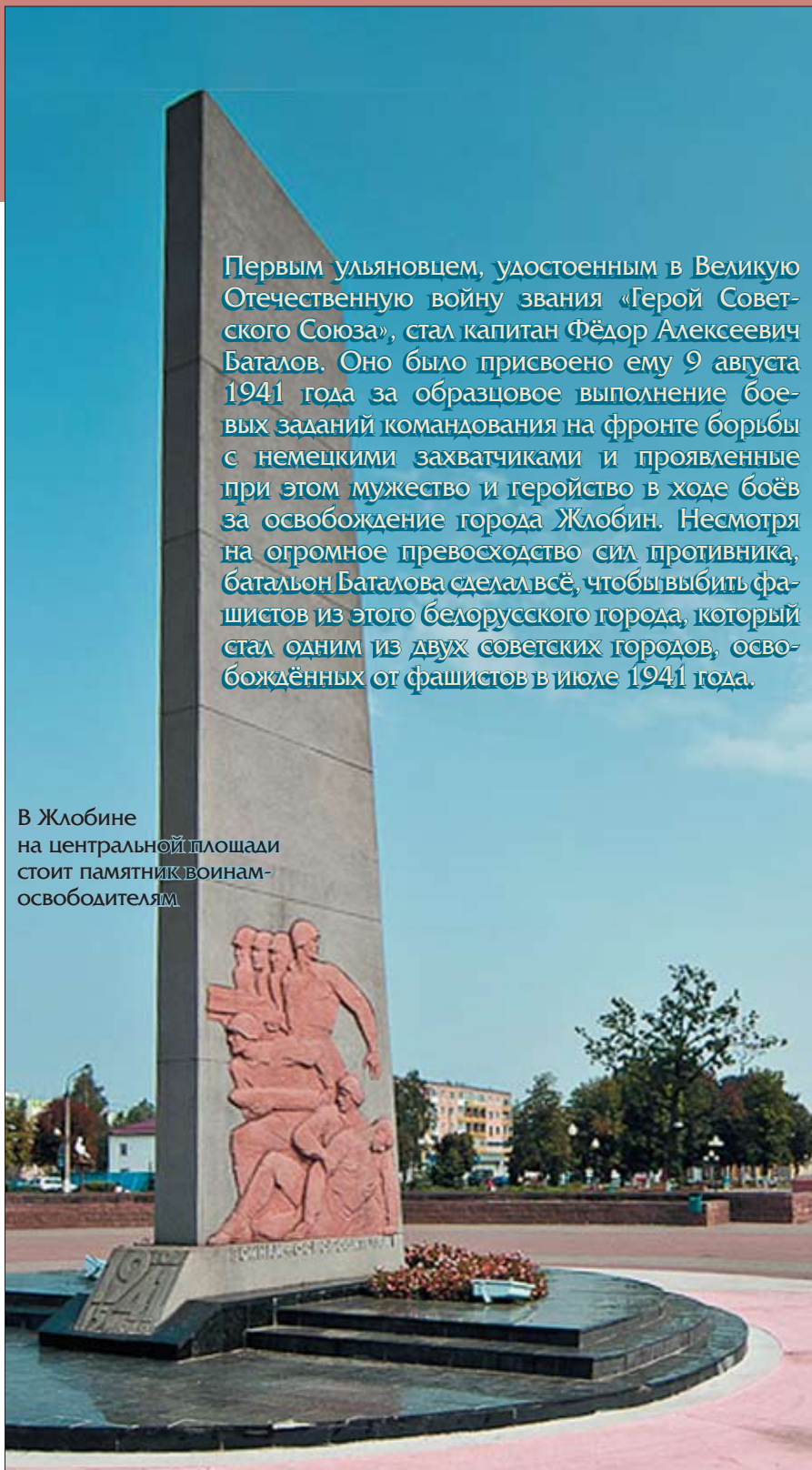
Золотая Звезда Фёдора Баталова

Ф.А. Баталов
(1900–17 августа 1941)

Первым ульяновцем, удостоенным в Великую Отечественную войну звания «Герой Советского Союза», стал капитан Фёдор Алексеевич Баталов. Оно было присвоено ему 9 августа 1941 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм в ходе боёв за освобождение города Жлобин. Несмотря на огромное превосходство сил противника, батальон Баталова сделал всё, чтобы выбить фашистов из этого белорусского города, который стал одним из двух советских городов, освобождённых от фашистов в июле 1941 года.

В Жлобине на центральной площади стоит памятник воинам-освободителям.

Вторая мировая война бушевала в Европе уже более полутора лет. Ветеран Финской кампании капитан Фёдор Баталов в начале июля 1940 года находился на лечении в госпитале и ждал решения медкомиссии. Наконец, ему вручили авторитетное заключение врачей – капитан Баталов к строевой службе годен. А затем последовало и предписание прибыть в распоряжение Приволжского военного округа.

Состав прибыл на станцию «Ульяновск-1» с одноэтажным кирпичным зданием вокзала. Горвоенком Умнов (здание военкомата было расположено на ул. Гончарова рядом с кинотеатром «Художественный») направил Баталова в управление 154-й дивизии к комбригу Я.С. Фоканову. Управление располагалось неподалёку – напротив Карамзинского сада в здании бывшей Симбирской гимназии. Там капитану был выдан ордер для проживания его семьи в военном городке по адресу ул. Робеспьера, 1. Замкомбрига по штатам ввёл вновь прибывшего в курс дела: из запасников, уже прошедших срочную службу, и участников военных действий в округе комплектуется 154-я дивизия 21-й армии, формируемой в Среднем Поволжье.

Узнать подробности о комбриге Фоканове для Баталова не составило труда – помогли сослуживцы по Карельскому перешейку, служившие в управлении дивизией. Яков Фоканов прошёл службу от простого солдата до генерала. В 1938 году был временно отстранён от командования, затем восстановлен, направлен в Приволжский округ в 1939 году. Здесь командовал полком, запасной бригадой и, наконец, был выдвинут на должность командира 154-й дивизии, которая в основном формировалась из резервистов Ульяновского округа.

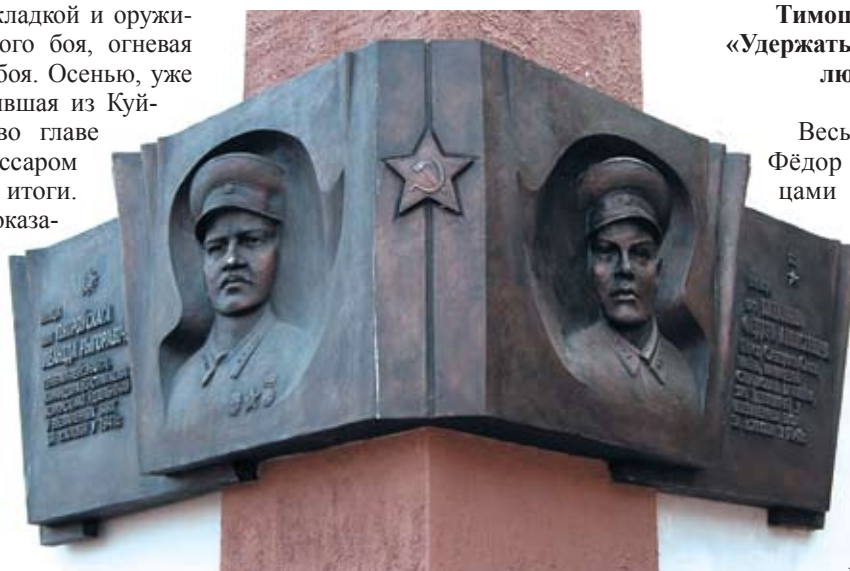
Фёдора Баталова назначили на должность командира 2-го батальона 437-го полка. Поволжье Фёдору Григорьевичу было знакомо. Он уже служил здесь ранее – и в Казани, его родном городе, и в Сызрани. Теперь судьба дала ему возможность формировать боеспособную часть в городе, где прославилась знаменитая 24-я Железная дивизия.

Ульяновцы, ветераны той Железной, стали именовать 154-ю младшей сестрой славной Железной дивизии. В военкомате орденосцу Баталову вручили награду за Финскую кампанию, помогли сколотить боеспособную часть. Соединение было многоязычным. Здесь были русские, марийцы, татары, чуваша, мордва и две роты немцев Поволжья. Многие ветераны боёв на Хасане, Халхинголе и в Финляндии имели правительственные награды, боевой опыт. Несмотря на это, отбор был жёсткий. В штабе дивизии Баталов познакомился с начальником штаба майором Вайнтраубом, капитаном Васильевым, батальонным комиссаром Коршуновым и майором Карамушко. Уже ранним утром простившись с семьёй в военном городке, Фёдор Алексеевич направлялся в штаб, где получал задание на день. На полигоне бронетанкового училища проводил с призванными резервистами учебные сборы, а затем его воинскую часть вместе с другими перевели в летние лагеря под Инзу. Программа занятий была напряжённой. Кроссы с полной боевой выкладкой и оружием, приёмы штыкового боя, огневая подготовка, тактика боя. Осенью, уже в Ульяновске, прибывшая из Куйбышева комиссия во главе с корпусным комиссаром Желтовым подвела итоги. Лучшие показатели оказались у 437-го полка и сапёрного батальона. В награду за это командиру второго стрелкового батальона Ф.А. Баталову доверили нести знамя в головной колонне на плацу. Это была заслуженная награда. На следующий 1941-й год второй стрелковый батальон на майских сборах подтвердил своё лидерство в полку.

Когда 154-я дивизия была сформирована и обучена, её командир получил приказ командующего округом:

принять участие в стратегических железнодорожных манёврах на территории особого Западного Белорусского округа. На политзанятиях бойцы дивизии обсуждали ход военных действий Германского Вермахта в Западной Европе. После Югославии немцы вторглись в Грецию, высадились на Крите. Их части вошли в Румынию и Финляндию. Ротные политруки нацеливали личный состав на повышение боевой подготовки, не называя потенциального противника, чтобы не давать повод для нарушения советско-германского договора о ненападении. 10 июня 1941 года поступила команда завершить подготовку к погрузке боевой техники. Уже 14 июня на вокзал прибыли семьи офицеров. Пришла и супруга Фёдора Алексеевича Баталова Мария Александровна вместе с их двумя дочерьми. Её чуткое женское сердце чувствовало – разлука будет долгой. Проводить ульяновцев пришли секретарь горкома партии Гребень и начальник военного отдела, много сделавшие для формирования новой воинской части. Прощальный марш соединения проходил по улице Гончарова. На Венце бойцы остановились у обелиска в память о погибших воинах Железной дивизии. По площади Ленина промаршировали мимо памятника великому земляку.

Эшелоны из Ульяновска прибыли на станцию Бахмач, а потом дивизию разместили в Батуринских лагерях.

Информационная доска на углу улиц, названных в честь Баталова и Петровского. Город Жлобин Гомельской области республики Беларусь

Переброска 21-й армии к западным границам проводилась наркомом обороны и начальником Генерального штаба под видом учений. Назначенный начальником Генерального штаба Г.К. Жуков сумел доказать Сталину, что имеющихся в наличии сил в Белорусском округе не хватает для возможного отражения агрессии концентрирующихся на границе германских вооружённых сил. Я.С. Фоканов получил от командующего Западным военным округом Д.К. Павлова указание прибыть на Днепровский рубеж в распоряжение 63-го корпуса от командования генерала Л.Г. Петровского.

Учения для 154-й дивизии завершились, но уже на следующий день на рассвете их разбудила сирена. Некоторые подумали, что это продолжение учений, но Фоканов, собрав командный состав, объявил: «В 4 часа утра германские самолёты совершили налёт на Конотоп и частям дивизии необходимо срочно погрузить всю военную технику в эшелон и отправиться по назначению к городу Гомелю в восточную Белоруссию».

Сводки Совинформбюро были противоречивы, но командованию стало известно о глубоком прорыве германских танковых частей на территорию Белоруссии, о том, что немцам удалось ворваться в Минск и они подходят к Березине, а их авангардные части уже устремились к Днепру к городам Бобруйску и Жлобину.

Тимошенко – Жукову: «Удержать днепровский рубеж любой ценой!»

Весь день 12 июля 1941 года Фёдор Баталов вместе с бойцами готовил плавередства для переправы на правый берег Днепра. Командующий корпусом Петровский дал команду 154-й дивизии форсировать реку и занять город Жлобин. В дело пошли взятые у рыбаков лодки, бойцы вязали плоты. Второй баталовский батальон был назначен головным отрядом. Инженерные службы чинили пролёты взорванного противником моста. В 8 утра, отгеснив передовое охранение гитлеровцев, части дивизии форсировали реку. Чувствовалось, что немцы не ожидали такого удара.

Однако вскоре они пришли в себя и открыли сильный артиллерийский огонь по переправе. Командир 437-го полка дал приказ Баталову закрепиться на правом берегу и провести разведку боем для выявления огневых точек фашистов. Командующий штабом подполковник Вайнтрауб, подозревая комбата, по карте сделал разграничения на секторы города Жлобин, откуда им предстояло выкуривать противника. В 10.00 начался серьёзный бой. Были потери, но главное было сделано. Артиллеристы и миномётчики засекли узлы сопротивления. Вайнтрауб, Баталов и Васильев, сосед волжанина, забравшись на чердак двухэтажной школы, хорошо видели ориентиры: депо, водопровод и водонапорную башню, здание депо – Жлобин был крупным железнодорожным центром. От пленных узнали – город защищает усиленный батальон. План операции был выработан сходу. Ударить по слабым флангам противника, в тыл его забросить взвод младшего лейтенанта Ерохина с четырьмя пулемётами и миномётом, чтобы он с тыла атаковал гитлеровцев. Нашёл проводник, ветеран железнодорожник, который обещал провести бойцов мимо немецких укреплений. В 15.00 командир второго батальона Баталов поднял цепь в атаку. Огонь с тыла засланных туда пулемётчиков дезорганизовал оборону гитлеровцев. Дом за домом бойцы Красной армии очищали улицы города от врагов. К вечеру боевая задача была выполнена: гитлеровцев оттеснили к зданию депо. Командный пункт разместили в подвале птицефабрики. Командир батальона был доволен. Его бойцы выдержали первый экзамен. Согласно воинским традициям, отдали последний долг погибшим – их, к счастью, было немного. Батальонный комиссар рассказывал об успехах соседей, о героизме и взаимовыручке бойцов. Пал смертью храбрых младший лейтенант Ерохин. Его заменил старшина, который тоже был тяжело ранен, но главную задачу они сумели выполнить.

Немцы нервничали – пускали ракеты. Баталову не спалось. Неожиданно птицефабрика подверглась артиллерийскому налёту. Стало ясно – это был прицельный огонь. Вскоре разведчикам удалось задержать местного жителя, который ракетами давал сигнал немецким артиллеристам, куда вести огонь по позициям советских бойцов. Обрадовало прибытие миномётной роты из-за Днепра и роты плавающих

танков. Прибывший с КП командир полка поздравил командиров и бойцов с первой победой, а также сообщил о взятии города Рогачёва. Перед дивизией и баталовцами была поставлена задача – выйти на рубеж восточнее села Новики. Туда прибудет со своим командным пунктом генерал Петровский. Главным снова станет второй батальон Баталова.

Генерал-лейтенант
Леонид Григорьевич Петровский
(1902–17 августа 1941)

14 июля 1941 года с утра в наступление двинулись наши лёгкие танки Т-38. Гитлеровцам удалось подбить пять наших машин. Батальон Баталова вынужден был залечь под яростным огнём противника. Начальник штаба Вайнтрауб, получив это известие, дал команду выдвинуть на позиции второго батальона несколько сорокопяток. Гитлеровцы перешли в контратаку. По команде командира второго батальона в ход пошли бутылки с зажигательной смесью – подожгли две машины противника. Наши артиллеристы подбили ещё четыре немецких танка. Гитлеровцы не успокоились. Пять мессершмитов пикировали на позиции ульяновцев, но зенитчики сумели подбить один самолёт, остальные не стали испытывать судьбу. По совету начальника штаба Баталов поджёг ржаное поле. Ветер погнал дым на немецкие позиции. Бойцы ринулись в атаку – дело завершилось штыковым боем. Оба депо были заняты. С утра 15-го июля командир 225-й немецкой пехотной дивизии дал команду полкам – уничтожить ударный русский полк во что бы то ни стало. Германские войска

под прикрытием танков стали окружать второй батальон Баталова, а затем последовал удар в лоб. Части Баталова сконцентрировали почти все наличные силы, находившиеся на подступах к городу. Вечером в штаб Фоканова поступило донесение: отбиты шесть атак гитлеровцев, попытки окружения пресечены. После двух штыковых атак гитлеровцы бежали с поля боя. Вайнтрауб прокомментировал на полях: «Этот бой способствовал очистить от неприятеля западную часть города».

Всесоюзное радио в сводке Совинформбюро передало: «На западном направлении наши войска вновь овладели Жлобиным и Рогачёвым. Через день в политотдел явился прибывший из Москвы спецкор «Правды» Пётр Крылов. Вскоре в «Правде» появилась небольшая заметка, начинавшаяся такими словами: «Рогачёв и Жлобин отбиты у врага. Над ними вновь развеивается красное знамя». А ещё через день все на передовой и в тылу читали статью «Бой за Жлобин»: «В городе восстанавливается порядок. Захвачено большое количество пленных. Не многие из них выходят живыми из боя. Солдатам становится понятно, что гитлеровские правители гонят их на смерть».

Потерпевшим поражение гитлеровцам перед своим командованием надо было найти оправдание. В четвёртом танковом корпусе гитлеровцев пошли разговоры о том, что против них действует отборный коммунистический сталинский батальон. Так по ту сторону фронта именовали бойцов 437-го полка, сформированного из ульяновцев.

В самом втором батальоне отдали последний долг павшим в боях. Фёдор Алексеевич составил список представленных к награждению. Против нескольких фамилий сделал пометку «представить к награде посмертно». Из Гомеля пришли женщины поздравить бойцов с победой и принесли нехитрую снедь – пироги.

«Дайте огонька для прикурки фрицам»

Вскоре комдив Фоканов поставил задачу перед отличившимся батальоном: овладеть к западу от города узловым пунктом – Заводный – и оборонять огневые позиции на высотах вокруг этого населённого пункта. Использовать танки для поддержки пехоты здесь было нельзя. Впереди была болотистая равнина, которую перерезали глубокие рвы. После артподготовки командир возглавил первый бросок.

Шквал огня встретил наступающих, но Фёдор Алексеевич успел с бойцами укрыться в канаве. Огонь усилился, но красноармейцы шаг за шагом подступали к окраинам Заводного. Потери были минимальные. Выручили паузы между залпами. В ходе штыкового боя ульяновцы овладели деревней. В очередном донесении начальнику штаба Вайнтраубу командир второго батальона записал: «Отбиты шесть немецких атак. Последняя атака была психическая. Гитлеровские солдаты пьяные лезли прямо на нас, но им был дан хороший урок».

Бой за узловой населённый пункт продолжался и на следующий день. Получив подкрепление, противник после утреннего артналёта потеснил наши части. В батальоне было немало убитых. Грохот боя приближался к командному пункту дивизии. В землянку, как вспоминал позднее Вайнтрауб, вбежал Баталов в плащ-палатке и с пистолетом в руке: «Нас выбили. Дайте мне 30 человек для усиления и немного огонька для прикурки фрицу. Я эту сволочь фашистскую сейчас же вышибу». По радию начштаба вызвал последний резерв – тыловой взвод. Через 45 минут по радию Баталов сообщил: «Заводный взят». Перечислил фамилии отличившихся. На КПП было передано донесение: «Высоты заняты. Оборонительная позиция сооружена».

...30 июля 1941 года командир корпуса Петровский дал команду 437-й дивизии, углубившейся на 30 км на запад от Жлобина в сторону Бобруйска: «Оборудовать жёсткую оборону. Наступление прекратить». Проверить добротность оборонительных сооружений к Баталову приехал сам командир корпуса и увиденным остался доволен. Всё было сделано на совесть. В газете «Правда» опубликовали Указ Президиума Верховного Совета о присуждении Леониду Григорьевичу Петровскому звания генерал-лейтенанта, а Якову Степановичу Фоканову – генерал-майора. Фёдор Алексеевич после ранения командира 437-го полка был назначен вместо него. В штабе корпуса в списке представленных к награждению одной из первых значилась фамилия Фёдора Баталова.

10 августа 1941 года на первой странице «Правды» была напечатана статья «Военное искусство, помноженное на храбрость», в которой перечислялись командиры и воинские части, отличившиеся в боях на днепровском рубеже, отмеченные главным командованием. В этом же номере на этой же странице

был опубликован и Указ Президиума Верховного Совета о присуждении звания Героя Советского Союза трём отличившимся командирам: «За образцовое выполнение боевых заданий командованием на фронте борьбы с германским фашизмом». Первым в списке значилась фамилия Ф. Баталова. Справа от передовой статьи были размещены три портрета героев, и снова первым был наш земляк. В следующем номере последовало продолжение. На второй странице в рубрике «Герои Советского Союза» была опубликована небольшая биографическая справка, перечислявшая воинские доблести нашего земляка.

Яков Степанович Фоканов (1899–1985) с женой Ниной Алексеевной

...Фёдор Алексеевич ходил именинником. Все его поздравляли, но из штаба ему сообщили, что Золотую Звезду и орден Ленина ему вручат несколько позже в торжественной обстановке. И ещё был один повод для радости у новоиспечённого командира полка и его подчинённых: на позиции было подкрепление – земляки из инзенского полка, которые привезли весточки, подарки и письма из Ульяновска и братский привет от партийного руководства предприятий. Оказалось, что неподалёку от корпуса Петровского героически сражалась 24-я Железная дивизия под командованием генерала К.Н. Галицкого.

30 августа командующий группы «Центр» фон Бок дал приказ перейти к обороне. Смоленск был взят, но дальше путь к Москве ему преградили. Командующий подписал приказ перебросить к восьми действующим против корпуса Петровского дивизий ещё несколько воинских частей, чтобы уничтожить советский плацдарм на правом берегу Днепра.

Прикрывать отход перед натиском армады гитлеровских войск, рвавшихся к Днепру, снова поручили полку Фёдора Баталова. Немцам удалось окружить КП Петровского, но он сумел организовать прорыв и соединиться с основными отходящими за Днепр полками ульяновской дивизии. Кольцо гитлеровцев сомкнулось вокруг арьергарда, оборонявшего подступы к мостам у города Жлобина. Петровский велел продолжать отход двум уцелевшим в последних боях полкам, а сам с подвижной группой решил пойти на выручку тем, кто остался оборонять переправу. Гитлеровцы продолжали насаждать. Известий от Петровского больше не поступало. 17 августа 1941 года у деревни Скепня Петровский вместе с ударной группой пытался прорваться из нового окружения и сам пошёл в передовой цепи. Он был ранен в руку, а затем пуля снайпера ударила ему в грудь. Среди бойцов прошёл слух о том, что Петровский тяжело ранен. Осмотрели все 150 подвод, вывозивших раненых с места боя, но генерала там не обнаружили. В 1943 году жители освобождённого города Жлобина указали место, где был предан земле прах отважного командира корпуса Петровского. Оказалось, гитлеровцы, чтя мужество своего противника, захоронили его с воинскими почестями и поставили крест на могиле. Эксгумация подтвердила, что именно здесь захоронено тело генерала.

Известий о судьбе Фёдора Баталова долгое время в штабе не было. Как сообщили позднее попавшие в плен бойцы 437-го полка, Фёдор Баталов был убит где-то неподалёку от места гибели Л.Г. Петровского. Могила Баталова до сих пор так и не обнаружена.

В Жлобине после войны был установлен памятник ульяновцам, отдавшим жизни в боях за первый освобождённый в 1941 году советский город. Следующего освобождения ему пришлось ждать почти два с половиной года. Одна из улиц была названа в честь Героя Советского Союза Фёдора Баталова.

Владимир Радаев

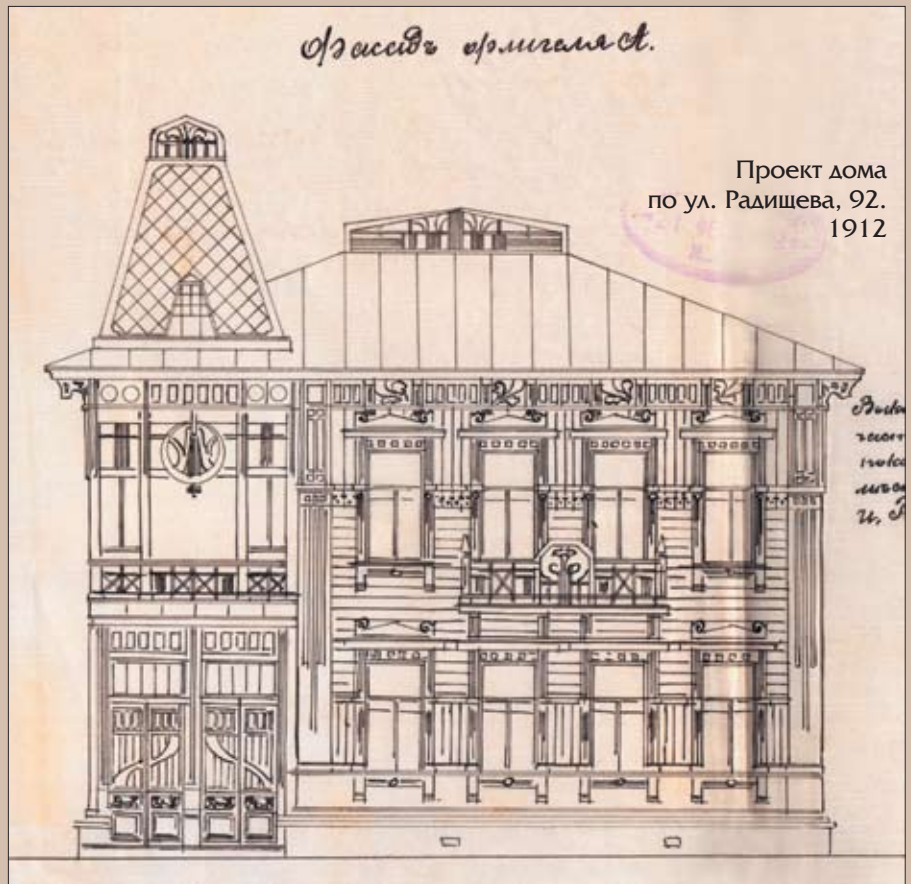

Пётр Иовлевич Курочкин.

Симбирский архитектор Пётр Курочкин

Наряду с красивейшими каменными зданиями, возведёнными в Симбирске в конце XIX – начале XX века – в период господства модерна в русской архитектуре, наш город украшают оригинальные, изяшные деревянные здания, выполненные в этом стиле, автором которых является симбирский архитектор Пётр Курочкин, чьё имя достойно быть в одном ряду с именами выдающихся архитекторов: Августа Шодэ, Фёдора Ливчака, Феофана Вольсова.

Из фондов ГАУО

Пётр Иовлевич Курочкин родился 8 (21) января 1878 года в деревне Ереловское Вятской волости Даниловского уезда Ярославской губернии в крестьянской семье отставного солдата Иова Петровича Курочкина, неграмотного «портного одиночки». У Иова Петровича и Марфы Алексеевны Курочкиных было четверо детей: три сына и дочь. Пётр был младшим из сыновей.

Обучившись грамоте в церковно-приходской школе, в четырнадцатилетнем возрасте Пётр отправился на заработки в Петербург, где в течение последующих двенадцати лет трудился печником и каменщиком на стройках. Дело в том, что ярославские крестьяне испокон веков занимались

строительным отходническим промыслом. Так называемое отходничество – это временная, сезонная работа крестьян, когда они уходили из родных мест на заработки в другие города. В Ярославском крае этот промысел сложился давно. Ещё в начале XVIII века село Вятское Ярославской губернии поставляло каменщиков и штукатуров для «обустройства» новой столицы – Петербурга. Ярославские крестьяне участвовали в строительстве Михайловского замка и Казанского собора, в отделке дворцов и немецких домов в Петербурге, Павловске.

В 1903 году, в возрасте двадцати пяти лет, Пётр Курочкин поступил в Петербургскую школу десятников по строительному делу Император-

ского Русского технического общества, по специальности «строительно-дорожное дело». В то время это было единственное учебное заведение в России, обучавшее специалистов среднего и низшего звена в строительном деле. В школу десятников принимались строительные рабочие, имеющие опыт работы по специальности не менее четырёх лет, с уровнем начального образования: умением читать, писать, решать простейшие арифметические задачи. Курс обучения составлял два года, в программу обучения включались дисциплины: Закон Божий, русская грамота, история, география, арифметика, геометрия, строительные материалы, архитектура зданий, печное дело, основы железных и проезжих

дорог, землемерие, сопротивление материалов, черчение, рисование, моделировка и чистописание.

По окончании школы десятников в 1904 году Пётр Курочкин был направлен в Калугу. Его первой самостоятельной работой, как специалиста-десятника, стало строительство каменного двухэтажного здания хирургической лечебницы знаменитой Хлюстинской больницы. А уже на следующий год, 10 апреля 1905 года, Пётр Иовлевич Курочкин был принят на работу в Симбирскую городскую управу на должность десятника.

За год до этого, 20 марта 1904 года, в Симбирской городской думе был представлен доклад Симбирской городской управы «О приглашении учёных десятников для наблюдения за производством строительных работ», в котором сообщалось следующее: «Практика показала, что лица, приглашаемые на должности надзирателей за городскими работами, не имея никакой научной подготовки в строительном искусстве, не удовлетворяют своему назначению, почему наблюдаются недостатки в сооружениях и излишняя переплата городских средств за материалы и рабочих людей... поэтому и ввиду пользы дела Симбирскому городскому управлению необходимо иметь двух постоянных десятников из окончивших курс средних технических училищ – одного для наблюдений за сооружением городских зданий и ремонта их, – другого для дорожных сооружений».

После чего по приглашению Симбирской городской управы и по направлению Петербургской школы десятников в нашем городе начали свою трудовую деятельность десятники, впоследствии архитекторы красивейших симбирских деревянных зданий Пётр Иовлевич Курочкин и Константин Арсеньевич Осипов, зачисленный на должность в управу годом раньше.

В 1906 году на должность главного симбирского архитектора был назначен Фёдор Осипович Ливчак, под руководством которого Пётр Иовлевич работал в городской управе в качестве «ответственного десятника». В 1910 году Ф.О. Ливчак перешёл на работу в губернское земство, а должность главного архитектора Симбирска занял прибывший из Царицына Феофан Евтихиевич Вольсов. С этого времени Пётр Иовлевич Курочкин становится фактически помощником городского архитектора. Вместе Вольсов и Курочкин проработали более двадцати лет и были дружны все эти непростые годы. Во многом

Пётр Иовлевич с супругой Екатериной Асафьевной, детьми Лидией и Михаилом и отцом Екатерины Асафьевны.
Предположительно 1906 год

Из семейного архива
Н.А. Григорьевой

благодаря Феофану Вольсову, который предоставил творческую свободу своему помощнику, проявился и в полной мере раскрылся архитектурный талант Петра Курочкина.

В большинстве своём архитектура Симбирска эпохи модерна – творение зодчих «петербургской школы». Симбирские архитекторы Фёдор Ливчак, Феофан Вольсов, Пётр Курочкин и Константин Осипов получили образование в Петербурге: Ливчак и Вольсов – в Институте гражданских инженеров Императора Николая I, а Курочкин и Осипов – в школе десятников. Примечательно, что будущие коллеги и сослуживцы, одного возраста, они в одно и то же время жили и учились в столице, окончив учебные заведения в 1904 году. Из чего можно предположить, что Ливчак, Вольсов, Курочкин и Осипов были знакомы друг другу ещё по Петербургу.

За время работы в Симбирской городской управе в должности десятника Пётр Иовлевич Курочкин принимал участие в строительстве многих городских зданий и сооружений, среди которых Воскресенская церковь и дом причта на городском кладбище (ныне ул. Карла Маркса, 54), каменное двухэтажное здание городского училища (ныне ул. Красноармейская, 53), полковые казармы, госпитали и войсковые бараки, здания электростанции (ныне ул. Минаева, 46/3) и нового водопровода.

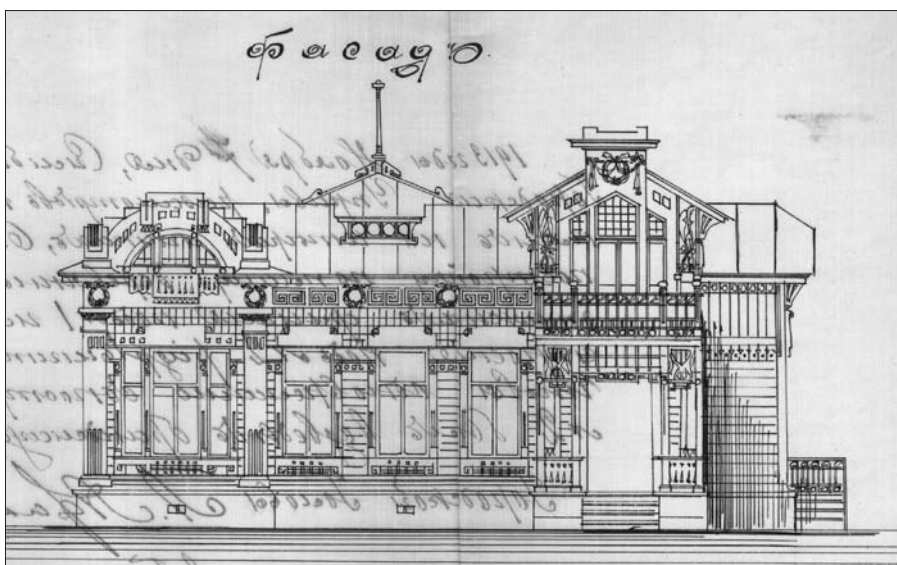
Гораздо позднее, в 1921 году Феофан Вольсов писал о Петре Иовлевиче: «Могу засвидетельствовать, что за всё

время совместной работы в продолжение 11 лет я видел в нём незаменимого помощника и редкого исполнителя технических предначертаний. Товарищ Курочкин по своим теоретическим знаниям и громадному практическому опыту является, могу сказать совершенно уверенно, единственным техником в г. Симбирске. Его знание Урочного Положения ставит его в ряды лучших сметчиков в России. Его преданность своей профессии и безукоризненная честность заслуживают всяческого поощрения...».

Строитель-профессионал, Пётр Курочкин обладал талантом художника и архитектора, чему свидетельство – около тридцати проектов П.И. Курочкина городских зданий и сооружений в стиле модерн: усадебных домов с флигелями и службами, дачных домов, торговых лавочек, беседок, построенных под его руководством в период с 1910-го по 1915 год.

Архитектурная деятельность Петра Иовлевича Курочкина закончилась с наступлением революционного времени. С установлением в Симбирске новой советской власти осенью 1918 года в городе начались аресты. В дом к Курочкиным пришли с обыском, в ходе которого был обнаружен план города Симбирска, что послужило поводом для обвинения Петра Курочкина в шпионаже и пособничестве белым. Скорее всего, Пётр Иовлевич был арестован, а впоследствии и освобождён, одновременно с Феофаном Евтихиевичем Вольсовым, который содержался

Проект дома
на ул. Пролетарской, 29.
1913

Дом на ул. Крымова, 55.
2015

под стражей по обвинению в антисоветской деятельности с 15 по 19 октября 1918 года и окончательно был реабилитирован 10 августа 1919 года в связи с прекращением дела. По сведению внучки Петра Иовлевича – Натальи Александровны Григорьевой, в семье Курочкиных с глубокой благодарностью чтут память о «красном» командире Сапожникове за спасение Петра Иовлевича и его семьи от репрессий. В прошлом учитель, красноармеец Сапожников квартировал в доме Курочкиных и был дружен с их семьёй. Именно он способствовал освобождению и реабилитации П.И. Курочкина.

В первые годы советской власти новое строительство в Симбирске почти не велось. П.И. Курочкин работал на ответственной должности, техником Горкоммунотдела. Пётр Иовлевич возглавлял работы по сооружению городской канализации, по укреплению оврага реки Симбирки, разрабатывал проекты и рабочие чертежи, составлял сметы, со всей полнотой ответственности руководил строительными работами, входил в состав комиссий по осмотру зданий и земельных участков, по приёмке ремонтно-строительных работ на объектах.

Отдушиной в эти годы для Петра Иовлевича стало преподавание. В сорок один год он поступил на открывшиеся в 1919 году в Симбирске политехнические курсы, готовящие техникумов и десятников гражданского и дорожного строительства, по окончании которых и в течение последующих двадцати лет, и даже будучи уже пенсионером, П.И. Курочкин преподавал в строительном техникуме. Преподавал он в техникуме вместе с Вольсовым: Феофан

Евтихievич – архитектурное проектирование, а Пётр Иовлевич – сметы и отчётность, строительное законодательство, экономику жилищного строительства. П.И. Курочкин был уважаем коллегами, любим студентами, которые были частыми гостями в доме Курочкиных – Пётр Иовлевич помогал отстающим и нуждающимся, принимал дома «долги» и «хвосты».

Помимо студентов, в небольшом, но многолюдном, гостеприимном доме Курочкиных часто собирались семьями друзья, среди которых и знаменитый врач-офтальмолог Григорий Иванович Суров. А жили Курочкины своим многочисленным семейством – с детьми и внуками – на окраине города, на улице Красной (бывшая ул. Жандармская, в настоящее время улица снесена, это район лица № 40), в обыкновенном деревянном доме, в три окна на улицу, купленном ещё по приезду в Симбирск.

В далёком 1905 году Пётр Курочкин прибыл в Симбирск уже семейным человеком: с супругой Екатериной и сыном Михаилом. Екатерина Асафьевна тоже была родом из Ярославской губернии, из зажиточной крестьянской семьи. Она с большим трудом примирилась с переездом из столицы в провинцию, сетовала мужу на упущенные возможности счастливой столичной жизни в достатке. В семье Курочкиных было четверо детей: сыновья – Михаил и Евгений и дочери – Лидия и Зинаида. Пётр Иовлевич и Екатерина Асафьевна Курочкины прожили вместе сорок лет.

Пётр Иовлевич Курочкин скончался 29 мая 1944 года, в возрасте 66 лет. Он умер во сне. Похоронен на городском кладбище на улице Карла Маркса. Сохранилась могила Петра Иовлевича

Курочкина, неподалёку от Воскресенской церкви, в строительстве которой он принимал участие.

Пётр Курочкин прожил наполненную творчеством, плодотворную жизнь. Построенные по его проектам здания в стиле модерн сформировали неповторимый архитектурный облик Симбирска и являются украшением нашего города. Среди них дом супруги коллежского асессора А.С. Ястребовой на улице Ленина, 108; дом преподавателя Симбирской духовной семинарии Н.И. Баженова на улице Пролетарской, 29; дом, в котором жил филолог, писатель П.С. Бейсов, на улице Радищева, 92; соседствующие двухэтажные здания на улице Крымова 53 и 55; предположительно, комплекс церкви во имя иконы Божией Матери «Неопалимая Купина»; дома на улицах Корюкина, Красногвардейской, Орлова, Свободы, Шевченко. Большинство этих зданий охраняются государством как объекты культурного наследия. Архитектурное творчество Петра Иовлевича Курочкина достойно дальнейшего изучения и сохранения.

Автор выражает благодарность Наталье Александровне Григорьевой – внучке Петра Иовлевича Курочкина, которая бережно хранит память о нём и поделилась своими воспоминаниями; специалисту Государственного архива Ульяновской области Антону Юрьевичу Шабалкину, директору архитектурной мастерской «Симбирскпроект» Александру Михайловичу Капитонову за поддержку и сотрудничество.

Екатерина Куликова,
научный сотрудник
ООО «Симбирск-Рем-Сервис»

Основная героиня

Л.А. Ямщикова.
1916

Д.П. Речной. Начало 1900-х

Ульяновск. Октябрь 1926 года. Труппа городского драматического театра давно сформирована, идут репетиции, запаздывают только главные герои – он и она, обозначенные в рекламном листке театрального сезона как «герой, герой-резонёр» и «основная героиня» – Дмитрий Павлович Речной (1884–1971) и Людмила Андреевна Ямщикова (1893–1978).

Эта «героическая» супружеская пара, ранее работавшая с главным режиссёром Ульяновского театра Вадимом Валериановичем Образцовым, была приглашена им продолжить совместную работу на новом месте в прежних сценических амплуа.

Если в оперном искусстве амплуа артиста до сих пор находится в прямой зависимости от типа голоса, иначе героини не были бы подчас столь тучны, то современная драма свободна и универсальна, хотя и не отменила наличие соответствующих внешних данных при распределении ролей. Старый добрый театр отличался строгостью в соблюде-

нии своих правил, и ульяновская героиня соответствовала его требованиям. Ямщикова обладала статью, была высока, стройна, симпатична, к тому же начитанна и умна. Она уже десять лет «служила» героиней, исполняя ведущие роли классического репертуара, и занималась литературной работой под псевдонимом Арт. Феличе. Думаю, редкая востребованная актриса сочиняет исторические романы о древнем Египте или французской революции. Обычно актёры начинают писать в определённом возрасте и при сложившихся обстоятельствах. Наша героиня, оставив театральную сцену, тоже напишет

автобиографическую повесть «Актриса». Конечно, это не бестселлеры Ф.Г. Раневской, которая, кстати, встретила Людмилу Андреевну в театре Ростова-на-Дону в 1918-м, и тем не менее «Актриса» – это прекрасный материал по истории театра первой половины XX века со множеством имён и судеб, рассказ о себе с интересными воспоминаниями и об ульяновском сезоне 1926–1927 годов. Но лучше по порядку...

Она родилась в Петербурге 19 ноября 1893 года. Отца не помнила. Её мать Маргарита Владимировна Ямщикова (1872–1959), автор историко-биографических книг для юношества

о Микеланджело, Данте, Шиллере, Бетховене, Надсоне, Андерсене, Лермонтове, Брюллове, писавшая под мужским псевдонимом Ал. Алгаев, ушла от супруга с шестимесячной Людмилой, «убедившись в глубокой ошибке своего брака». Вспоминая этот период, она писала: «Разойдясь с мужем, я боялась, что он украдёт у меня дочь, и поэтому никогда не оставляла её с прислугой. Уходить по делам надо было довольно часто, и я таскала её с собой по редакциям. Иногда мне приходилось пробыть где-нибудь до позднего вечера, и тогда я приводила ребёнка в «Игрушечку» и оставляла на попечение Александры Николаевны». Частыми посетителями Александры Николаевны Толиверовой, руководившей журналом, были Полонский, Мамин-Сибиряк, Щепкина-Куперник, Верещагин, на которых маленькая девочка смотрела как на добрых дядей и тётей, предпочитая играть с детьми Толиверовой – с Толей, больше с Верой, откуда и псевдоним издательницы.

В шесть лет Людмилу отдали в закрытое Демидовское училище коммерческого направления, туда можно было устроить ребёнка и без отцовского разрешения, потом учёба в гимназии Шаффе, успешное её окончание в 1911 году и поступление на естественный факультет Бестужевских курсов. Поступила без посторонней помощи, несмотря на то, что одной из учредительниц первого высшего учебного заведения для женщин в России была её родственница Анна Павловна Философова.

Обучение точным наукам длилось недолго. Девушку манил театр, и интерес к нему был наследственным. Дед Людмилы – Владимир Дмитриевич Рокотов (1837–1900), титулярный советник, предводитель Великолукского уездного дворянства, крупный псковский землевладелец – оставил прежнюю жизнь ради любви к театру. В начале, когда был богат, редактировал газету «Киевский вестник», открыл общедоступную библиотеку, содержал антрепризы в Киеве, Новочеркаске. В былые времена у него на дому выступал оперный тенор Ф.П. Комиссаржевский, отец знаменитой актрисы, собирались художники, артисты, проживала с семейством Анна Петровна Маркова-Виноградская, больше известная под фамилией Керн. Потом, постоянно нуждаясь в деньгах, он немного писал для журналов, режиссировал в любительских труппах, служил актёром и закончил карьеру в Александринском театре на ролях второго плана.

Бывшая бестужевка решила показать сразу в три школы – в Императорскую при Александринском театре – в класс Ю.М. Юрьева, Суворинскую – в класс М.Г. Савиной и в Школу сценического искусства А.П. Петровского. «А подготовки никакой! – вспоминает она. – Помнилось что-то с детства, когда, прицепив в виде шлейфа материнский плащ, разыгрывались в одиночестве невероятные трагедии. Некая прекрасная королева, например, тайно любит рыцаря. Но рыцарь, вместе со всеми, считает её злой и коварной. Он с презрением проходит мимо неё, умирающей за него же, или за «великое правое дело»... «Жанна Д’Арк», «Леди Макбет» – также излюбленные темы гимназистки с первых до последних классов. Кроме материнского плаща, «спектаклю в одиночестве» помогал целлулоидовый разрезательный нож – великолепный кинжал, меч, разящий Олоферна, или оружие Жанны Д’Арк. Вельма удобными партнёрами оказывались три гипсовых бюста. Первый – «Гермес» Праксителя на роли героев,

с могучими плечами, на них так хорошо было положить руки или голову в любой патетической сцене. Второй – «Антиной» (без плеч), друг, брат, вообще – доброжелательный «резонёр». И, наконец, ехидный злодей – «Вольтер» Гудона. Женщины «воображались» или заменялись косяками дверей и углами шкафов».

Людмила прошла творческий конкурс везде, куда пробовалась, учиться мастерству решила у А.Н. Петровского и примкнувшей к нему позже М.Г. Савиной. В программе обучения сильнейшей сценической школы Петербурга было записано: «Школа сценического искусства ставит своей задачей дать основательное и возможно полное специальное образования лицам, посвящающим себя на службу театру, и воспитать в них работоспособных и здоровых художников сцены. Руководители считают своим первым долгом всесторонне и глубоко совестливо ознакомиться со способностями каждого из учащихся, чтобы иметь нравственное право – одних вовремя удержать

Людмила Ямщикова. Санкт-Петербург. 1900

от бесплодных стремлений по неверно избранному пути, других же окрылить и поддержать в их истинном призвании и затем по мере возможности облегчить им первые шаги служения родному Театру».

Обучение в театральных школах интересно во все времена, это особые предметы, увлекательные уроки мастерства, встречи с выдающимися артистами, участие в массовых сценах больших театров. Потом на смену беззаботному дружескому студенчеству приходит менее восторженная реальность. Причём хочется заметить, что в начале XX века честолюбивым актрисам с амплуа «основной героини» было особенно тяжело, т. к. наряды своих героинь они готовили сами. Правда, в некоторых театрах «оплачивали амортизацию за использование в спектаклях собственного гардероба актёров».

После окончания школы Петровского Людмилу пригласили работать в Харьков. Первая профессиональная труппа во главе со знаменитым тогда Н.И. Синельниковым встретила молодую героиню весьма доброжелательно. Она работает над «Антигоной» Софокла, играет королеву-мать в «Гамлете» и Эсфирь в «Уриэле» с Блюменталь-Тамариным.

С тонкой иронией описывает Людмила Андреевна свои первые театральные шаги на профессиональной сцене: «Итак, молодая актриса играла королеву в «Гамлете» и никого не восхитила своим исполнением роли, хотя пробовала восхитить. В один прекрасный вечер она пустила в ход такой «вольтаж», что в предсмертных муках последнего акта завопила на весь театр. Андрей Павлович укорил за такой «экспромт». С тех пор опыт «чрезмерных переживаний» на сцене остался её темным пятном, неизменно вызывающим краску на лице». Когда в Ульяновске представляли «Неизвестную» А. Биссос новой героиней сезона, зрители, видевшие эту известную пьесу, с недоумением ожидали обозначенного в авторских ремарках «крика», но героиня терпела до последнего акта, и когда позволила себе этот эмоциональный всплеск, то зал рукоплескал. В ульяновской газете «Пролетарский путь» незамедлительно появилась рецензия: «Вытащили откуда-то старую, как мир, заплесневелую и заигранную когда-то до бесчувствия на подмостках провинциальных театров пьесу, не стряхнули с неё даже «пыль веков» и втиснули в общую колоду нашего незатейливого репертуара... И всё-таки, когда посмотришь

эту пьесу и сравнишь её простой естественный язык, её отвечающий содержанию ритм и постановку, без попыток «мудрствовать лукаво», с постановками, часто претендующими на «столичность», изобилующими неубедительными условностями и чуждым ещё массовому зрителю конструктивизмом,

Людмила Ямщикова во время учёбы.
1912

то это сравнение бывает нередко не в пользу последних... Этим, конечно, мы не говорим о каких-либо достоинствах рецензируемой пьесы. Но то что она дошла до зрителя, объяснить можно, во-первых, ясностью и «экстра»-сочностью сюжета и, во-вторых, прекрасным исполнением... Ни одна из ролей не удалась Ямщиковой так хорошо, как роль Жакелины. С громадным темпераментом, тонко оттеняя душевную борьбу жены, любовницы, матери и преступницы, она вложила в исполнение большой запас своих творческих способностей, буквально приковав к себе внимание зрителя...». После этого спектакля «основную героиню» стали именовать «любимицей Ульяновска».

Уже в первые годы для участия в бенефисах её приглашают Леонтович, Рощина-Инсарова, Сумбатов-Южин. Она выступает в Тифлисе, Владикавказе, Баку. Хорошие роли, знаменитые партнёры и даже преподавание мастерства для начинающих во втором Харьковском сезоне. Один из учеников Людмилы, будущий режиссёр, станет постановщиком «Крупенички» – пьесы, которую она напишет для детского театра.

В 1916 году произойдет ещё одно важное событие в жизни «героини». Она выйдет замуж за Константина Дмитриева. Они встретятся на Псковщине в усадьбе Лог Гдовского уезда, куда, начиная с 1895 года, Ямщиковы выезжали почти каждое лето. Костя был последним владельцем богатого соседнего имения Пестка. Его отец известный врач С.Ф. Дмитриев принимал участие в лечении наследника русского престола царевича Алексея. Жизнь молодожёнов не могла быть безоблачной и гладкой, ибо они часто и подолгу находились вдали друг от друга. У актрисы случались увлечения, а с 1925-го по 1939 год в её жизнь вошёл артист Д.П. Речной, хотя Костя оставался первой и последней любовью Людмилы Андреевны. Встретившись перед самой войной, они были счастливы, как тогда, на Псковщине. Но это опять длилось недолго. Будучи в запасе, Константин Дмитриев примкнул к добровольческой группе казаков цирка Туганова и погиб под Москвой в 1941 году, когда его эскадрон направили против фашистских танков. После его смерти Людмила Андреевна Ямщикова-Дмитриева завела дневник, сохранились 23 «амбарные» книги, где каждая запись стала своеобразным разговором с погибшим мужем.

После Харькова, Ростова-на-Дону было несколько сезонов в московских театрах Корша и Паскар, гастрольные поездки в коллективе Малого театра, потом опять Курск, Иваново-Вознесенск и, наконец, Ульяновск...

Да, это был всего один сезон, который Людмила Андреевна запечатлела в своих воспоминаниях «Актриса», и множество прекрасных ролей – Лукреция Борджиа в одноимённой пьесе и Мария Тюдор в «Кровавой королеве» Гюго, Леди Мильфорд в «Коварстве и любви» Шиллера, крепостная Катерина в «Праве первой ночи» Шевченко, Тереза Ракен в «Мести» Золя, причём в этом спектакле она выступала и как режиссёр-постановщик. В Ульяновском театре ставили Шекспира, Дюма и Джека Лондона, Грибоедова, Гоголя, Мережковского, Толстого, Тургенева, Эрдмана и Сабурова.

Репетиционный период театра двадцатых годов был предельно сжат, каждые две недели в репертуаре появлялись новые пьесы. Огромная роль в те времена отводилась суфлёрам, в воспоминаниях «основной героини» сказано много тёплых слов о них, о костюмерах и других театральных служащих.

«Но кто стяжал самую широкую славу в Ульяновске, это – Речной, – пишет Людмила Андреевна. – Однажды улицы города запестрели огромными анонсами:

«Кино-театр «Красная звезда».
Смотрите все!
Сегодня в картине
«МАТЬ»
 Участвует артист Ульяновского
 Большого театра
 Д.П. Речной».

Даже Горький не всегда упоминался в рекламных объявлениях. С такой «славой», конечно, никто не мог подумать соревноваться в ульяновской труппе!»

Фотогеничное лицо Речного (сценический псевдоним Дмитрия Павловича Христофорова), его «типаж» приглянулись создателям фильма, и он успешно снялся в роли жандармского полковника. Сама героиня избегала кинематограф. Новое искусство, короткие сцены, крупные планы смущали Ямщикову в молодости, а в старости уже не приглашали сниматься, но по этому поводу она никогда не расстраивалась, ведь в её жизни в полной мере присутствовало «старое искусство» – литература.

В 18 лет состоялась её первая самостоятельная публикация под псевдонимом Арт.Феличе. Это имя Овода в одноимённом романе Э. Войнич, так потрясшем умы молодых людей начала XX века. Поэма называлась «Свет вечерний» и была о романтической любви юных Иллиса и Оттео, принадлежавших к разным враждующим племенам.

*«И законом воспрещалось
 Брать себе жену-подругу
 Из соседнего народа.
 Не послушавший завета
 Изгонялся из селенья
 Навсегда с великим гневом».*

В первой редакции поэма посвящалась Косте Дмитриеву, в последующих переизданиях «Посвящается Гдовскому уезду» – «родине души» – Логу. Если летом не предполагалось гастролей, актриса спешила на Псковщину в «благословенный Лог», который служил местом отдыха и творческой лабораторией матери и дочери Ямщиковых. В Логу написаны «Багровый Хамсин», «Изгнанники Новой Каледонии», «Под знаменем Гарибальди». В 20-е годы в «Библиотеке юного пионера» вышли небольшие книжечки Арт. Феличе: «Через моря, реки, океаны» – об изобретателе первого в мире колёсного

Фрагмент выставки
 музея Ал. Алтаева
 в Логу Псковской области

парохода Роберте Фултоне, «Пойманный луч» – о французском художнике и разработчике первого практического способа фотографии Луи Дагере, «Мировой язык» – об изобретателе электро-механического телеграфного аппарата и кода Самуиле Морзе, «Победитель невидимой армии» – об учёном, основоположнике современной микробиологии Луи Пастере и ряд других рассказов о знаменитых людях. Кроме оригинальных произведений, Людмила Ямщикова занималась переработками иностранных повестей и романов, до сих пор переиздаётся повесть из времён каменного века «Руламан» В.Ф. Вейланда в переработке для детей Арт. Феличе под редакцией Ал. Алтаева. В 1950–60-е годы в издательстве «Детская литература» вышли романы «Морские нищие» – из истории Нидерландов XVI века и «Клуб тётушки Сидони» – о событиях английской буржуазной революции XVII века. Книги будут переиздаваться, переведутся на армянский и латышский языки, а их автора примут в Союз писателей СССР.

А вот театрального звания она не получила, хотя в 1939 году Московский Современный театр, где она работала в последние годы, выдвинул Л.А. Ямщикову на соискание звания заслуженной артистки Российской Федерации за исполнение роли Вассы в пьесе М. Горького «Васса Железнова».

После Ульяновска Людмила Андреевна служила в театрах Таганрога, Златоуста, Костромы, Рязани и Москвы. Перед началом Великой Отечественной войны она оставила сцену. В эвакуацию они с матерью не поехали, остались в Москве. Работали, где придётся, немного писали для «Крестьянки» и «Работницы». При первой

возможности выехали на Псковщину. Сейчас в любимом ими логовском доме находится Литературно-мемориальный музей Ал. Алтаева, филиал Псковского государственного музея-заповедника, где часть экспозиции посвящена дочери Ал. Алтаева – Людмиле, соавтору, актрисе и первому экскурсоводу музея. Последние годы своей жизни Л.А. Ямщикова-Дмитриева провела в ленинградском Доме ветеранов сцены, носящем имя её учительницы М.Г. Савиной, здесь закончила свои воспоминания «Актриса», здесь и умерла 14 ноября 1978 года.

Вспоминая прощальный спектакль ульяновского сезона, наша героиня написала: «Образцов, верный своему принципу: «идти от актёра к репертуару», составил этот торжественный вечер из нескольких актов разных пьес. Он хотел дать возможность актёрам попрощаться с сердечной публикой Ульяновска в лучших своих ролях. Третий акт «Лукреции Борджиа» позволял чете героев «прощаться» одновременно, освобождая остальных актёров для других пьес. Пожалуй, ни одна «периферия» не любит так аплодисменты, как Ульяновск. Становилось даже досадно выходить столько раз на «поклоны».

– Слышишь, – говорила «Лукреция» своему партнёру «Герцогу д'Эсте», – а не смеются ли они над нами, всё вызывая и вызывая?

– Какая ты глупая! – баритонил на ходу герой. – Я знал Ульяновск и раньше, здесь на аплодисменты не скупятся».

Татьяна Степанова,

зав. Литературно-мемориальным музеем
 Ал. Алтаева
 (село Лог, Псковская область)

Фотографии работ
Аркадия Пластова
на выставке
в Симбирском высшем
начальном училище,
сделанные
Д.И. Архангельским
26 сентября 1915 года.

От картинной галереи – к музею живописца

К 30-летию открытия Пластовской галереи

Из фондов ГАУО

Аркадий Александрович Пластов (1893–1972) – выдающийся русский художник, признанный классик реалистического искусства советской эпохи. Картины живописца находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, во многих музеях нашей страны и стран СНГ, частных коллекциях за рубежом. На родной земле художника, в Симбирском-Ульяновском крае, находится самая большая по численности среди музейных собраний коллекция работ живописца. Хранится она в Ульяновском областном художественном музее. Пластовская коллекция Ульяновского художественного музея стала формироваться с 1949 года и в настоящее время составляет 112 произведений живописи и графики художника.

Импульсом к созданию музейного центра по изучению и экспонированию художественного наследия А.А. Пластова в Ульяновской области стало постановление Совета Министров СССР от 12 января 1973 года «Об увековечении памяти народного художника СССР А.А. Пластова», в котором указывалось об организации в родном для живописца селе Прислониха Карсунского района мемориального музея художника на правах филиала Ульяновского областного художественного музея.

В связи с подготовкой празднования в 1983 году 90-летия А.А. Пластова бюро Ульяновского обкома КПСС и исполком областного Совета народных депутатов 26 января 1982 года постановили открыть в Ульяновске выставочный зал изобразительного искусства с экспозицией картин А.А. Пластова, документами и материалами о его жизни и деятельности. Для организации выставочного зала А.А. Пластова передавался дом № 16 на улице Гончарова.

Место, где намечалось открыть выставочный зал А.А. Пластова в Ульяновске, обладало интересной историей, о которой стоит упомянуть отдельно. С основания Симбирска на месте, где ныне расположен дом № 16 на улице Гончарова, находилась деревянная церковь Святой Троицы с приделом в честь преподобного Сергия Радонежского чудотворца, о чём можно сделать вывод исходя из исследования дореволюционного краеведа А.К. Яхонтова «Церкви города Симбирска (историко-археологическое описание). Выпуск 2. Церкви на горе». При церкви было кладбище, простиравшееся до современного Краснознамённого переулка.

В конце XVIII века Троицкая церковь была перенесена и построена на новом месте, дав наименование Троицкому переулку (ныне Краснознамённый). На старом же месте появился частный жилой дом, выкупленный в 1835 году для Симбирского уездного училища (с 1881 года это городское трёхклассное училище, с 1910 – четырёхклассное).

В 1912 году здание было разобрано, а в 1913–1914 годах было построено новое для Симбирского первого высшего начального училища – по проекту архитектора департамента народного просвещения А.П. Максимова с изменениями, внесёнными архитектором Казанского учебного округа С.В. Бечко-Друзиным.

В первом высшем начальном училище преподавал известный симбирский художник, краевед и педагог Дмитрий Иванович Архангельский (1885–1980) – первый учитель рисования А.А. Пластова. Д.И. Архангельский периодически устраивал общедоступные выставки в высшем начальном училище, где 24 сентября 1915 года состоялось открытие первой выставки работ студента Московского училища живописи, ваяния и зодчества Аркадия Пластова.

В газете «Симбирянин» 25 сентября о выставке писали: «Настоящая выставка приобретает особый интерес вследствие того, что на ней будут экспонироваться картины молодого

и талантливого художника Пластова, бывшего ученика господина Архангельского и состоящего в настоящее время учеником московской школы живописи и ваiania. Будут представлены чрезвычайно интересные и разнообразные вещи этого молодого таланта: начиная от карандашных рисунков, кончая акварелью и маслом. Для всякого любителя живописи представляется редкий случай в нашем далеком от искусства городе полюбоваться прекрасными работами».

Второй раз в здании Симбирского первого высшего начального училища работы А.А. Пластова выставлялись в октябре 1916 года. «И всякий раз его композиции получали в симбирских газетах высокую оценку за свою жизненную правду и живописную выразительность. У Пластова уже тогда были свои ценители и поклонники, которые подолгу простаивали перед его работами», – писал Д.И. Архангельский об успехах своего ученика. Сам Архангельский, вернувшись с мировой войны, устроил в 1918 году в здании бывшего первого высшего начального училища художественную студию и организовал «Симбирское объединение художников и учителей рисования».

В советские годы в здании бывшего училища располагались учебные заведения, например, начальная школа № 9 (продлённого дня), а с 1975 года – дирекция Ульяновского авиационного промышленного комплекса (ныне завод «Авиастар-СП»). На улице Гончарова, 16 до сих пор заходят люди, помнящие первого гендиректора УАПК с 1975-го по 1981 год А.С. Сысцова, кстати, уроженца Мелекесса, впоследствии ставшего последним министром авиационной промышленности СССР. В дирекции УАПК побывал и советский авиаконструктор О.К. Антонов, под руководством которого был создан легендарный самолёт Ан-124 «Руслан», производившийся на УАПК.

Однако в итоге здание от авиастроителей перешло к искусствоведам и художникам. После упомянутого выше постановления ульяновских властей от 1982 года дом № 16 на улице Гончарова был передан Ульяновской областной организации Союза художников РСФСР для создания выставочного зала А.А. Пластова. 5 июля 1986 года в 17 часов торжественно была открыта Пластовская картинная галерея – первый постоянный выставочный центр художественного наследия А.А. Пластова в Ульяновской области, филиал Ульяновского областного

художественного музея. На открытии присутствовали: заслуженный художник РСФСР Николай Аркадьевич Пластов (1930–2000), первый секретарь Ульяновского обкома КПСС Г.В. Колбин, члены бюро обкома и горкома партии, облизполкома и горисполкома, председатель правления областной организации Союза художников Ю.Н. Панцырев.

Картины А.А. Пластова выставлялись на втором этаже галереи, где был и мемориальный зал с мольбертом художника. Здесь экспонировалось около пятидесяти работ живописца из собрания областного художественного музея. Одиннадцать работ своего отца передал галерее в 1986 году Н.А. Пластов. Возглавила Пластовскую картинную галерею сотрудник Ульяновского областного художественного музея Елена Николаевна Сульдина (1957–2002).

Руководитель Пластовской картинной галереи Елена Сульдина (Шаталина). 1980-е

За период 1986–1994 годов в Пластовской галерее для жителей и гостей Ульяновска были продемонстрированы знаменитые картины нашего великого земляка из собраний Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея: «Фашист пролетел» (ГРМ), «Полдень» (ГРМ), «Юность» (ГРМ), «Мама» (ГТГ), «Из прошлого» (ГТГ). В 1993 году было отпраздновано столетие со дня рождения А.А. Пластова. В галерее 28 мая 1993 года была открыта юбилейная выставка, для организации которой были привезены в Ульяновск 46 произведений живописца: из Государственной Третьяковской галереи («Ночное», «Гуртовщица Маня Шарымова», «Девушка с граблями», «Ванюша Репин»), агентства «Росизопробанд», семьи художника. Вечером того же дня в Большом зале Мемцентра, где проходила часть торжеств, глава администрации Ульяновской области Ю.Ф. Горячев сказал: «Уходит время, но не уходит от нас память о людях... Всё творчество Пластова настояно на самозабвенной и мудрой любви к земле».

Удивительно, но через год после торжеств Пластовская картинная галерея была закрыта. Зав. сектором Пластова Ульяновского художественного музея Н. Лужевская 8 мая 1996 года в «Ульяновской правде» писала о закрытии галереи: «Ведь спустя год после торжеств, посвящённых 100-летию со дня рождения Пластова, на которых «высокие» чиновники республиканского и местного масштабов сказали так много тёплых слов о художнике, признавались в своей любви к его творчеству, вдруг разлюбили, видимо, переоценили и закрыли Пластовскую галерею. А ведь произведения, экспонируемые в ней, составили бы славу любому столичному музею».

После закрытия галереи в двухэтажном здании на Гончарова, 16 на первом этаже разместились коммерческие организации: магазины, было даже казино. Следует заметить, что ещё в 1993 году часть помещений первого этажа уже занимали коммерческие структуры, несмотря на столетний юбилей А.А. Пластова и протесты сотрудников галереи. На втором этаже с 1994 года разместился выставочный зал Ульяновского отделения Союза художников России. Странное соседство с коммерсантами просуществовало до 2008 года, когда 6 июня правительством Ульяновской области было принято распоряжение о создании Музея А.А. Пластова – филиала Ульяновского областного художественного музея, по адресу: улица Гончарова, 16. Коммерческие структуры были удалены. Дом на Гончарова, 16 был передан на баланс областного художественного музея.

Инициаторы создания Музея Аркадия Пластова: председатель Счётной палаты России С.В. Степашин, внук живописца Н.Н. Пластов, губернатор Ульяновской области С.И. Морозов. Кроме того, создание музея живописца в Ульяновске было одобрено на собрании общественности, состоявшемся 17 октября 2007 года в Музее современного изобразительного искусства имени А.А. Пластова (ныне Музей изобразительного искусства XX–XXI вв.).

30 сентября 2009 года в доме на улице Гончарова, 16 открылся Центр А.А. Пластова. Торжественное открытие Музея Аркадия Пластова состоялось 15 ноября 2010 года. Открытие Музея А.А. Пластова восстановило историческую преемственность с Пластовской картинной галереей.

Антон Долматов,
научный сотрудник Музея А.А. Пластова

Мне везёт на хороших людях

К юбилею Ольги Шейпак

Трудно отстранённо говорить о человеке, которого близко знаешь, который много лет находится в поле притяжения твоего сердца...

Но, наверное, правильно, что по традиции мы отмечаем юбилейные даты. Это даёт нам хорошую возможность поразмышлять о человеке, сказать о нём доброе слово, порадоваться тому, что вы в жизни встретились...

Фото Сергея Ойкина

Ольга Георгиевна Шейпак – писатель, журналист, краевед. Она родилась 3 мая 1956 года на Байкале, в городе Улан-Удэ. Родители – фронтовики: отец родом из Забайкалья, а мама – из Могилёва, поэтому, как говорит сама Ольга Георгиевна, «...моя капиллярная система – из забайкальских недр, а нервная – из белорусской тоски и нежности».

«Всё, что в нас есть – всё из детства. Особенно творческое начало в человеке питается детством...». В 1973 году Ольга окончила Могилёвский педагогический институт, филологический факультет. Училась всегда на «отлично». Ольга Шейпак разносторонне одарённый, творческий человек. Истоки становления там, в Забайкалье, а взросления – в Белоруссии. Недаром потом, в своих книгах, снова и снова возвращается она душой в забываемые места детства и юности. Более тридцати лет Ольга Георгиевна живёт в Ульяновске и по праву считает этот город своим.

«Симбирск-Ульяновск – моя духовная родина. Здесь я родилась заново, по-настоящему, и эта радость нового рождения заряжает энергией и окрыляет». В Ульяновске Ольга Шейпак преподавала русский язык и литературу в средней школе и техникуме. Работала редактором авторских программ на ТРК «Канал-2», вела авторские передачи. С 1993 года – член Союза журналистов России. С 1995-го по 2015 год работала в журнале «Мономах».

«Журнал «Мономах» – это главный подарок в жизни. Помню, как зимой 1995 года я впервые пришла к главному редактору, Вячеславу Егорову, и он в меня поверил – очень ему за это благодарна... Встречи с незаурядными, бескорыстными людьми, радость творчества – всё это щедро дарил «Мономах»... Благодаря журналу я полюбила этот край и людей – не только современников, но и тех, кто населял Симбирск столетия назад...», – говорит Ольга Георгиевна.

Первая книга Ольги Шейпак «Самые счастливые» вышла в 1996 году. В предисловии известный ульяновский писатель Евгений Мельников писал: «Рассказы Ольги Шейпак свидетельствуют о несомненных литературных способностях автора. Она умеет дорожить словом, не растекается мыслию по бумажному листу, очень экономна в художественных средствах, чувствует композицию вещи... Я верю, что Ольга Шейпак найдёт свою незаёмную тропинку в литературе...». И его слова оправдались.

«Я никогда не мечтала о собственных книгах – просто писала...», – сказала в одном из интервью Ольга Шейпак. Но книги «Самые счастливые», «Багульник», «Фёдор Абломов», «Небесные посланники» родились, увидели свет и нашли свой путь к читателю. Если «Самые счастливые» – сборник прозы, то в книгу «Багульник» вошли стихи разных лет. Само название

книги – дорогой сердцу образ из детства автора. Сборник – лирический дневник в стихах, о любви и утратах, о счастье и боли...

*Сердце мне посыпали золою,
Думали, оно навек уснёт.
Но, умывшись чистою слезою,
Сердце вновь, ожившее, поёт.*

(Стихотворение
«Сердце мне прижгли недобрым
словом...»)

Познакомившись с прозой Ольги Шейпак, понимаешь, что её стихи – это, может быть, эскизы, наброски, эпиграфы к будущей прозе; в стихах намечены темы, которые в полную силу зазвучат в рассказах, повестях и романах...

Стихотворное посвящение «Бабушке» могло бы стать эпиграфом к циклу миниатюр «Бабушка». А с замечательным рассказом «В белом саду» перекликается стихотворение, открывающее поэтический сборник.

*Мне восемнадцать.
Я в кофточке белой.
Волосы вьются на тёплом ветру.
В туфельках новых ступаю несмело –
Ждёт меня счастье в белом саду...*

(«Встретимся в белом саду»)

Стихотворные размышления «Я спешу... Но куда?! Где манящая цель?..» в глубинном плане отражаются в романе «Фёдор Абломов».

«Житейское море бросает лодку земного путника то на мель, то на скалы, то рифы встретятся на пути, то айсберг... Кто знает, как правильно управлять этой лодкой и куда держать курс?.. Что такое кругосветное плавание? Движение по окружности, не лишённое центробежной силы. Так ведь и земная жизнь – движение по заданному кругу, тяготеющее к опоре. И эта опора – душа».

*«Надобно жить и дышать.
Даже когда невозможно.
Точка опоры – душа.
Истинно и непреложно!»*

«Фёдор Абломов» – это типичный для русской литературы роман пути, поисков своего места в жизни, дороги, ведущей к храму. За роман «Фёдор Абломов» Ольга Шейпак удостоена Всероссийской литературной премии

имени И.А. Гончарова. Хочется верить, что все, кто прочёл эту книгу, получили прививку от равнодушия и ещё больше полюбили этот мир.

«Вот так же тает жизнь – медленно, таинственно и сладко, стирая очертания лиц и судеб. Но душа-то остаётся, а значит, остаётся всё, что дорого сердцу», – читаем мы в романе.

Книга Ольги Шейпак «Небесные посланники» о том, что дорого сердцу. Это повести и рассказы о людях, которые встретились автору на жизненном пути и оставили неизгладимый след. «...Тропа, по которой я иду, вот-вот кончится... И я хочу обернуться, бросить пристальный взгляд назад, чтобы навсегда запечатлеть и унести с собой самый яркий, самый выразительный кадр – мой белый сад, в котором и поныне живут незаменимые люди – небесные

посланники. Кого-то я в своё время не разглядела, к кому-то была привязана, иных незаслуженно обидела, но все они оставили в моей жизни неизгладимый ветрами след – тот самый, который рано или поздно открывается внутреннему взору...» У героини рассказа «В белом саду» своя формула счастья: «Открывать своё сердце каждому встречному, потому что случайных встреч не бывает...» Эта формула близка и самой Ольге Шейпак, человеку щедрой души, способному отдавать и одаривать.

«Каждый попутчик – небесный посланник». И хочется верить в это, и хочется вторить, и благодарить. Благодарить за встречу, за щедрость, за добро! «Встретимся в белом саду» – эхом отзывается душа.

Елена Кувшинникова

Слово друзьям

Фото Сергея Ойгина

О.Г. Шейпак (четвёртая справа в первом ряду) среди друзей.
6 мая 2016 года

Вячеслав Егоров,

руководитель историко-архивной комиссии Ульяновской области, первый редактор «Мономаха»

Об Ольге Георгиевне Шейпак говорить легко и одновременно трудно, настолько она разносторонний, умный, увлекающийся, духовно богатый, обострённо чувствующий и удивительно чистый, порой до самой настоящей детской наивности, человек.

Впервые я увидел её, когда она, будучи сотрудником заволжской телекомпании, пришла ко мне брать интервью по случаю выхода в свет первого или второго номера журнала

«Мономах». Интервью было записано и вышло в эфир, но главное, что произошло в тот день, состояло в том, что наш новый областной журнал ворвался в душу Ольги Георгиевны, а я высоко оценил её эрудицию и искреннее желание нести людям свет любви к Родине, к нашему родному краю. Спустя совсем небольшое время она пришла снова, уже работать.

Должен сказать, что приход в редакцию талантливой журналистки и писательницы пошёл журналу на пользу: её умение слушать и слышать людей, внимательное отношение к авторам и их текстам, широкий и принципиальный взгляд на качество публикуемых материалов, удиви-

тельный художественный вкус – всё это послужило росту популярности издания, формированию прочного и дружного коллектива друзей «Мономаха».

Впрочем, я не хотел бы ограничиться только рассказом о работе Ольги Георгиевны в журнале. Эти два десятилетия она сумела совершить огромный рывок в своём творческом и гражданском росте, написать несколько книг, стать настоящим и глубоким знатоком человеческих душ, отважным борцом за духовное возрождение нашего края и России.

От всего сердца поздравляю Ольгу с юбилеем и желаю ей здоровья и новых писательских вершин.

Элеонора Денисова,
кандидат филологических наук

Каждая яркая личность отличается от другой – «лица необщим выраженьем». Зачастую это выражение не поддаётся чёткому определению. Ключевое слово в определении особенностей личности Ольги Шейпак – энергия. Причём энергия во всех сферах жизни: духовной, нравственной, творческой, бытовой. Важно, что эта энергия всегда направлена к Добру.

Я часто определяю людей по тому, какое стихотворение я бы могла адресовать именно этому человеку, с какими стихами он у меня ассоциируется. Когда я думала об Оле, на ум пришло переиначенная строка Ярослава Смелякова: «Хорошая девочка Оля в рабочем посёлке живёт». Или его же «Милые красавицы России»: «Не в садах Перро, а на Урале/Вы золою землю удобряли...»

Вот такая она: комсомолка, активистка, отличница, деятельница... И всё это правда, об этом все говорили, говорят и будут говорить – это на поверхности. А вот в последнее время, когда я думаю об Ольге, мне стало казаться, что среди того богатства и многообразия энергии, которая ей дана, есть некая ниша, до конца не выявленная. Не знаю, осознаёт ли это в себе сама Ольга. Я её легко представляю где-то на балу, в малиновом берете, разговаривающей «с послем испанским» или танцующей вальс. Она, кстати, хорошо танцует...

«Этот вальс, этот зов, эти звуки навевают и годы, и дни, я целую дрожащие руки, мы вдали, мы в тиши, мы одни...» Эти строки Валерия Брюсова у меня тоже с Ольгой ассоциируются.

А вот если бы я была Александром Блоком, то не Волоховой, а Оле Шейпак посвятила, например, это стихотворение:

<...>

*Мне слабость этих рук знакома,
И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.*

<...>

*И, миру дольнему подвластна,
Меж всех – не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой креплена.*

Ольга Даранова,
учёный секретарь
Дворца книги –
Ульяновской областной
научной библиотеки
имени В.И. Ленина

Дорогая Ольга Георгиевна!

Дворец книги – Ульяновская областная научная библиотека сердечно поздравляет Вас с юбилеем!

На протяжении многих лет существует прочная связь и дружба Дворца книги, ульяновской писательской организации, возглавляемой Вами, и журнала «Мономах», который стал значимой частью Вашей жизни. У писателей и библиотекарей всегда были общие «болевые точки», общая неуспокоенность души – в желании сохранить человека, отдать все силы для его просвещения. Эту почётную миссию мы несём с Вами вместе.

Вас всегда отличало вдохновение творчества, желание донести до соотечественников чистое русское слово, любовь ко всему симбирскому, надежда и вера в добро и свет в душах людей.

Всем ульяновцам дорог родной Вам журнал «Мономах», ставший для многих Домом духовного здоровья, источником любви к своей Родине. Журнал учит нас уважать себя, не терять связь со своим народом, со своим Отечеством, его богатými культурными традициями.

Вы всегда стремитесь к тому, чтобы говорить с людьми о высоких нравственных и духовных ценностях – и на страницах своих книг, и на страницах журнала, и на творческих встречах. Во многом Ваша личная воля, Ваш литературный вкус, Ваш духовный багаж являются противостоянием тому упрощению жизни, который, к сожалению, присутствует сегодня.

От всей души желаем, чтобы с Вами всегда осталась Ваша молодость, лёгкость и стремительность, и пусть изящная винтовая лестница русской культуры будет Вам с годами не трудна, а притягательна желанием подняться ещё выше.

Лев Нецветаев,
член Союза архитекторов РФ,
член Союза художников РФ

Салютуем Ольге Георгиевне!

Наверняка мы были знакомы и раньше, но с 1995 года, когда Ольга Георгиевна стала заместителем редактора журнала «Мономах» (с которым я сотрудничал с первых его номеров), общение наше стало регулярным и очень мне приятным.

Я смолоду любил иллюстрирование за новизну тем и поиски новых композиций, а журнал давал эту возможность – в отличие от нынешнего, украшенного лишь фотографиями. И надо было видеть, с какой трогательной робостью Ольга Георгиевна заводила разговор о новых иллюстрациях – словно о тяжкой для меня обузе – и какими комплиментами награждала мои не бог весть какие рисунки. Эта трепетная деликатность, весьма странная для наших дней, – неотъемлемое качество Ольги Георгиевны.

Сама прекрасный литератор, она сердечно привечала как новичков, так и ветеранов. Душевная атмосфера редакции, в огромной степени создаваемая именно ею, прямо-таки манила присесть и «покалякать» по душам. Там можно было застать и Жореса Трофимова, и Рудольфа Азбукина, и моего друга и коллегу Валентина Филимонова, чья прекрасная зарисовка старой Риги сопровождает редакцию в блужданиях «с квартиры на квартиру».

Добросердечие и открытость этого человека не устают меня поражать. И от лица многих и многих солидарных со мною пять лет назад я вручил ей экспромт, говорящий о женщинах-музах, с такою концовкой:

*Чернилницы, пера, листа осьмушки
хватало раньше, так же, как и нам.
Но что, простите,*

*написал бы Пушкин
без 113-ти падений к их ногам?*

*Тут забывают о семье и долге.
История стократно говорит,
что править на Руси княгине Ольге
не внове. То-то Ольга и царит.*

*И ныне, в день крутого юбилея,
как мушкетёры,*

*только что без шпаг,
мы салютуем той, что всех милее, –
Георгиевне Олечке Шейпак!*

Генерал, граф, фотограф

Граф Иван Григорьевич Ностиц.
1895

Фото И.Г. Ностица

Цесаревич Александр
Александрович в Царском Селе.
1866

Граф Иван Григорьевич Ностиц (1824–1905) был одним из первых россиян, кто научился своей фотокамерой «останавливать мгновенье». Сегодня снимки того времени, запечатлевшие эпоху, – большая ценность.

Первый фотолюбитель России

«Московские ведомости» в 64-м номере за 1905 год писали: «4 марта в Москве скончался один из старейших георгиевских кавалеров, генерал-лейнант граф Иван Григорьевич Ностиц». Перечисляя военные заслуги графа, газета отмечала, что Ностиц «был известен как выдающийся фотограф-любитель, снимки которого высоко ценились и составляли украшение фотографических выставок».

Историк фотографии и кино, профессор Григорий Моисеевич Болтянский называл Ностица «первым фотолюбителем России» и относил начало увлечения графа фотографией к периоду зарождения дагеротипии.

Из родословной фотографа узнаём, что граф Иван Григорьевич Ностиц –

Фото И.Г. Ностица

Царская семья в Ливадии. 1891

сын участника наполеоновских войн генерал-лейтенанта Григория Ивановича Ностица, родоначальника русской ветви рода. И.Г. Ностиц окончил Пажеский корпус, принимал участие во многих военных акциях русской армии на Кавказе.

В январе 1863 года граф был произведён в генерал-майоры с назначением в свиту его императорского величества Александра II. С той поры члены царской семьи часто становились объектами его фотосъёмки.

На многих российских выставках конца прошлого века можно было видеть фотографические работы Ностица. К таланту фотографа добавился публицистический дар: написанные им воспоминания о польском восстании 1863 года были опубликованы в «Русском архиве» (№ 8 за 1900 год) и пользовались большим успехом.

Связи с Симбирской землёй

Выдающийся фотограф Иван Ностиц на протяжении своей долгой жизни (умер он в возрасте 81 года) фиксировал происходившее вокруг него. Его снимки – свидетельство далёкой эпохи. По мнению исследователей личности И.Г. Ностица, «единого комплекса документов обнаружить пока не удалось. Выявились лишь отдельные работы в различных фондах и архивах».

Увы, фотографиями авторства графа Ностица Государственный архив Ульяновской области не располагает, но единичные документы, касающиеся семьи Ностиц, в фондах сохранились. В частности, перелистка официальных инстанций, датированная 1865 годом. В ней идёт речь о передаче графу Ностицу опеки над имениями в Симбирской

губернии, которые после смерти своей матери унаследовал несовершеннолетний сын генерал-майора Григорий.

Александра Александровна Ностиц, урождённая Раевская (1839–1863) владела имением в деревне Кашинка Симбирского уезда. В 1815 году дворянин Николай Иванович Репьёв продал деревню Кашинка генерал-майору Петру Васильевичу Киндякову, у последнего её купили Александр Николаевич и Екатерина Петровна Раевские. Дочь их, Александра Александровна, вышла замуж за графа Ивана Григорьевича Ностица и получила Кашинку в приданое. Сегодня – это село Кашинка Цильнинского района Ульяновской области.

Гузелия Ждыханова,
ведущий архивист
Государственного архива
Ульяновской области

Фототрадиция нашего края

Есть в нашей области хорошая традиция: в канун майских праздников открывается очередная фотовыставка «Ульяновская область – территория талантов». В этом году выставка состоялась в сорок восьмой раз. Большинству её авторов не исполнилось и тридцати, а это значит – у областной традиционной выставки хорошее будущее.

Юлия Гирченко. Мир в отражении

Свою историю региональная фотовыставка начала в 1963 году. Тогда она называлась «Родина Ильича сегодня», позже – «Жизнь человеческая». Организатором фотовыставки выступало Ульяновское региональное отделение Союза журналистов России. В 2000 году из-за финансовых трудностей выставочная деятельность УРО СЖР была приостановлена.

В 2008 году одним из соучредителей фотовыставки стал департамент массовых коммуникаций, и традиция возродилась. И вот на протяжении последних 9 лет областная выставка радуется зрителем фотошедеврами, удивляет фотоэкспериментами, открывает новые таланты и вспоминает мэтров фотоискусства.

Каждую выставку организаторы посвящают какому-либо событию из жизни нашего региона. Выставка этого года состоялась под знаком 250-летия первого российского историографа, автора «Истории государства Российского», уроженца Симбирска Н.М. Карамзина.

Свои работы представили профессиональные фотожурналисты и фотолюбители. Самому младшему участнику выставки – 4 года. Всего же было

заявлено около 900 работ в номинациях: «портрет», «пейзаж», «документальная фотография», «уличная фотография», «эксперимент».

В финальную экспозицию, которая разместилась в Ленинском мемориале, вошло 100 работ. Из них жюри выбрало победителей в каждом жанре.

На открытии
48-й областной фотовыставки

Следует заметить, что все победители 48-й фотовыставки – фотографы-любители, которые ранее не были отмечены призами регионального фотоконкурса.

Так, в номинации «портрет» победителем стала работа «Одинаковые улыбки», автор – Олег Хомяк. В номинации «пейзаж» победил «Солнечный дождь», автор – заслуженный врач РФ, кандидат медицинских наук Григорий Кучушев.

В номинации «стрит» (уличная фотография) лучшей стала работа Валерия Романова «Колесо». В номинации «хороший кадр» (документальная фотография) победила работа дебютанта фотовыставки Владимира Ивахненко под названием «Арское, хоккей». И в экспериментальном жанре победу тоже одержал дебютант – Юлия Гирченко с работой «Мир в отражении».

Народное голосование, которое проводилось в группе фотовыставки в социальной сети «ВКонтакте» и на сайте партнёра фотовыставки информационного агентства «Медиа73», разделило приз зрительских симпатий между работами Натальи Кабаковой «В образе (Дети войны)» и Сергея Колесникова «Лейтенант НКВД (Реконструкция)».

Альбом фотовыставки, размещённый на сайте «Медиа 73», посмотрело свыше 2000 человек. Специальный приз «За успешный фотодебют» имени Авксентия Галагозы от Ульяновского регионального отделения Союза журналистов России был вручён десятикласснице ульяновского лицея № 20 Ксении Чернышёвой. Из десяти работ, присланных автором на конкурс, пять вошли в финальную экспозицию. Каждая работа Ксении –

Сергей Колесников.
Лейтенант НКВД

Валерий Романов. Колесо

Олег Хомяк. Одинаковые улыбки

Владимир Ивахненко.
Село Арское, хоккей

Ксения Чернышёва. Дамское счастье

мастерски выполненный философский фотосшедевр, позволяющий разглядеть вечное и суетное в череде будней.

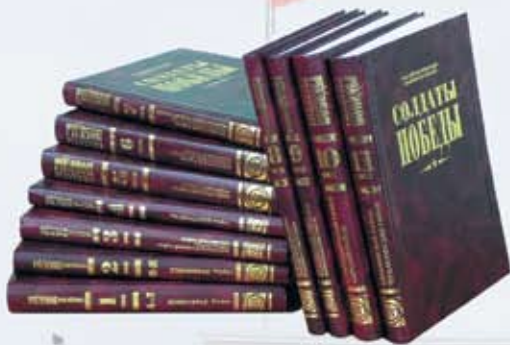
Департамент массовых коммуникаций управления информационной политики администрации губернатора Ульяновской области отметил специальным призом имени Александра Маркельчева «За вклад в развитие региональной фотожурналистики» работу известного ульяновского фотожурналиста Владимира Никитина. Владимир Александрович ушёл из жизни в начале этого года. Его памяти посвящён отдельный стенд фотовыставки. Приз и последний выпуск областной памятной книги «Солдаты Отчизны», над которой работал Владимир Никитин, были переданы его родным.

Ежегодно (и это тоже традиция!) выставка вызывает споры среди мастеров фотографии. Мнения жюри и зрителей часто не совпадают. Однако год от года в выставке принимают участие всё больше и больше фотографов, присылают свои работы мастера из других городов, участники выставки «молодеют», а выставка становится всё интереснее, изящнее, многограннее.

Светлана Нефёдова

Эхо минувшей ВОЙНЫ

Фото Владимира Никитина

Ульяновские мемориальные многотомники Книга Памяти, «Солдаты Победы», «Солдаты трудового фронта», «Детство, опалённое войной» по периоду Великой Отечественной войны издавались с 1995-го по 2016 год и увековечили в общей сложности имена сотен тысяч наших земляков. Книги проиллюстрированы несколькими фотографиями, в том числе фотожурналистом Владимиром Никитиным (1958–2016), много лет сотрудничавшим с редакцией журнала «Мономах».

Репортажные фото, кадры из личного архива Владимира Александровича – эти остановленные мгновения поражают своей достоверностью, дают мощное ощущение подлинности и сами по себе являются документами сегодняшнего времени.

Знать и любить свой край

Р.Ф. Ахмедуллов

Состоялась учредительная конференция Союза краеведов Ульяновской области

Журнал «Мономах» уже писал о том, что в декабре прошлого года прошёл первый съезд краеведов Ульяновской области. На нём было принято решение о создании регионального Союза краеведов. И вот 15 апреля 2016 года в торжественном зале областной научной библиотеки – Дворец книги собрались историки, краеведы, библиотекари, музейные работники, журналисты, учителя. Собрались, чтобы продолжить начатое.

Врио губернатора Ульяновской области С.И. Морозов направил участникам конференции приветственное обращение, где, в частности, была высказана мысль о том, что Ульяновская область – это модель нашей страны. Знать и любить область – это означает знать и любить Родину.

«Союз окажется мёртворождённым, если не будет кропотливой каждодневной работы», – заявил в своём выступлении председатель региональной Счётной палаты, председатель Координационного совета Русского географического общества в Ульяновской области И.И. Егоров.

Одной из важных задач будущего Союза краеведов Игорь Игоревич считает массовое движение по записи и публикации историй конкретных семей. И, безусловно, без участия молодежи выполнить эту задачу будет невозможно.

Председатель областной историко-архивной комиссии, советник губернатора В.Н. Егоров назвал главной целью будущего Союза координацию деятельности исследователей местной истории. Эта работа активно велась и до революции, и в 1920–30-е, и в 1960–90-е годы, но всегда была недостаточно скоординирована, исследователи зачастую не знали, чем занимаются коллеги. Вячеслав Николаевич призвал к дружной совместной работе с Историческим, Военно-историческим и Географическим обществами.

Директор НИИ истории и культуры Ульяновской области им. Н.М. Карамзина С.А. Прокопенко высказал уверенность в том, что пришло время вывести краеведческую работу на новый методический и организационный уровень. Важно также обеспечить полидис-

циплинарный характер деятельности Союза, не замыкаясь только на истории как дисциплине, так и на изучении прошлого. «Несомненно, будут возникать трудности, например, как соединить опытных и новичков, гуманитариев и технарей, но есть понимание, куда и как мы должны двигаться», – сказал Сергей Алексеевич.

Учитель русского языка и литературы из села Коржевка Инзенского района, руководитель школьного музея З.И. Морозова охотно общается с молодыми краеведами

Своими мыслями о работе Союза краеведов поделились другие гости и участники конференции.

Затем были решены организационные вопросы: о создании областного Союза краеведов, об утверждении его устава. Избран совет Союза в количестве семи человек.

Председателем Союза краеведов Ульяновской области избран Юрий Васильевич Козлов, автор нескольких книг, до этого работавший директором Средневожского филиала института «Спецпроектреставрация», более 30 лет занимавшийся сохранением объектов культурного наследия.

Участники учредительной конференции сразу после мероприятия поделились с читателями журнала «Мономах» своим мнением о вновь созданной общественной организации.

Виктор Васильевич Елисеев, учитель истории Ново-Белоярской средней школы Чердаклинского района:

– *Надеюсь, что с созданием Союза краеведов изменится отношение общества к своей истории. Это даст нам возможность по-новому посмотреть на самих себя. Тем более в нынешней ситуации внешнего давления на нашу страну нам необходимо искать опору. Её мы найдём в нашей истории.*

Рифгат Фазуллович Ахмедуллов, заместитель председателя исполкома Ульяновской областной татарской национально-культурной автономии, почётный гражданин Ульяновской области представил результат своей многолетней работы:

– *Недавно вышла книга «Татары Симбирского-Ульяновского края», в неё включено около 400 статей. Книга издана тиражом 1000 экземпляров, она разойдётся по всей стране. Мы ждём, что с созданием Союза краеведов усилятся внимание к вопросам истории, оценкам личностей в истории.*

Наталья Викторовна Кузнецова, председатель Карсунского отделения Историко-архивной комиссии Ульяновской области:

– *От Союза я жду единения, общения и активной издательской деятельности.*

Пожелаем Союзу краеведов Ульяновской области успехов и новых открытий!

Геннадий Дёмочкин